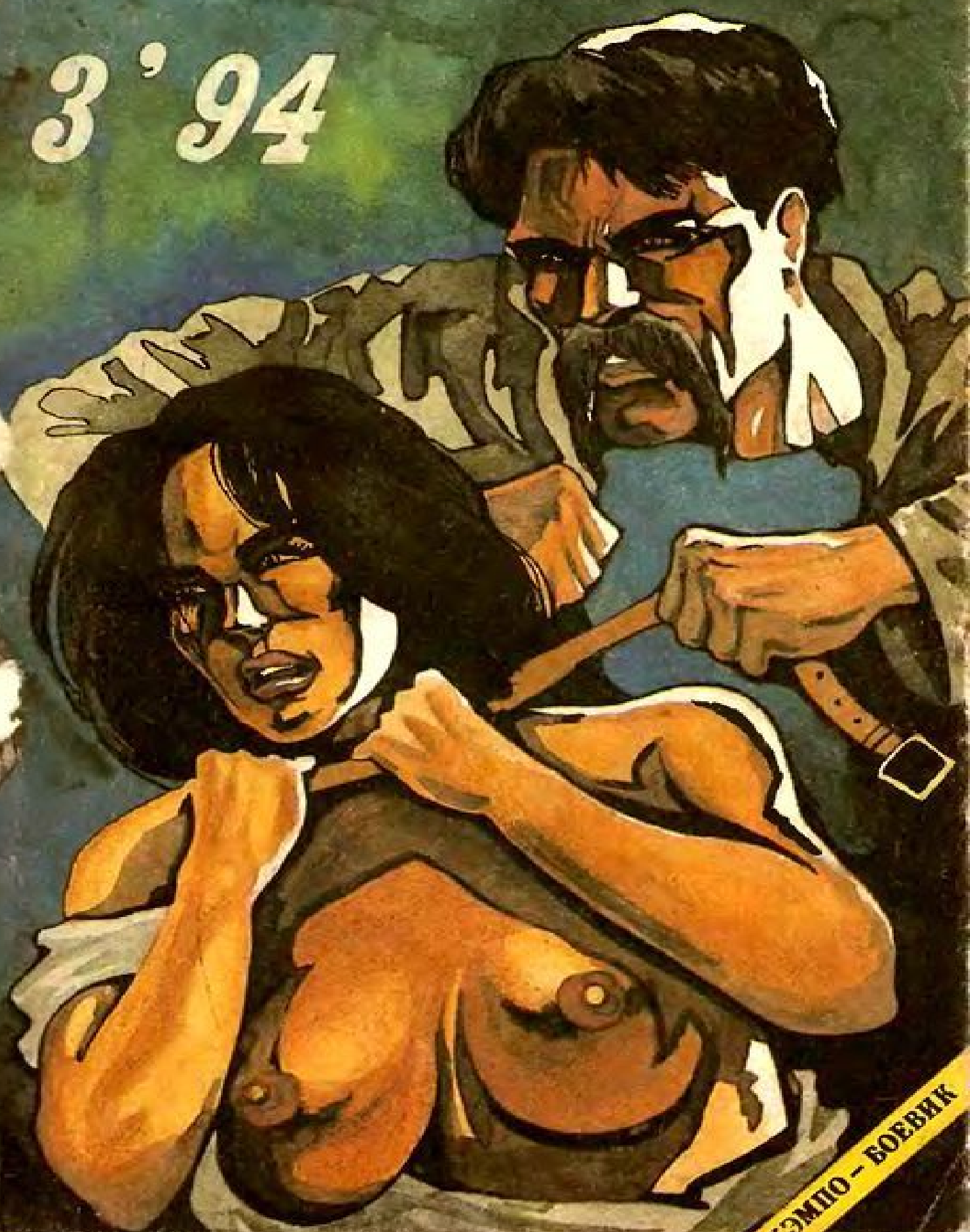

КРУТОЙ СЮЖЕТ

3'94

КОМЮ - БОЕВИК

Annotation

- [Анатолий Поднесенский](#)
 - [Анатолий Поднесенский](#)
 - [1. Григорий Вериго](#)
 - [2. Лейтенант Алексей Каминский](#)
 - [3. Документа из архива](#)
 - [4. Григорий Вериго](#)
 - [5. Поселок Сосновка. ИТК-19](#)
 - [6. «Перун»](#)
 - [7. Игорь Звонков](#)
 - [8. «Регент»](#)
 - [9. Алексей и Татьяна](#)
 - [10. Судебно-следственное дело № 434](#)
 - [11. Убийство Кристины](#)
 - [12. Операция «Физик»](#)
 - [13. Ограбление инкассаторов](#)
 - [14. Выстрелы в ночи](#)
 - [15. Поселок Брусничный. Тревога](#)
 - [16. Кровавый дождь](#)
 - [Андрэ Тоти](#)
-

Анатолий Поднесенский

Андрэ Тоти

КРУТОЙ СЮЖЕТ

1994, № 03

Анатолий Поднесенский
КРОВАВЫЕ КАПЛИ ДОЖДЯ

1. Григорий Вериго

Уложив вещи, Григорий Петрович вышел покурить. Вагон дернуло и поезд медленно тронулся вдоль перрона. Мимо окон промелькнули домики пригородного поселка, пронеслись фермы железнодорожного моста над Вяткой и начался лес — чахлые тонкие березки, низкорослые ели, заросли мелкого кустарника. Этот унылый пейзаж в сочетании с темным дождливым небом действовал удручающе. Стало как-то тоскливо. Он вышел в тамбур. Ему хотелось побыть одному, сосредоточиться, еще раз все взвесить.

По старой привычке он планировал все до мелочей, тщательно обдумывал каждый свой шаг. Говорят, что привычка — это вторая натура. И действительно то, чему его научили в молодости, стало со временем главной чертой характера. Знали бы его соседи по купе, кто он такой, зачем и куда едет. Да, прожито много и частенько ночами стала мучить бессонница. Впрочем, какая это бессонница. Ночами он листает свою книгу жизни: первую страницу, вторую, десятую...

Больше всего ему нравятся первые страницы. Это естественно, тогда он был молод. Сколько же ему было? Семнадцать, да, семнадцать...

Курсант разведшколы абвера, что расположилась в районе Берлина близ озера Квенц, Грицко Вериго поражал преподавателей своими способностями. Смелый и дерзкий, упорный в достижении цели, он быстро осваивал технику стрельбы, подрывное дело, тайнопись и подделку документов, учился одним ударом бесшумно убивать человека. Его авторитету способствовало отличное знание русского, польского и немецкого языков. Когда в 1940 году в оккупированном немцами Кракове был создан специальный центр абвера для шпионажа и диверсий в советском тылу, Вериго был рекомендован туда, несмотря на свою молодость, преподавателем.

К этому времени он успел дважды побывать с заданиями абвера на территории Украины, за что заслужил высокую

похвалу начальства.

Большинство курсантов, проходивших подготовку в разведцентре, а также часть преподавателей были воспитанниками ОУН (ОУН — Организация украинских националистов.) Веригу заметно выделялся среди своих соотечественников. Добросовестное исполнение обязанностей, фанатическая преданность хозяевам из «Великой Германии» — эти качества молодого преподавателя нравились руководителям центра абвера полковнику Штольцу и Теодору Оберлендеру.

Весной 1941 года руководитель абвера адмирал Канарис поручил Оберлендеру договориться с главным проводом ОУН (Главный провод — центр (штаб) ОУН) о формировании в составе полка особого назначения «Бранденбург-800» националистического батальона «Нахтигаль» (Соловей). В состав батальона отбирались лучшие из лучших — «элита ОУН».

Вскоре и Грицко Веригу надел форму немецкого офицера с желто-голубой ленточкой на погонах.

18 июня 1941 года «Нахтигаль» был переброшен к советской границе в район местечка Радимно. Именно здесь личному составу объявили о предстоящем нападении на Советский Союз. Духовный пастырь-капеллан батальона Иван Гриньох привел батальон к присяге «на верность фюреру и Великой Германии». Через четыре дня, 22 июня 1941 года головорезы «Нахтигалья» перешли границу СССР.

Одним из подразделений батальона командовал молодой обер-лейтенант Григорий Веригу.

2. Лейтенант Алексей Каминский

Поезд, постепенно замедляя ход, остановился. Через окно вагона виднелась станция. По времени должен быть Яр. Стало так тихо, что можно было различить шум дождя. Капли стекали по стеклу, размывая свет станционных фонарей в причудливые рисунки. В купе попутчики давно спали.

Так уж получилось, что служить Алексею Каминскому пришлось начинать не в Москве, где он проходил стажировку перед выпуском, и вообще не в городе. Полтора года тому назад его направили в маленький таежный поселок с красивым названием Брусничный.

Сказать откровенно, поселок Алексею понравился. Он живописно расположился на пригорке, окруженный со всех сторон лесом. Недалеко было небольшое озеро, которое, как рассказывали старожилы, появилось перед войной на месте отработанного карьера за одну ночь.

Воспоминания Каминского прервал гудок тепловоза. Поезд, медленно набирая ход, опять покатиł в темноту дождливой ночи.

Захотелось курить. Алексей вышел в коридор.

Недалеко от тамбура стоял седой мужчина. «Тоже не спится», — подумал Каминский. Мужчина повернулся, посмотрел на Алексея, свет дежурного тусклою освещением упал ему на лицо. Что-то знакомое показалось Алексею в этом седом, как лунь, человеке. Где же он его видел? Вот мужчина поднес сигарету ко рту, затянулся и, откинув голову назад, выпустил дым. Да, точно, Алексей помнил этого человека и эту привычку выпускать дым, откинув голову назад.

Мужчина отвернулся. Он докурил сигарету, потом еще раз мельком бросил взгляд на лейтенанта и открыл дверь крайнего купе.

Алексей взглянул на часы. Было около двух.

«И все-таки, где же я видел этого седого мужчину? — подумал Алексей. — Уж не тогда ли в Москве полтора года назад? Да, точно. Москва, Татьяна, маленькое уютное кафе. Да, это был он — „Седой“».

3. Документа из архива

Специальное донесение начальнику войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии.

30 апреля 1944 г.

Доношу, что в ночь на 26. 8. 44 крупная банда неустановленной численности пыталась перейти государственную границу...

При столкновении с подразделениями 20 погранотряда, потеряв 10 человек убитыми и 2 пленными, банда отошла обратно на сопредельную территорию. Часть банды неустановленной численности сумела прорваться в глубь нашей территории и скрыться в Кременецких лесах...

Командир стрелковой бригады ВВ НКВД.

Записка по «ВЧ» командиру стрелковой бригады ВВ НКВД 1 октября 1944 г.

Ставлю Вас в известность, что в последнее время значительно активизировала боевые действия в районе Кременецких лесов банда под командованием «Перуна».

21.09.44 банда напала на узкоколейную железную дорогу под Ракитно. Бандитами разобрано 40 м пути, уведено несколько рабочих, произведено крушение поезда, груженного дровами.

27.09.44 банда численностью до 80 человек, переодетых в форму красноармейцев, напала на село Лохчу. Убит председатель сельсовета, вырезано восемь семей советского и партийного актива.

29.09.44 в районе населенного пункта Стейно бандитами убито 12 военнослужащих Красной Армии и произведено крушение грузового поезда.

Предлагаю:

Совместно с органами НКВД организовать и провести войсковую операцию по уничтожению банды «Перуна».

Заместитель начальника ВВ НКВД Украинского округа.

4. Григорий Вериго

Григорий Петрович, докурив сигарету, постоял немного и прикурил новую. Поезд мчался в глубине ночи. Вот так мчится его жизнь, неизвестно куда и неизвестно зачем, а потом останавливается на незнакомых станциях. Вот и тогда в сорок четвертом его курень, имевший специальное задание, был переброшен в Кременецкие леса, в тыл Красной Армии. Многое может забыться, но это не забудется никогда. Шли через Шумаву. Поднявшись по крутой тропинке на вершину Клети все, как по команде, остановились, очарованные панорамой. В просвете над горизонтом, как на ладони, были видны отшлифованные скалы, напоминающие собой окаменелых диких животных, а вдалеке, в белоснежной дымке величественно темнели горы.

Подошли к границе с СССР. После освобождения Правобережной Украины Советы сразу же восстановили границу и выставили пограничные наряды. Незаметно преодолеть границу не удалось. Курень отошел назад. Прорвалась только головная сотня (Сотня — подразделение УПА численностью 120–150 чел.), его сотня.

По прибытии на место обосновались. Немцы, отступая, добросовестно потрудились и подготовили целую сеть хорошо замаскированных и связанных между собой окопов, блиндажей, складов. Позиции боевого охранения, выдвинутого вперед на угрожаемых направлениях, имели телефонную связь со штабом. Провели разведку и начали боевые действия. Вскоре прибыл референт краевого провода ОУН (Краевой провод — территория около двух областей, где действовали бандеровцы) «Регент». Его Грицко хорошо знал. Они вместе учились в разведшколе, но потом пути их разминулись. «Регент» быстро пошел наверх, вскоре о нем заговорили в «СБ» — службе безопасности главного провода ОУН.

Руководство ОУН требовало активизации действий. С этими инструкциями и прибыл «Регент». Однако границы населенных пунктов были так блокированы нарядами НКВД,

что вот уже в течение недели он не мог провести разведку и спланировать очередную акцию. Раньше при наличии нарядов в населенном пункте туда проникали очень просто. Выходили из леса, спрятав оружие в надежном месте, брали в руки пустые бутылки и спокойно шли в... магазин за керосином. Там же получали необходимые разведывательные данные от симпатичных молодежи-связников. Но сейчас энкавэдисты многое изучили и проникнуть в населенный пункт даже поздно ночью очень трудно. Только за эту неделю он потерял таких отчаянных и надежных боевиков, как «Корней», «Бульба», «Осип». И вот сегодня ушел в 2 часа ночи «Регент». Прошло около трех часов, начинало светать. «Видно что-то случилось, — подумал Вериге, — уже слишком много времени прошло».

Услышав у входа в бункер голоса, Григорий различил среди них знакомый голос Стася.

— Ну что? — спросил он у вошедшего.

— Кепско, бардзо кепско (Плохо, очень плохо (*польск.*)). Энкавэдисты прибыли в Лохчу, мусиць батальон, а мусиць болей. — Стась всегда пересыпал в минуты волнения свою речь польскими словами.

— Что будем делать? — спросил Вериге.

— Не вем, не вем, друже Григорий. Треба отходиць.

Вдруг послышался топот и в землянку вбежал командир четы (Подразделение УПА) «Лялюсь».

— Беда, Перун, энкавэдисты!

— Где?

— Идут со стороны Лохчи и приближаются к позициям передового охранения.

— Ну вот и все, — сказал Григорий, — этот бой будет для нас последним, но мы их еще побьем. Мы примем этот бой, — Григорий решительно, со злостью ударил кулаком по столу. Глаза его загорелись. — Друже «Лялюсь», играй общую тревогу. Командиров ко мне...

Воспоминания прервал шум открываемой двери купе. Григорий Петрович посмотрел в глубину коридора и увидел выходящего из купе молодого лейтенанта. Лейтенант закурил. Лицо этого парня показалось ему знакомым. Он попытался вспомнить, но что-то мешало. Форма, что ли? Да ладно, какое отношение к нему может иметь этот лейтенант?

Забравшись на верхнюю полку, Веригу устало вздохнул и закрыл глаза.

Надо спать, утром он должен быть свежим. Самое главное сейчас — выполнить то, зачем его послали в эту лесную тушь.

5. Поселок Сосновка. ИТК-19

Игорь Звонков вздохнув, перевернулся на другой бок. Господи, еще одиннадцать лет! Сами собой полились слезы. Эти черные роботы, эта колючая проволока, эти бесконечные построения и проверки, эти злобные лица и стриженные головы, этот сопровождающий везде запах карболки и человеческого пота... Нет, его здесь не трогали, а «Щербатый» даже приблизил к себе. Шутка ли сказать — ограбление инкассатора, да еще вооруженное — такие деньги взяли. Именно «Щербатый» и дал ему кличку «Интеллигент».

А чего ему, собственно, не хватало на свободе? Учился в институте, была возможность поступить в аспирантуру — отец все бы устроил. Имел свою машину. Деньга? Да, наверное денег. Отец ему выделял на карманные расходы солидную сумму. Только насколько хватало этих денег? Дня на три-четыре. А ведь красивые девочки любят, когда им дарят красивые вещи, и вообще красивую жизнь.

Кто же виноват, что он здесь, за колючей проволокой? Григорий Петрович? Нет, только не он.

В этого человека он свято верил, но еще больше побаивался его. Тогда, перед нападением, он сказал:

— Смотри, Игорь, ты можешь отказаться, ведь всякое может случиться. Попадешься, будешь отвечать сам. Меня не существует, меня нет. Если предашь — жить не будешь, я достану тебя везде. Я все могу простить, кроме предательства. Предателей нужно уничтожать. Но помни, где бы ты ни был, я сделаю все, чтобы тебя выручить.

Так говорит и «Щербатый», собирая вокруг себя молодежь. Он здесь главный — «пахан», его здесь боятся и ненавидят. Когда Игорь прибыл в зону, «Щербатый» сказал ему:

— Не знаю, почему, но ты мне, парень, нравишься. Будешь моим помощником. Зона есть зона. Здесь свои законы, но тебя никто не тронет, а рассчитаемся на свободе. За все нужно платить...

Собственно, как все начиналось? Тогда они втроем, хорошо посидев у Валентина на квартире, одурев от видеофильмов и выпивки, шли по Краснопресненской набережной. После всего выпитого и увиденного каждый чувствовал себя уверенно. Даже эти хлюпики Валентин и Генка шли, выпятив грудь, грубо расталкивая прохожих и громко матерясь. Хотелось действовать, что-то сделать, показать себя.

Тогда они и заметили эту парочку: пожилого мужчину в очках и маленькую худенькую женщину, повернувших в переулок.

— Ну что, мужики, попугаем старшее поколение? — спросил Игорь.

— Может, кого-то другого, «Князь» — они ведь в родители нам годятся, — заметил Генка.

— Ну ты, адвокат, боишься что ли, тогда не мешай, мы с Валентином все сделаем, в ресторан, я думаю, они нас немного ссудят, — Игорь подмигнул Валентину.

Когда они вошли в переулок, то увидели, что пара расположилась на скамеечке, в глубине двора. Они сидели лицом друг к другу и женщина, положив мужчине руки на грудь, что-то ему говорила. Лицо ее светилось радостью. Он смущенно улыбался, то и дело поправляя очки. На мгновение Игорю даже стало их жалко, но отступить он не привык.

— Ну что же вы, дядя, молодежь развращаете. Ночь не наступила, а вы здесь любовь устроили, — сказал Игорь, подойдя поближе.

— Да нет, молодые люди, мы просто устали, вот решили отдохнуть.

— А я говорю, влюбляетесь, — упорствовал Игорь, — и нас развращаете.

— Ребята, мы вам не мешаем? Вот и идите, куда шли, — сказала женщина.

— Ладно, короче. Платите за любовь, и мы вас не тронем, — сказал Игорь, — в вашем возрасте любовь, особенно секс — это очень вредно.

— Да как вы смеете, — мужчина встал, — как вы смеете так разговаривать со старшими!

— Ну вот, я же говорил, что они нас не поймут, — сказал Игорь и так быстро снял у мужчины очки, что тот даже не сумел среагировать.

— Отдай очки, — тихо сказал мужчина, — слышишь, подлец, отдай очки.

— Ребята, не надо все это, — женщина заплакала и дрожащими руками, расстегнув сумочку, протянула Игорю несколько купюр.

— Такие деньги за любовь? Нет, этого мало. Ну ты, шизофреник, выручай свою старуху.

Мужчина вздохнул и с силой, но как-то неловко, ударил Игоря в грудь. Игорь просто не ожидал удара от такого тщедушного на вид человека и, потеряв равновесие, упал на асфальт. А потом они все вместе били мужчину, били зло и жестоко. Женщина пыталась заслонить его, помешать, но отброшенная ударом Валентина, упала на землю.

— Помогите, помогите! — закричала она, поднявшись.

Начали открываться окна. И вдруг Игорь краем глаза, как-то случайно, заметил, что далеко в проеме выходящего на другую улицу двора остановилась желтая милицмейская машина. Липкий страх охватил все тело. «Позвонили, сволочи», — мелькнула мысль.

— Милиция! — закричал он, и все трое бросились назад по переулку.

— Сюда, скорее, — услышал Игорь из стоявшего рядом автомобиля.

Седой пожилой мужчина открыл им дверцы машины и рванул ее с места.

Выехали на Конюшковскую, проскочили ее и слились с потоком машин на Садовом кольце.

Ехали минут двадцать. Уже совсем стемнело. Свернули в небольшой переулок, проехали его и подрулили к платной стоянке.

— Сейчас пойдем ко мне, согреетесь, расслабитесь, — сказал мужчина.

Григорий Петрович — так звали их неожиданного спасителя — жил на третьем этаже. Квартира была двухкомнатная, обставленная дорогой, со вкусом подобранной мебелью.

Григорий Петрович достал рюмки, нарезал колбасу, сыр, лимон, и вытащив из светящегося бара бутылку коньяка, поставил ее на стол.

— За знакомство, — сказал он. Выпили, налили по второй. Раскраснелись, начали отходить от испуга. Валентин, как ни в чем ни бывало, с аппетитом закусывал, Генка радостно улыбался, Игорь молча жевал кусочек лимона.

— Григорий Петрович, спасибо Вам, Вы нас спасли, — умиленно сказал Генка.

— Да, срок вы бы схватили, — сказал Григорий Петрович, — а в лагере — это не на свободе. По себе знаю.

— Вы сидели? — спросил молчавший все время Игорь.

— Пришлось там побывать. Правда, не за уголовщину, а по 58-й.

— Вы политический? — Игорь удивленно посмотрел на Григория Петровича.

— Да как вам сказать. В 1944 заслали в тыл врага, потом провал, концлагерь. Бежал, снова воевал. После войны вызвали в НКВД, спросили: «Был в плену?» — «Был». Домой я уже не вернулся. Опять лагерь, только советский, было с чем сравнивать. Дали пятнадцать лет, В 1954 амнистировали. Вот так, молодежь.

— Вот сволочи, всю жизнь испортили, — процедил Валентин, — как же так?

— Да что я, таких много было. Кстати, я ведь шел с того двора и видел, как у вас развивались события. Жалко стало вас, ребята, да и люблю я смелых, отчаянных, и очень хорошо помню лагерь. Я и сам мальчишкой в неладах с милицией

жил. — Он подмигнул и достал из бара бутылку водки «Золотое кольцо».

Все восхищенно смотрели на него. «Вроде бы во дворе никого не было, — подумал Игорь, — женщина прошла, а вот его не было».

— Я предлагаю, — встал Генка, — выпить за нашего спасителя. За отчаянных и смелых людей с большой буквы. За вас, Григорий Петрович. Пьем стоя.

— Я надеюсь, мы с вами расстаемся друзьями, — сказал Григорий Петрович, — если хотите, встретимся еще. Люблю молодых. Телефоны-то на квартирах есть? У меня, к сожалению, нет, хотя и участник войны.

Все написали номера домашних телефонов. Григорий Петрович проводил на улицу, остановил такси, дал водителю деньги и отправил по домам.

Задержавшись возле Игоря, он сказал:

— Так деньги не делают.

Звонков вздохнул и натянул на голову одеяло. Проклятые комары заели на нет.

6. «Перун»

Из доклада командования стрелковой бригады ВВ НКВД начальнику ВВ НКВД Украинского округа.

20 октября 1944 года.

Докладываем о результатах операции по ликвидации оуновской банды «Перуна» в Кременецких лесах.

На основании агентурно-разведывательных данных, а также путем допроса задержанных бандитов было установлено место расположения банды «Перуна».

Операция протекала с 15 по 18 октября включительно. С первого дня начались боевые столкновения, сначала с боевым охранением банды, а по мере продвижения вглубь леса — с ее основными силами. Со стороны бандитов применялись минометы, пулеметы и ручное вооружение.

В отдельных местах бои продолжались по 5–8 часов. Бандиты пытались уйти из окружения, переходили в атаку, но повсюду уничтожались.

Захвачены трофеи: минометов — 9, станковых пулеметов — 5, ручных пулеметов — 12, автоматов — 331, винтовок — 298...

Среди захваченных живыми имеется 5 немцев, 15 немцев убиты. Все они принимали участие в боях в составе банды. Как стало известно из предварительных допросов пленных, в банде был проводник центрального провода ОУН «Регент». Ему, а также главарю банды «Перуну» удалось скрыться. Нами принимаются меры по их обнаружению и задержанию.

Командир стрелковой бригады ВВ НКВД.

То, что его формирование принимает последний бой, Перун знал. Внутренние войска дело свое делают профессионально, и полагаться сегодня надо не на силу оружия, а на хитрость. И еще: как птица отвлекает хищника от гнезда, так и энкаведистов надо подальше отвести от этого

бункера: ведь почти рядом закопаны ящики, в которых хранится... О, многое там хранится. То, без чего потеряла бы смысл та стратегия, которую в последние дни разрабатывали Перун и Регент. Уходить, уходить отсюда надо, подставив под пули своих людей. Их все равно уже не спасешь, и потом, мертвые — они лучше, чем пленные.

Тяжелым был бой. Перун, Лялюсь и еще двое выскочили из окружения, можно сказать, чудом. Ушли в глухие чащобы, где был резервный, известный одному Перуну, схрон. Раньше там жил проводник «Роберт». Жил вместе со своей охраной, женой и ребенком. Под землей были оборудованы три комнаты. Из каждой имелся запасной выход. Каждый вход закрывался люком, прикрытым ящиком с землей толщиной около двух метров. Три недели жили в нем. Не голодали: еды, как и оружия, там было припасено много. Потом командир уже не существующей сотни принял решение выдвинуться на запад, попытаться перейти линию фронта. Фронт ведь каждый день отодвигался, так можно вообще остаться на территории «советов».

Вышли из схрона в ночь, а уже утром натолкнулись на засаду. Группа проходила в то время опушкой леса, спрятаться от огня солдат было невозможно. Перун упал при первых же выстрелах. Боевики, увидев, что потеряли вожака, взяли резко влево, туда, где темнел сосняк. Обреченные, не надеющиеся на пощаду, они дрались до последнего патрона, однако никто не добежал до спасительных деревьев.

— Эти готовы, — сказал один из бойцов, подбирая автоматы, лежавшие подле убитых. — А вот четвертый где? Упал-то, вроде, вон там, у осины.

— Раз упал, значит, лежит, — ответил сержант. — Отсюда не уйти, все как на ладони.

Но сколько не искали бойцы, так и не нашли никого. Вызвали проводника с собакой. Пес добросовестно тянул поводок километра два, потом стал. Проводник беспомощно пожал плечами:

— Порошок на следах рассыпан, товарищ сержант.

— Махра, что ли?

— Нет, не наш порошок, немецкий. От него теперь мой Рекс не скоро очухается.

— Жалко. Видно, большую птицу упустили.

...Перун упал не только из хитрости, он действительно схлопотал пулю, но та, войдя в плечо, умудрилась не задеть кости. Однако, крови он потерял немало, и к исходу дня — а Григорий весь день шел, ни на минуту не останавливаясь — рана начала нестерпимо жечь, рука отекала. От погони он оторвался, но понял, что на запад идти сейчас не резон, что его караулят как раз на западных стежках-тропках. И Перун пошел на восток. За полночь пробрался к знакомому дому, постучал условным сигналом в окно. Здесь жила «файна паночка» Кристина, вдовушка, чей муж был в отряде Перуна, но погиб еще летом. Из-за Кристи и погиб: не стоило ему, плешивому, кривоногому, брать в жены такую красавицу, не стоило знакомить своего командира с ней, а потом из-за нее же бросаться на Перуна с кулаками.

Кристя на стук двери отворила, завела его в дом, с любовью своей горячей сразу полезла, а уж потом рану промывать начала.

— Подожди, подожди, радость моя. Где шкатулка, которую я тебе давал?

В шкатулке — стопка документов. Знал Перун, зачем копил их, отбирая у убитых красноармейцев и селян. Теперь вот листает, прикидывает, какой лучше ему подойдет. Пожалуй, вот этот. Красноармеец Дорошевич, демобилизованный из армии по случаю тяжелого ранения и контузии. Лицом схож, даже очень. И рана — тоже в правое плечо. Славно и то, что имя менять не придется: Григорием звали Дорошевича, Григорием Петровичем.

Весной сорок пятого года списанный подчистую боец Григорий Петрович Дорошевич появился в небольшом подмосковном городке. Этим же летом женился, взяв фамилию жены. Любопытствующим объяснял: из родственников никого не осталось, всех немцы побили, а детей не будет — жена тяжело переболела. Так что все равно

конец роду. Чтоб меньше страшное вспоминалось, лучше, чтоб и фамилия не звучала.

В пятидесятом Григорий Мокрецов стал студентом одного из московских институтов, заочником, естественно. В том же году бросил на центральном почтамте открытку по адресу, который прочно сидел в голове. И начал делать это регулярно каждые полгода. В пятьдесят третьем похоронил жену, стал жить бобылем, пил мало, женщин не водил... В общем, соседом был примерным.

В пятьдесят пятом Мокрецову в первый раз пришла к новогодним праздникам поздравительная открытка. С тех пор перед каждым январем он вытаскивал из почтового ящика открытку с коротким трафаретным текстом: «Поздравляю... Желаю». Подпись была везде одинакова: Стас.

В последних числах декабря шестидесятого года в дверь его комнаты постучали и на пороге появился незнакомый мужчина.

— Слава Украине, друже Григорий, — сказал гость.

— Героям слава, — машинально последовал ответ.

Человек, прибывший от Регента, гостил у Перуна недолго.

Посоветовал при возможности перебраться в Москву, дал деньги, оставил новый адрес, по которому следовало теперь посылать открытки. Бад-Годесберг — название этого города в ФРГ Григорий слышал впервые.

7. Игорь Звонков

Рядом тяжело застонал во сне «Щербатый», потом закричал, заматерился и затих. Игорь отвернулся от него. «Сволочь, такая же сволочь, как и все здесь. Ведь он меня опекает из-за денег. Деньги ему нужны, а не я, — подумал он. — Иначе он бы меня давно „женил“ и сам вместо жениха пошел бы первым. Он и в подметки не годится Григорию Петровичу».

С Григорием Петровичем после первого знакомства они встречались часто. Ходили в рестораны, кафе, видеобары.

— Как дела с финансами, князь Игорь? — спросил однажды Григорий Петрович, когда вышли из ресторана.

— Гол, как сокол, — ответил Игорь.

— Если надо, то ссужу, пока имею.

Денег Григорий Петрович дал. Потом давал еще. Но что поделаешь, деньги разлетались за несколько дней.

Однажды Григорий Петрович позвонил и назначил встречу у метро на Смоленской площади.

— Есть одно дело, — сказал он, подойдя к Игорю. — Тут один мой старый «друг» должен мне энную сумму денег, но отдавать не собирается.

Быстро обговорили детали. К делу привлекли Валентина, а Генку трогать не стали.

«Другом» оказался старый профессор.

Когда, подъехав на машине, Григорий Петрович показал им «парабеллум», они не на шутку струхнули.

— Трофей, — сказал шеф, — я привез его с войны.

К профессору поднялись вдвоем. Дома оказалась маленькая седая старушка-прислуга, которая, увидев пистолет и двоих в масках из капроновых чулок, упала, потеряв сознание. Взяли деньги, золотые цепочки, серьга. Уехали спокойно, на троллейбусе, потом в метро, и вышли на

Сходненской. Там их ждал Григорий Петрович. Золото он забрал, а деньга разделил поровну.

— Ну вот, а вы боялись, — засмеялся Григорий Петрович.

Опять хорошо посидели. Через неделю Игорь, получив еще кучу денег за реализованное золото, был посвящен Григорием Петровичем в замысел новой операции. Дело оказалось намного опаснее, чем он думал, но дорога назад не было. «Акцию», как говорил Григорий Петрович, начали готовить очень тщательно. Два месяца они вдвоем поочередно прогуливались у ювелирного магазина, присматриваясь к работе инкассаторов. Изучали время их приезда, режим работы магазина, хронометрировали процесс приема и выноса денег. Игорь, внимательно наблюдая, изучил даже привычки и слабости одного из них. Этот молодой парень, забрав выручку, забежал в кафетерий, расположенный здесь же, у входа, в уголке магазина, выпивал стакан сока, отпускал симпатичной продавщице, которая ему определенно нравилась, комплимент и бегом спешил к машине. Это повторялось регулярно. Но самое главное, что предопределило нападение — это наличие выхода из кафетерия во двор магазина, где дальше были проходные дворы. Инкассаторов было трое, двое из них — второй инкассатор и водитель, как правило, оставались в машине.

Валентина посвятили в детали накануне нападения. К удивлению Игоря, Валентин сразу же согласился.

За несколько дней до налета собрались в маленьком уютном кафе. Игорь тогда опоздал. Когда он вошел в кафе, вся компания была в сборе. И тут он увидел Татьяну. Она сидела с каким-то незнакомым парнем. «Вот тебе и недотрога. Как она оказалась здесь, да еще не одна. Ну, я его проучу, и тебе, тихоня, достанется».

Заказав музыку, он направился к их столику. — «Сейчас, Калинкина, ты увидишь, на что способен Звонков», — злорадно подумал Игорь.

8. «Регент»

Утренний «Боши» авиакомпании «Люфтганза», огромный и серебристый, прибыл из Мюнхена в Бонн точно по расписанию. Среди пассажиров, спускавшихся по трапу, трудно было чем-нибудь выделить высокого пожилого мужчину, одетого в светлый плащ — в тот сезон такие плащи были в моде у людей среднего возраста — и темную фетровую шляпу — такие тоже носили многие. Он вместе с толпой вошел в здание аэровокзала и без багажа, — прилетел налегке, — вышел к стоянке автомобилей. Здесь почти сплошь стояли черные «опели», ухоженные, неразличимые друг от друга, но человек в светлом плаще только один раз рассеянно окинул их ряд и подошел к машине, стоявшей шестой во втором ряду. Открыл дверцу, сел рядом с водителем, даже не посмотрев на него. Шофер тут же включил двигатель, и «Опель» сорвался с места.

Проехав несколько кварталов по набережной Рейна, «Опель» взял направление на Бад-Годесберг — город дипломатических вилл.

За всю дорогу в машине не было произнесено ни слова. В городе машина остановилась у неприметного коттеджа. Человека из самолета никто не встречал.

Он вышел и зашагал по дорожке, посыпанной серым гравием, к зданию, окруженному зеленым газончиком, с тщательно ухоженными, аккуратными кустиками и деревьями. Пред фасадом здания на флагштоке колыхался черно-красно-желтый флаг Федеративной республики. Ничем, кроме флага, этот коттедж не отличался от десятков других таких же зданий вокруг.

Мужчина поднялся на крыльцо, без стука вошел в помещение, оказался в приемной, где роль секретарши выполнял молодой человек с крутыми плечами. Он привстал навстречу гостю:

— Господин Крейн вас ждет.

Крейн оказался худощавым невысоким мужчиной, чуть старше, чем Маснак.

— Коньяк, виски, розовое вино? — предложил он, когда Станислав сел в кресло у массивного дубового стола.

— Стакан самогона.

— А вы шутник, Станислав, но придется немного подождать, сейчас сгоняю своего человека во Львов, — чуть улыбнувшись, сказал Крейн. — А вы пока расскажите мне историю с этими ящиками, которые предстоит вывезти с Украины.

— И только из-за этого надо было меня выдергивать из мюнхенской постели?

— Есть и у меня интересная информация... Но — по порядку. Сначала я вас выслушаю.

— Ящики — это не сокровище озера Типлицзее (Типлицзее — озеро в Австрии, где были спрятаны секретные документы СД и гестапо), но определенный интерес они представляют. В них картотека гестапо и абвера, между прочим, на некоторых из тех людей, которые неплохо сейчас устроились, находятся на больших хозяйственных и даже руководящих должностях. Они бы были полезны для нас.

— Кто знал о содержимом ящиков, кроме Перуна? Не могла ли произойти утечка информации?

— Вряд ли. Даже Перун был уверен, что мы прячем не столько документы, сколько золото и камешки, добытые в грабежах.

— Фу, Станислав, какие слова вы употребляете. Вы кем были на Украине, бандитами или освободителями?

— Я уже не играю в красивые слова, господин Крейн, говорю так, как было. Перун к золоту был равнодушен, и постарался убрать всех, кто имел к ящикам отношение. На днях он поедет туда, постарается в деревнях найти тех, кто приютил бы на неделю пять-шесть грибников из города...

— А потом вы хотите перебросить Перуна сюда?

— Думаю, он заслужил это.

— Не возражаю. Но на востоке ему предстоит еще одно дело. Об этом я и хотел потолковать с вами. Есть недалеко от Москвы небольшой такой городок физиков, и среди этих физиков несколько толковейших ученых, к которым надо подобрать ключ... А Перуну мы будем платить, и хорошо, так что он в накладе не останется. После выполнения нашего задания он здесь сможет жить совсем неплохо.

9. Алексей и Татьяна

Каминский сейчас не может детально вспомнить, как получилось тогда в кафе, что схватил он руку этого парня. То ли он уже драться полез, то ли Алексею надоело гадости слушать. Так или иначе, от пожатия лейтенанта у парня такое лицо сделалось, что отпустил его Алексей, побоялся, чтобы он, не дай бог, в обморок не грохнулся.

Кто знает, чем бы все кончилось, если бы не пожилой мужчина, седой, но, видно, еще крепкий, с волевым, уверенным взглядом. Когда он остановил парней, те сразу сникли, перестали кричать.

«Вон, — негромко произнес мужчина и тронул за рукав Алексея. — Вы уж простите их, подлецов. Сто грамм выпьют — и теряют рассудок».

Парни тотчас вышли из кафе, Алексей с Таней тоже не стали задерживаться — настроение было испорчено.

Несмотря на уговоры, Таня проводила Алексея на Ярославский вокзал. И дорогой рассказала об Игоре. Они учились в одной школе, но он был на два года старше ее. Отец Игоря, умный и порядочный человек, крупный ученый работал в каком-то «почтовом ящике». После запуска очередной космического корабля Игорь многозначительно и таинственно намекал, что о запуске он знал заранее, естественно, от отца. Мать Игоря занималась домашним хозяйством и, наверное, слишком уж опекала своего единственного и позднего ребенка. Игорь имел все, что можно иметь в его возрасте, даже больше. Все знали, что Игорь неравнодушен к Татьяне, хотя мать давно подыскала ему престижную невесту. Однако Татьяна не ответила Игорю взаимностью, за что девчонки осуждали ее.

— У меня есть все, будет и Калинкина, — заявил как-то перед друзьями Игорь, — я ее просто куплю, как куклу.

Но Татьяна стала тем первым препятствием на такой дороге Игоря, которое он так и не сумел преодолеть...

На вокзале, как всегда, несмотря на позднее время, куда-то спешили люди. Наверное, все вокзалы в мире вот так шумят и там тоже спешат люди.

Таня торопливо написала свой адрес на бумаге, а потом вдруг заплакала и прижалась к Алексею. Он помнит ее горячие губы, чуть солоноватые от слез, которые смешались с каплями осеннего дождя.

Поезд тронулся, она пошла за ним по перрону, потом побежала и беспомощно остановилась...

«Татьянка, Татьяна, что ты знаешь обо мне. Только то, что я военный, что люблю тебя, что служу далеко-далеко от Москвы. Не будет ли для тебя слишком большой жертвой приехать из столицы в этот суровый таежный край», — подумал Каминский.

«Нет, надо спать. На часах 0.45, наступил новый день. Как там поется: „Что день грядущий мне готовит?“ Хватит, товарищ лейтенант. Спать.

И все-таки, что нужно „Седому“ в наших краях? Почему он здесь?»

10. Судебно-следственное дело № 434

Из протокола допроса Кристины Янковской.

Вопрос: Скажите, гражданка Янковская, кто жил у вас на квартире осенью 1944 года?

Ответ: Я не помню.

Вопрос: А вот соседи говорят, что видели какого-то незнакомого мужчину.

Ответ: Да, я вспомнила, был у меня один солдат, демобилизованный по ранению. Я ведь, гражданин следователь, женщина одинокая, вдова. Кого хочу, того и принимаю.

Вопрос: Вы помните его фамилию, имя?

Ответ: Мне, гражданин следователь, нужен был мужчина, а не фамилия. Фамилию я не помню, а звали его вроде бы Егор.

Вопрос: Ваш муж, Антон Янковский, был в бандах ОУН?

Ответ: Мой муж был убит энкаведистами и вы об этом прекрасно знаете.

Вопрос: По нашим данным, осенью 1944 года у вас проживал один из руководителей банды УПА. Вы должны ответить на все вопросы правдиво. Я предупреждаю вас. В противном случае мы вынуждены будем привлечь вас к уголовной ответственности за дачу ложных показаний и укрывательство бандитов.

Ответ: Я знаю, что в НКВД или как вас сейчас, КГБ, по другому на свидания не приглашают, но тот солдат мне не докладывал, кто он такой.

Вопрос: Расскажите подробнее, как вы познакомились.

Ответ: Он пришел ночью. Попросился на постой. Я женщина одинокая, вот и пустила.

Вопрос: Он был ранен?

Ответ: У него было перевязано плечо. Сказал, что только из госпиталя.

Вопрос: Он говорил по-польски или по-украински?

Ответ: Мы розмовляли по-украински. По-польски он тоже розумие.

Вопрос: Кристина, вам знакомо псевдо «Перун»? Что с вами, вы так побледнели? Возьмите воды.

Ответ: Я не знаю никакого «Перуна».

Вопрос: У нас есть данные, что к вам приходил «Перун». Вы зря не говорите правду. Ведь именно «Перун» застрелил вашего мужа, когда тот хотел прийти в органы с повинной. Антон понял, кто такие бандеровцы. Кстати, крови на нем не было. Вы мне не верите? Вот протоколы допросов членов банды, которых мы захватили во время операции!

Ответ: Не может быть. Моего мужа убили энкаведисты. О, Езус Мария! Но ведь он же мне сказал, что Антона убили энкаведисты.

Вопрос: У вас был «Перун»?

Ответ: ...Да!

Вопрос: Он приходил один?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы сможете описать его внешность, привычки, особые приметы?

Ответ: Да!

Из протокола осмотра места происшествия. 1968 год.

«...на полу комнаты следов, пригодных для идентификации, не обнаружено. Дверь в комнату без замка, открыта. Комната размером четыре на пять метров окнами выходит в сад. Ставни на окнах закрыты.

Труп Янковской Кристины лежит в центре комнаты у стола, головой к двери, на спине (фотографии прилагаются)».

Из заключения медэксперта.

«...резкая синюшность кожных покровов и наличие в коже лица и особенно на веках небольших кровоизлияний, а также горизонтальное направление странгуляционной полосы свидетельствует, что смерть наступила от удушения петлей, накинута сзади».

11. Убийство Кристины

Григорий Петрович потянулся рукой к тумбочке, нащупал в темноте сигареты и спички, прикурил и жадно затянулся. Вчера он сошел на этой маленькой станции. Было уже темно. Со всех сторон небольшой поселок теснила мрачная громада леса. Вдалеке светилась огнями лампочек колония, а чуть дальше, — обнесенный высоким забором и колючей проволокой шпалозавод.

Спросив у сошедших с ним с поезда пассажиров, в основном, местных жителей, где гостиница, Веригу без труда нашел невзрачное одноэтажное здание.

В комнате, куда его определили, никого не было. Стояли две железные кровати, две тумбочки, стол и три стула. Мебель была старая, стены обклеены желтыми замаранными обоями.

Ну, вот и все — он на месте.

Наладив связь с Маснаком, он терпеливо ждал курьера с Запада. Сумел перебраться в Москву, сообщил свой адрес, но долго никто не приходил. Наконец-то прибыл связной. Задание было пустяковым. Нужны были документы в подлинном их исполнении: паспорта, военные билеты, различные справки. Все это, особенно документацию НИИ, где он работал, Веригу достал без особого труда.

Указания из «Центра» он получал по радио, настроив приемник на одну из заграничных станций. Григорий, как всегда, слышал знакомую песню, после которой диктор начинал диктовать цифры. Это был наилучший и безопасный способ односторонней связи.

Однажды, расшифровав столбики цифр, Веригу подошел к бару, открыл его и налил себе фужер коньяка. Наконец-то. «Центр» предлагал сделать то, что давно уже мучило Григория — нужно было найти те запаянные металлические ящики с архивами гестапо и абвера, которые они спрятали с «Регентом» в 1944 году. Шифровку подписал Стас.

Через неделю, взяв отпуск за свой счет, Григорий уехал на Украину.

Место со спрятанными ящиками было километрах в пяти от села, где жила Кристина. Сойдя с автобуса, Григорий походил немного по селу, вышел на окраину и углубился в лес. Многое здесь изменилось. На месте молодой поросли сосняка шумел сосновый бор. Овраг стал шире. Вскоре Григорий дошел по знакомой просеке до обуглившегося от удара молнии дуба. Нужно было сделать на север в сторону оврага 49 шагов, а там под большим камнем-валуном, у выхода из схрона в овраг были закопаны ящики. Местность вокруг заросла орешником. Григорий вздохнул и начал, пробираясь через кусты, отсчитывать шаги на север. На тридцать первом шаге он остановился, как вкопанный — перед ним зияла пустота оврага. Подмытый талой весенней водой, край оврага обрушился. Весь «клад войны» оказался на дне оврага, засыпанный тоннами земли.

Григорий глухо застонал, как от боли. Сволочи — говорят об экологии, пишут в газетах, собирают деньги, кучу законов приняли, а здесь этот проклятый овраг сожрал столько земли и никому нет дела. Он с ненавистью посмотрел на дно, где среди камней и вырванных с корнем деревьев журчал ручеек.

Вернувшись, он часа два сидел в ожидании автобуса, который должен был отправиться где-то под утро. На село опускались сумерки. И Григорий не выдержал. Он редко изменял своей привычке, но нош сами понесли его на край села, где стояла хата Кристины. Вот и ее дом. В гуще деревьев, отчетливо выделяясь в ночи, ярко светились окна.

Двери открыла Кристина. Это была уже не та стройная черноглазая дивчина, которую на всю жизнь запомнил Григорий. Перед ним стояла усталая, пожилая женщина, совершенно другая, не похожая на его любовь. Вот только глаза ее не изменились. Они были такими же молодыми, как и раньше. Прищурившись, она смотрела на него и не узнавала, а потом, приглядевшись, испуганно отшатнулась.

— Грицко, ты?!

— Принимая гостя, Кристя, — сказал Григорий и шагнул в комнату.

— Ты зачем пришел, злодей? Столько людей погубил, а все живешь, бог тебя не прибрал.

— Кристина, ты что. Ведь война была — все убивали. Я свое получил, отсидел. Чистый я сейчас.

— Чистым ты никогда не будешь. Кровь людскую, что у тебя на руках, отмыть нельзя. Ты за что погубил моего мужа? За что ты мне жизнь покалечил? Отсидел бы он, как все, и была бы я при муже, детей растила бы, внуков.

— Его энкаведисты убили, Кристя.

— Были дома у меня следователи из НКВД, «Перун», показывали документы, тобой интересовались.

— Ну, и что ты сказала?

— Что знала, то рассказала. Только «схрон» у тебя глубокий, если они до сих пор найти не могут.

— Ну, так иди расскажи, что я пришел.

— И пойду. Чтобы взяли тебя, пока ты беды не наделал. И как ты прийти сюда не побоялся, ведь здесь люди есть из твоей банды — узнают ведь.

«Вот это влип, — подумал Вериге, — нужно что-то делать».

— Ты бы хоть корку хлеба на стол положила, проголодался я, — сказал он, и расстегнув портфель, выставил на стол бутылку водки. — Я заплачу, Кристя.

— Не надо мне твоих денег. Пойду принесу капусты, — сказала Кристина.

— Только не балуй, ты меня знаешь, Кристя.

— Да не пугай, не боюсь я тебя.

Когда Кристина вышла, Григорий вытащил из брюк тонкий кожаный ремень и положил себе в карман...

Около часа ночи он, осторожно пробравшись через сад, подошел к автобусной станции и уехал с попутной машиной.

Судьба опять оказалась к нему милостивой. Умело заметая следы, пересеживаясь с поезда на поезд, он благополучно добрался до Москвы.

* * *

Как-то придя домой, Веригу по привычке подошел к буфету, чтобы налить себе немного коньяка. Хмель забивал голову, становилось легче. Однако спиртным он не злоупотреблял. Соседи каждое утро видели его в спортивной форме, наматывающим крут по беговой дорожке на школьном стадионе.

Выпив рюмку, он садился в кресло и предавался воспоминаниям. Частенько его одолевали приступы тоски по прошлому. По своей натуре, убеждению и подготовке Веригу был бойцом. И, как сильный, он предпочитал схватку в бою. Но жизнь порой ставила перед ним такие вопросы, которые приходилось решать не только смелостью и риском, но и хитростью, и коварством. Так было в случае с Кристиной. «Где нужно, действуйте молитвой, а где необходимо — рубите мечом», — это наставление митрополита Андрея Шептицкого Веригу положил в основу своей жизни.

Тихая размеренная жизнь давила на него, привыкшего к опасным ситуациям, нуждающегося в ежедневной активной деятельности, тяжелым прессом обыденности. Те поручения, которые он получал из-за рубежа, выполнял быстро и с интересом, но они не давали возможности самоутверждения после многолетней бездеятельности.

Спустя месяц после возвращения с Украины Григорий получил условный сигнал о встрече. Через два дня он пошел на стадион «Динамо», где незаметно для посторонних глаз поменялся футбольными программками с соседом по ряду. Другими словами, он доложил начальству о поездке и провале дела с немецкими документами и с нетерпением стал ждать решения Стаса. Стас, конечно, не может не понимать, что органы безопасности могли обнаружить архив в разрушающемся овраге, усилить бдительность, искать тех, кто мог прийти за ним. Значит, Перуна ищут... Если Маснак все

же решит задействовать в операции по розыску ящиков Вериго и послать его опять туда, значит, решил подставить его, наказать за прокол с Янковской. Тогда надо будет рубить все концы, скрыться и от своих, навсегда распрощавшись с мечтой перебраться на Запад, хотя бы здесь пожить в достатке...

Однако все получилось по-другому.

Следующую игру «Динамо» играло через неделю. И опять Григорий Петрович оказался на одной скамье с бывшим соседом...

Прочитав программку, полученную с его рук, так, как требовали того специальные навыки, Вериго радостно вздохнул. Опасная поездка на Украину откладывалась на неопределенное время. На днях он должен был получить большую сумму денег и приступить к операции «Физик»...

12. Операция «Физик»

Приказ познакомиться со Звонковым-старшим Вериго получил больше года назад. Это было трудное дело.

Геннадий Юрьевич Звонков, ученый, занимавшийся проблемами космоса, на контакт ни с кем не шел, а после того, как умерла жена, вообще с головой ушел в науку, в которой, судя по информации Маснака, добился очень многого. Всю свою любовь, кроме космоса, он вложил в единственного сына. Своеобразной была эта любовь: не ограничивать Игоря ни в чем, не оставлять на его плечах никаких забот. Поэтому жилось студенту Звонкову привольно, пока его запросы не стали перегонять возможности отца...

Знакомиться лично со Звонковым-старшим Вериго не стал — опасно, как-никак, но за ученым «от оборонки», а тем более занимающимся космосом, обязаны приглядывать органы безопасности.

Вериго решил действовать через его сына Игоря. Откуда было знать этому сопливному щенку, что их встреча тогда в переулке и «спасение» оказались не случайными. Не один день пришлось изучать Вериго все маршруты Звонкова, знакомиться с его привычками и повадками. Игра стоила свеч. Сына надо было переправить на Запад, причем так, чтобы об этом сначала узнал только отец. Ради сына, надо полагать, он бы согласился ехать куда угодно, передать какие угодно документа, только чтобы Игоря вернули назад.

Вериго активно приступил к действиям. Задание увлекало его.

Он долго присматривался к Игорю и его друзьям, сопровождал их на машине в бесконечных походах по ресторанам и видеобарам. Анализируя свои наблюдения, Вериго сделал для себя положительные выводы в отношении Игоря и его друзей и стал терпеливо ждать случая войти с ним в контакт. Наконец, такой случай произошел. Поставив свою машину у проходного двора, он наблюдал за ходом событий, а затем «спас» пьяных героев, о чем с удовольствием доложил Стасу.

Однако прошло много времени и о Звонкове забыли. Запад почему-то молчал.

В Кременецких лесах каждый вступавший в банду проходил испытания, участвуя в проводимых бандитами акциях, которые, как правило, кончались кровью. Григории решил таким же испытаниям, но в миниатюре, подвергнуть Игоря и Валентина, отец которого тоже занимал высокий руководящий пост. Так они провернули дело с профессором, а потом, поддавшись азарту, Вериге разработал нападение на инкассаторов. «После этого они никуда не отвернутся, — решил он, — да и деньги не помешают».

Если все пройдет успешно, то с этими ребятами можно будет по-настоящему развернуться.

Все прошло успешно и Вериге торжествовал. Он еще силен, еще многое может сделать. Но радость была недолгой. Кто мог знать, что этот мерзавец прихватит пистолет инкассатора. А ведь так все шло гладко.

Вериге до сих пор с холодящим сердце чувством помнил, как ждал ответа из «Центра», когда сообщил, что взяли Звонкова. Слава богу, что там не узнали, что идея с ограблением инкассаторов исходила от него. Попробуй докажи, что он хотел работать с преданными и проверенными людьми, такими, какие были в Кременецких лесах. К великому счастью, все списали на Игоря, его дрянной характер и жадность к деньгам. «Но все-таки я был прав, — подумал Верига, — этот парень оказался настоящим боевиком». На суде про Григория Петровича не было сказано ни слова.

Резкий звонок у дверей прервал мысли. «Надо бы заменить, — подумал Григорий, — сейчас таких навывускали, что песни поют. Все руки не доходят».

Он открыл двери и замер от охватившего его смешанного чувства страха и радости. В дверях стоял «Регент» — Стась Маснак.

— Здравствуй, Грицко, — сказал Маснак, и они крепко обнялись.

— Здравствуй, друже, а ты ничего, сразу видно, что иностранец.

— Разве видно, — засмеялся Маснак, — я так старался стать похожим на российского коммерсанта.

Они сели за стол, долго говорили. Задача, которую поставил «Регент», была трудной, но то, что ему доверили провести такую сложную операцию, импонировало Григорию, возвышало его в своих мыслях и чувствах.

Цель операции — освободить Игоря, переправить его за границу и выйти на Звонкова-старшего. В случае отказа Звонкова-старшего от сотрудничества предать гласности в зарубежной прессе, на телевидении и радио факт побега Игоря за границу и его просьбу о предоставлении политического убежища, что существенно подорвет авторитет отца, возможно, вызовет отстранение от работы. В случае успеха Григорий тоже уходил за границу, где его должен был ждать солидный счет в банке. Варианты выезда за границу были отработаны до мелочей.

— Будь внимателен, Грицко, — сказал на прощание Маснак, — мы допустили два серьезных прокола — это и архивы, и Звонков. Не делай никаких экспериментов. Работай так, как мы решили. Шефы недовольны нашей работой.

К своей последней операции Вериге готовился очень тщательно. «Это будет моя лебединая песня», — думал он.

Он съездил к отцу Игоря, предварительно отпустив бороду. Представился его преподавателем из института. Вместе погоревали.

Они полностью выпили бутылку коньяка, выставленную Звонковым. Старик изрядно охмелел и стоило его немного завести, как он ударился в воспоминания. Так Вериге узнал многие подробности из жизни ученого. Легенда, которую подготовил Григорий Петрович перед выездом в колонию, была, как говорится, «на уровне». Отец дал адрес колонии и просил передать Игорю привет и извинения, что не может приехать.

Подготовить паспорт на имя Звонкова-старшего особых трудов не составило. Он просто похитил его из дома и, переклеив фотографию, подделал печать.

На следующий день после приезда в поселок Сосновка Григорий Петрович сидел в кабинете начальника колонии. Седой, благообразный, с солидными манерами, он произвел впечатление на пожилого уставшего майора.

Свидание дали в тот же день. Игорь все понял без слов. Говорили долго, обговорили мельчайшие подробности. Эту неделю Игорь работал в ночную смену на шпалозаводе, что значительно все облегчило.

Следующий день почти полностью ушел на изучение объектов и прилегающей местности. Взяв сумку, обошел весь лес вокруг шпалозавода, набирая по пути грибы, изучил подходы, просеки, запомнил тропинки.

«Как же я упустил его, — думал Вериге, — ведь тогда, перед нападением на инкассатора, сумел удержать от драки на почве любовной драмы, а вот после нападения упустил. Впрочем, кто его знает, может, это и к лучшему. Ведь могли взять и меня».

13. Ограбление инкассаторов

На следующий день после свидания со Звонковым-младшим «Геннадий Юрьевич» уехал из Сосновки. Билет на поезд «ученому» помог купить один из офицеров колонии. Поезд ушел где-то часов в девятнадцать с копейками, а примерно в двадцать один со стороны глухого леса к сосновской колонии вышел мужчина с объемным рюкзаком за плечами.

Уже стемнело. Было тихо. Кое-где, изредка нарушая тишину, лаяли собаки. В густой темноте яркие лампочки выделяли на фоне леса жилую зону колонии и промзону — шпалозавод.

Мужчина шел неторопливо, мягко ступая, он словно просачивался сквозь сплетение веток — те даже не вздрагивали.

Забравшись в гущу малинника, недалеко от жилой зоны, он снял рюкзак, положил на землю и привалившись к нему, стал терпеливо ждать.

* * *

Игорь вышел из цеха и посмотрел в сторону забора. Закурил. Вот и пришло то время, которого он ждал. Сегодня решится все. Сегодня он уйдет в побег. Если бы не приехал Григорий Петрович, он, пожалуй, и не решился бы. Но сейчас он пойдет в побег. Ведь там, на воле, его ждут такие деньги...

Тогда они взяли так много, что с ума сойти можно. Все шло как по маслу.

В тот день за выручкой приехала знакомая смена. Парень, получив сумку с деньгами, как и прежде, забежал в кафетерий. Веселая продавщица протянула ему стакан с соком. Игорь и Валентин стояли с двух концов стойки и, как только инкассатор начал пить сок, бросились к нему с двух сторон. Валентин обхватил его сзади за шею, сдавив локтем, а Игорь нанес сильный удар рукой в солнечное сплетение.

Парень охнул и выпустил сумку с деньгами, но тут же как-то выскользнул из рук Валентина и схватился за кобуру, ударив его ногой. Видно, их обучали приемам. Валентин отлетел в сторону. Тогда, выхватив из-за пояса парабеллум, Игорь нажал на спусковой крючок. Все произошло мгновенно. Парень рухнул, как будто у него подломились ноги. Держа одной рукой сумку, Игорь сунул парабеллум за пояс, перевернул инкассатора на спину, быстро выхватил из кобуры его пистолет и они вместе, с поднявшимся уже Валентином, ринулись за стойку кафетерия к выходу во двор. С ужасом закричала и отшатнулась от них продавщица.

Выскочив через черный ход кафетерия во двор магазина, побежали давно изученными проходными дворами. В одном из них стояли подаренные отцом «Жигули». Мотор завелся быстро. Петляя по улицам, выехали на кольцевую дорогу. Валентин сидел сзади, его била дрожь. Доехали до Рублевского шоссе. Там, вдалеке, намечался небольшой лесок. Игорь вел машину спокойно и уверенно. Мешок с деньгами лежал в большой спортивной сумке.

В лесу остановились, отклеили усы, сняли парики, переодели куртки. Так учил Григорий Петрович. Поехали дальше и, остановившись у большой густой посадки, ушли в глубину.

Когда открыв, а вернее, разрезали мешок, поразились обилию денег. Пересчитав их, аккуратно упаковали и закопали под небольшим дубом.

Высадив Валентина у метро «Планерная», Игорь уехал домой и стал ждать звонка Григория Петровича.

Вечером собрались в «Вечернем Арбате». Хорошо посидели. Еще в машине, встретившись с Григорием Петровичем, Игорь вернул ему «парабеллум», но про пистолет инкассатора ничего не сказал. Наверное, это и было его роковой ошибкой. Григорий Петрович сказал, что позвонит через неделю.

Генку отправили домой, а сами уехали в «Континенталь». Пили мало — искали девочек. Естественно, нашли. Именно они, узнав, что у Игоря есть дача, уговорили ехать туда.

Игорь смугло помнил, что было потом, но как подъехали на такси к гаражу, где стояла его машина, помнил точно. Он еще тогда говорил, что руль машины его отрезвляет.

Когда проезжали пост ГАИ на окружной дороге, милиционер поднял жезл, но Игорь инстинктивно нажал на газ. А потом быстра приближающийся свет фар встречной машины, удар и тишина.

Очнулся уже в больнице. Фортуна и здесь благоволила к нему — остался жив. Валентин погиб. Девчонки получили разной степени повреждения и через неделю вышли из больницы. Но самое страшное было впереди. Милиция нашла пистолет инкассатора, который лежал в большой коробке из-под гаванских сигар в бардачке. Допросы, очные ставки. Его, правда, не опознали: помогли парик и усы, которые Григорий Петрович посоветовал надеть при нападении. Потом Игорь, узнав о гибели Валентина, всю вину свалил на него. Что якобы это пистолет Валентина. Но отпечатки пальцев... Был суд. И сейчас при воспоминании об этом мурашки идут по телу. Отца он все-таки любил. Он как наяву помнил его заплаканное, постаревшее лицо с набухшими мешками под глазами. Был приговор — двенадцать лет.

Нет, уж лучше смерть — выстрел и небытие. Столько он здесь не выдержит. Через несколько часов решится все.

14. Выстрелы в ночи

Веригу, посмотрев на часы со светящимся циферблатом, встал и пошел параллельно ограждению жилой зоны. Пройдя метров пятьдесят, но не выходя из леса, он снял рюкзак, достал небольшой целлофановый мешок, набитый тряпками, налил туда из фляги смесь бензина и масла, а затем, вытащив маленький бумажный пакетик с темно-красным порошком, капнул туда несколько капель из пробирки. Смесь воспламенится через 40–50 минут.

Быстро завязав мешок, он повернул назад и пошел по лесу. Дошел до шпалозавода и проделал ту же самую операцию, забросав ветками пакеты с тряпьем. Выйдя на противоположную сторону объекта Веригу остановился, лег на землю и подполз к объекту, маскируясь в кустах. Прямо перед ним стояла вышка, на которой через щель в досках виднелась фигура часового. Все так же лил дождь. Веригу посмотрел на часы. Было 3 часа 50 минут. Через 5-10 минут должна воспламениться смесь в целлофановых мешках. Она нагреет и подорвет охотничьи патроны, которые, взорвавшись, отвлекут внимание караула.

Выстрел в районе жилой зоны раздался внезапно, сначала один, потом второй, третий. «Началось», — подумал Веригу.

Часовой, услышав выстрелы, начал проявлять беспокойство. Было слышно, как он что-то сказал по телефону.

Сержант Малинин, начальник караула, только что произвел смену часовых. Солдаты, сдав оружие, с наслаждением пили горячий крепкий чай. Потом одна смена ушла отдыхать, вторая взялась за уборку. Зазвонил телефон.

— Товарищ сержант, в районе жилой зоны слышны выстрелы, — доложил часовой пятого поста.

Где-то вдалеке явственно раздавались выстрелы, снова зазвонил телефон, и, перебивая друг друга, часовые второго

и третьего постов доложили, что в лесу недалеко от вышки виден огонь и слышны выстрелы.

— Караул, в ружье! — подал команду Малинин.

Игорь внимательно наблюдал за обстановкой на пятом посту. Как только раздались выстрелы в районе второго и третьего постов, они с Бурлакиным поставили железный щит с небольшими прорезями поверх лобового стекла трактора, который уже три дня как неисправный стоял в зоне и сели в него. Бурлакин, заведя мотор, поехал прямо на вышку.

Когда до Вериго донесся рев заведенного мотора, он встал, вытащил пистолет с утолщением на стволе, и держа его двумя руками, навел на вышку.

Фигура часового вдруг заметалась в проемах между досками.

— Стой, стрелять буду! — услышал он крик солдата. — Стой, стой!

«Ну вот, пора кончать!», — подумал Вериго и нажал на спусковой крючок. Крик солдата оборвался на полуслове. Слышался шум быстро приближающегося трактора, затем раздался треск забора, и трактор, протаранив забор, выскочил за пределы зоны. Пройдя метров сорок, он остановился, из кабины выпрыгнули две фигурки и побежали к лесу. Вериго включил фонарь, люди побежали на свет.

Часовой четвертого поста, отвлеченный событиями, происходившими вдали, — там по-прежнему раздавались выстрелы, — схватился за телефонную трубку лишь тогда, когда трактор уже совершил таран и выехал за пределы зоны. Беглецов он не заметил, он видел только идущий трактор и бил короткими очередями по уходящей машине.

Беглецы, тяжело дыша, бежали за Вериго километра полтора, пока не вышли на просеку. Здесь Вериго остановился.

— Ну, парень, теперь ты налево, а мы направо, — сказал он, обращаясь к напарнику Игоря. — У нас другие дела.

— Ну, ты, не гони фуфло, — зарычал осужденный, — я тебя, дядя, по стенке размажу.

Он сделал шаг в сторону Вериги, но остановился, ослепленный светом фонаря, и испуганно прикрыл лицо правой рукой, в которой был остро заточенный кусок арматуры.

— Будешь баловать, сынок, пришью тебя здесь же, и поймут не тебя, а твой труп, — тихо сказал Вериги и отвел фонарь.

Осужденный, увидев в руках Вериги пистолет, отскочил в сторону.

— Иди на юг, там станция. Сядешь, дурак, в любой вагон и уедешь. Ну, а про нас если что-нибудь сболтнешь, я тебя из-под земли достану. Я человек вольный, а ты беглец. Только судить тебя больше не будут. Я тебе буду судьей и прокурором и приговорю с помощью этой штуки к высшей мере наказания. Понял меня, сука?

— Не обижай, начальник, я не сука, я вор, — сказал немного оправившийся от испуга осужденный.

Они дождались, пока Бурлакин ушел. Затем Вериги достал флакон с остро пахнущей жидкостью и облил ею сапоги Звонкова и свои.

— Это для собачек. Хоть и дождик идет, но на всякий случай. Они пойдут на юг, а мы пойдём на север, князь Игорь, — усмехнулся он.

Через несколько минут черный мокрый лес поглотил их фигуры.

Вериги шел впереди, уверенно ведя за собой Игоря. Прошли километров пять. Игорь заметно стал отставать. Остановились.

— Снимай всю одежду, — сказал Вериги.

Игорь вопросительно посмотрел на него и стал снимать мокрую куртку. Вериги достал из рюкзака спортивный костюм, куртку ветровку, лыжную шапочку. Игорь быстро переоделся. Теплая одежда согрела.

— Только вот это, — он провел рукой по стриженной голове.

— И это предусмотрели, — сказал Григорий Петрович и протянул Игорю парик.

— Ну, шеф! — восхищенно посмотрел на него Игорь, потом тихо спросил: — Григорий Петрович, вы часового... того?

— А что с ним делать? Он бы вас как котят расстрелял. Ну, а с трактором ты хорошо придумал.

— Мы давно это с Бурлак иным обдумали. Тракторы на ночь выводят из зоны. А после нашего разговора мы все три поставили на прикол. Два отремонтировали к концу дня, а третий не успели.

— Молодец, из тебя бы вышел неплохой боевик. А сейчас вперед. Вот тебе паспорт. Теперь ты Леонид Андреевич Сазонов.

— Шеф, где вы мою фотографию взяли?

— Твой отец дал, — проворчал Веригу, — сейчас пройдем километров десять, потом свернем направо. Там небольшой леспромхоз. Оттуда по узкоколейке доедем до станции, где широкая колея. При такой экипировке нас не возьмут, а экспертизу паспортам солдаты делать не станут.

Долго шли лесом, продираясь через бурелом, вышли на просеку. Веригу достал компас.

— Вот эта просека ведет к леспромхозу, — сказал он, — самая короткая. Будем идти по одному. Местность здесь просматривается. Ты пойдешь впереди, я буду страховать сзади.

— А что дальше будет? — Игорь стоял, вопросительно глядя на Веригу.

— Вот выберемся из этого леса, потом узнаешь. Но чтобы ты все понял, скажу прямо — в этой стране тебе места нет. Срок у тебя двенадцать лет, плюс побег, плюс солдат и минус год, что ты отсидел. Все в общей сложности означает высшую меру. Да не дрожи ты так. Если будешь слушать меня, то через несколько недель мы с тобой будем пить баварское пиво в лучших отелях Мюнхена и все это вспоминать как страшный сон.

И тут Игорь сказал такое, что сразу успокоило Веригу. Игорь спросил у него:

— А как же деньги, которые мы взяли у инкассатора? Ведь их так много. Только я один знаю, где они спрятаны.

— Решим и этот вопрос, — засмеялся Веригу, — а теперь вперед. Иди спокойно, не озирайся. Мы грибники. Вот тебе сетка, наберешь грибов. Встретишь солдат, не дрожи.

Они быстро закопали ненужные вещи, забросали их ветками и двинулись по просеке. Впереди Игорь, за ним метрах в тридцати Веригу.

15. Поселок Брусничный. Тревога

Поселок спал. Кругом стояла тишина, нарушаемая скрипом раскачивающегося на столбе фонаря. Упрямо моросил дождь.

Когда Алексей вбежал в казарму, командир роты расстелил карту. — В ИТК-19 групповой побег, тяжело ранен часовой. Ушли двое. Данные на беглецов поступят позже. Согласно плана розыска я выставил все посты. Вот здесь колония, — он показал на карте маленький квадратик, — на юге поселки, железная дорога, на севере тайга, сплошной лес, ближайший поселок расположен за 20 километров. Розыскные посты там не выставляются. Анализ побегов показывает, что почти все идут на юг, ближе к железной дороге, чтобы уехать на проходящем транспорте куда-нибудь в центр, затеряться. Как думаешь, куда пойдут беглецы? Он вопросительно посмотрел на Каминского.

— Арсентий Яковлевич, они могут пойти и на север, там леспромхоз, узкоколейка, а дальше широкая колея. Поездов товарных много ходит.

— Молодец, так и я думаю, — ротный засмеялся и добавил: — Смотри, здесь просеки, а вот дороги. В такой дождь они будут ориентироваться только на это, им нужно оторваться, а если идти по тайге, далеко не уйдешь. Соображаешь?

— Если они пойдут по самой короткой дороге, то обязательно выйдут к перекрестку возле кладбища староверов у заброшенного поселка.

— Все правильно. Теперь другой вопрос, кого пошлем с группой? У нас в резерве только один взводный, лейтенант Филимонов.

— Да ведь он только прибыл, местности не знает, и опыта нет. Командир, я знаю там и местность, и дорогу через болото. Так что с группой должен идти я.

Рубахин улыбнулся.

— Я от тебя другого ответа и не ожидал. Твоя группа уже готова.

Алексей быстро надел маскировочный костюм, перекинул через плечо сумку, получил в комнате для хранения оружия пистолет, автомат, патроны, надел каску. Взяв вещмешок и нацепив на грудь фонарь, вышел на улицу.

Там стояли точно так же экипированные ефрейтор Савельев, рядовые Дребот и Брюхович. Рядом, повизгивая, крутился Дунай — служебно-розыскная собака ефрейтора Савельева. Это были солдаты из так называемой специальной группы розыска.

Сейчас в прессе и по телевидению стали часто говорить о солдатах и офицерах внутренних войск, особенно о спецназе. Конечно, ребятам из спецназа нужна специальная подготовка — задачи на них возлагаются ответственные, но зато и престиж какой. Одно название — «краповые береты» — чего стоит. А вот солдаты, которые сутками стоят на посту, охраняя преступников, ведут длительный интенсивный розыск, совершая многокилометровые марши, применяя в необходимых случаях оружие, а то и вступая в рукопашную схватку с бежавшими убийцами, почему-то остаются в тени. А между тем служба эта, особенно розыскная, требует высокой физической и психологической подготовки, отличной огневой выучки и самое главное — умения быстро ориентироваться в экстремальной обстановке.

Для этого нужны не просто подготовленные солдаты и офицеры, а специально подготовленные. Вот и решили в роте Рубахина после долгих раздумий, заняться подготовкой нескольких групп розыска по специальной программе.

Труда вложили много. Вначале отобрали по восемь человек из каждого взвода. В свободное от службы время проводили с ними дополнительные занятия. Изучали основы следопытства, маскировки, учились бесшумно передвигаться в лесу, осматривать местность, строения, переправляться через реки. Изучали все типы радиостанций. Много внимания уделяли огневой и физической подготовке. Дополнительно стреляли из разных положений, в том числе и в падении, метали штык-ножи, бегали кроссы и совершали длительные

марш-броски, отрабатывали приемы рукопашного боя и самбо.

В работу втянулись молодые командиры взводов. Они увлеченно, жертвуя свободным временем, проводили дополнительные занятия. Вскоре в каждой группе (их было три) осталось по пять человек из восьми, остальные не выдержали. Несмотря на это, попасть в группу было мечтой большинства солдат и сержантов.

Слухи о подготовке групп просочились в штаб части. Как-то на совещании командир части спросил у ротного:

— Рубахин, что это вы там за группы придумали, уж не «краповых ли берегов» готовите? Так они у нас есть.

Затем, выслушав доклад ротного, сказал:

— Что ж, дело вы задумали стоящее, боевая подготовка еще никому не помешала, только помните — все должно делаться в интересах службы. Будем считать, что на базе вашей роты проводится эксперимент по подготовке розыскных нарядов. Думаю, что результаты вашей работы пойдут на пользу нашему общему делу.

Через полгода розыскная группа роты, где служил Каминский, единственная в части, пройдя более тридцати километров по тайге, сумела в тяжелых условиях задержать бежавших преступников. Все разговоры и шутки в части прекратились. Только иногда, когда хвалили роту, некоторые офицеры многозначительно замечали: «Так у них не просто розыскные группы, а специальные, почти „спецназ“».

Пройдя немного по узкоколейке, группа свернула в лес. Мокрые ветки хлестнули по лицу. Шли по чуть приметной тропинке шаг в шаг, мягко ступая на землю. Сапоги для всех специально готовил старшина. Его тоже тогда охватил интерес к подготовке групп, и старшина внес значительную лепту. Отремонтировав пар двадцать сапог, он несколько дней пропитывал их каким-то раствором, а потом, таинственно улыбаясь, продемонстрировал свою работу, став в сапогах в лужу. Сапоги-сороходы, как их называли солдаты, были легки, не пропускали влаги и, благодаря специально нашитым на голенища ремешкам, плотно прилегали к ноге. Теперь в

этом мокром осеннем лесу все с благодарностью вспоминали старшину Ожиганова.

Противно зачавкало под ногами — подходили к болоту. Закрывшись плащ-палаткой, Каминский сверил по компасу азимут. Вот и оно. Можно идти в обход, но это пять лишних километров. Вот сломанная ель, под ней большие оструганные и обожженные шесты. Солдаты достали веревки и сделали связу для страховки. Алексей стал направляющим. Он хорошо знал тропинку через болото. Ее показал в прошлом году старик-егерь. Кругом тишина. Все молчат. Говорить в розыске запрещается, только сигналы: автоматом, рукой, фонарем.

Минут через тридцать под ногами стала ощущаться твердая земля. Выйдя из болота, сделали привал. Дребот связался по радио с ротой. Он молча помахал лейтенанту рукой, подзывая к себе. Савельев и Брюхович наблюдают за лесом. Алексей посмотрел на Дуная. Собака ведет себя спокойно.

— 512-й, я «Днепр», — услышал Каминский голос командира роты, — уточняю обстановку.

Закрывшись плащ-палаткой, Алексей начал записывать данные.

Звонков Игорь Геннадьевич, 1963 года рождения, уроженец города Москвы, статьи 77, 218 УК, срок — 12 лет.

Рост — 170 см. Волосы темно-русые. Глаза серые. Нос тонкий прямой. Брови прямые, горизонтальные. Рот большой, узкий. Уши малые, прилегающие. Особые приметы: на правой руке выше кисти наколка «Игорь» и буква «Т».

Бурлакин Сергей Афанасьевич, 1940 года рождения, уроженец Казани, статьи 146, 188 УК, срок — 13 лет.

Рост — 165 см. Волосы — черные. Глаза — карие. Нос толстый, искривленный. Брови дугообразные. Уши большие, оттопыренные. Особые приметы: на правой руке на пальцах наколка «Серый», на левой руке выше кисти «Север» и лучи солнца.

Побег совершен на таран. Тяжело ранен часовой.

Потом ротный добавил:

— Сильный дождь, собаки работают плохо, преступники вооружены. Будь внимателен, Алексей, действуйте осторожно, успеха тебе в трудном поиске.

Москва, кафе, пьяная компания, сероглазый большеротый парень. «Ты что, Игоря Звонкова не знаешь? ...» Неужели он? Лейтенант Каминский прислонился спиной к толстой березе, трет ладонями виски. Если это тот Звонков, тогда понятно, к кому ехал в соседнем купе вагона седой старик. Отец? Староват для отца, хотя всякое бывает. Во всяком случае, на компаньона, организовавшего побег преступника, старик похож еще меньше. Благообразный, в костюмчике, при галстуке. Такой по лесу не побежит.

Дребот свернул радиостанцию и группа двинулась дальше.

Прошли километров восемь и сделали короткую остановку. Каминский опять вышел на связь. Изменений в обстановке нет. Начинает светать. Дождь уже не льет, а чуть-чуть накрапывает. Все небо в тучах. Идти трудно, много сухостоя. Под ногами темная сырая земля, подернутая островками моха. Наконец вышли на просеку и перешли на бег. По просеке бежать можно, да и время торопит.

Вскоре вдали между деревьями зачернели крыши домов. Это заброшенная деревня староверов. Группа свернула с просеки на тропинку, которая ведет через кладбище и выводит к перекрестку лесных дорог.

Домов немного. Двое блокируют окна и двери дома, двое производят осмотр. Фигуры солдат в пятнистых масках сливаются с зеленью леса.

Остается один крайний к лесу дом. Первым заходит Дребот, за ним Брюхович. И тут Алексей услышал крик:

— Товарищ лейтенант, скорее! — это кричал выскочивший из дома Брюхович.

Случилось непредвиденное. Прямо за порогом у дверей — глубокая яма, из которой слышны стоны Дребота.

Прогнивший пол провалился. Яма довольно глубокая, наверное, служила погребом.

С помощью веревок солдаты вытащили Дребота. У него белое, как мел лицо. Парень пытается превозмочь боль, но это ему трудно дается. Вся штанина в крови. Так и есть — открытый перелом. Алексей быстро перебинтовал ногу и, наложив шину, дал солдату пару таблеток анальгина. Савельев и Брюхович, смастерив из плащ-палатки носилки, отнесли Дребота в лес. Он держится, стиснув зубы, но постанывает.

— Надо же такому случиться, — шепчет солдат, — всех подвел.

— Успокойся, Миша, все будет нормально, — сказал Каминский.

Связавшись с командиром роты, он доложил свое решение эвакуировать Дребота.

— Алексей, только что сообщили, что Бурлакин задержан на станции Верхнекамская в вагоне с лесом.

— «Днепр», я знаю Звонкова.

— Я высылаю новую группу из резерва. Смотри, ты ведь остаешься один, — голос командира взволнован.

— Вас понял. Все будет нормально, — ответил Каминский и выключил радиостанцию.

Солдаты ушли. Алексей быстро подготовил себе место для наблюдения, застелил его пихтовыми ветками, затем лег и начал осматривать подходы к перекрестку.

Уже совсем рассвело. Сквозь тучи пробивается солнце. Пахнет деревом и сырой землей. Перекресток дорог хорошо просматривается. Одна дорога проходит по широкой просеке, идет через поселок, вторая, поменьше, пересекает ее и ведет в сторону кладбища. Здесь давно уже никто не ездил, дороги изрядно заросли кустарником и травой.

Проходит около двух часов, небо вновь заволакивают тучи. Опять начинает накрапывать дождь. До роты 12 километров, чтобы пройти по тайге это расстояние, надо

минимум три с половиной часа, значит, новая группа будет через полтора часа. Мысли не мешают Каминскому наблюдать за дорогой, слух привычно выделяет только необходимые звуки: треск сучьев, крики птиц. Взяв бинокль, он снова начинает осмотр, сначала дальние подступы, а затем ближние. Вдруг что-то мелькнуло на большой дороге.

16. Кровавый дождь

Мелькнувшая тень оказалась красавцем лосем. Вот он вышел и, подняв голову, слушает звуки тайги.

«Прошло уже около трех часов. Скоро придет помощь, — подумал Каминский, — а пока, лейтенант, вы один и действуйте по обстановке. Как там у Богомила Райнова — умирать только в крайнем случае».

Вдруг слева закричала и вспорхнула сорока. Кто-то идет. Алексей вскинул бинокль к глазам. Да, точно, вдалеке замаячила фигура человека. Он идет спокойно, уверенно, не озираясь назад. Наверное, грибник. Далеко он забрался.

Человек подходит ближе, Каминскому уже видно его лицо. Алексей поднялся и встал за стволом дерева. Неизвестный поравнялся с ним, чуть прошел и оказался спиной к лейтенанту.

— Стой!

Человек вздрогнул, остановился и очень медленно повернулся к Алексею.

Да, это Игорь Звонков, тот, московский. «Вот где мы встретились». Здесь, в таежном лесу не ожидал Каминский этой встречи.

— Начальник, в чем дело, грибы пособирать нельзя? — кричит Звонков.

Но голос выдает его испуг чуть заметной дрожью.

— Ну вот, Звонков, мы и встретились. Руки за голову, быстро!

Игорь ошалело посмотрел на лейтенанта.

— Лечь на землю, руки за спину, — скомандовал Алексей и, защелкнув наручники на его запястьях, разрешил встать.

Быстро сделав обыск, Каминский с удивлением достал из куртки Звонкова паспорт. Что-то здесь не так. Откуда у

Звонкова-беглеца паспорт, притом с фотографией, почему у него волосы? Значит, кто-то еще есть рядом?

Алексей не успел задать вопрос. Сзади что-то щелкнуло. Каминский мгновенно отпрыгнул в сторону и, повернувшись в прыжке на 180 градусов, увидел «Седого» с вытянутым в руке пистолетом.

Этот прыжок спас Алексея. Пуля, предназначавшаяся ему, прошла мимо. Но вторым выстрелом «Перун» все же успел опередить, хотя выстрелы пистолета и автомата прозвучали почти одновременно. Падая, — сколько раз он это делал на тренировках — лейтенант Каминский нажал на спусковой крючок. Упав на землю и сделав три переката в сторону, Алексей почувствовал резкую боль в плече. Он пытался подняться, но боль пронзила все тело. Чуть приподнявшись, Алексей увидел, что «Седой» неподвижно лежит в нескольких метрах. Рядом, почти рядом с Каминским, с застывшим на лице ужасом сидит Звонков. Он увидел, как со стороны леса бегут солдаты.

— Все-таки успели, — подумал Каминский и облегченно опустился на землю.

* * *

Он лежал на сухом пятачке под лапами огромной ели и почему-то думал о Татьяне. Надо ехать в отпуск — а тут угораздило попасть под пулю. Лучше бы она приехала сюда. Когда кончится период дождей, тогда в тайге красиво. А сейчас дождь. Розовый. Странное дело, действительно розовый. А вот уже и красные капли пролетают. Красные капли дождя. Что за чудо...

Каминский лежал, укрытый плащ-палаткой, и не слышал, как рядышком с ним кричал в микрофон сержант Верховский:

— ...Взяли, обоих взяли. У старика ноги прострелены, оружие отобрали... Товарищ капитан, вертолет надо. Он тут сядет. Вы только торопитесь, плохо нашему лейтенанту, плохо...

* * *

Так уж получилось, что боевую награду — орден «За личное мужество» старшему лейтенанту Каминскому вручили через три месяца, в день его свадьбы. Процедура награждения несколько затянулась и он чуть не опоздал на регистрацию. Но дело в том, что генерал, вручавший орден, о свадьбе Каминского ничего не знал.

Андрэ Тоти

СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР

Двое в масках неожиданно показались из-за ограды. Азато резко остановился, затем медленно пошел дальше, к воротам. Неизвестные двигались мягко, но очень уверенно. Один из них преградил Азато путь, другой, держась на расстоянии, зашел сзади. Попад в освещенное пространство под фонарем, все трое на миг замерли, прежде чем начать грозный молчаливый ритуал. Азато принял боевую стойку, правую руку ладонью наружу медленно поднял, защищая лицо, а левой прикрыл корпус. Бандиты подкрадывались к нему, делая обманные движения, чтобы вынудить Азато все время кружиться на месте. И вот они рванулись вперед. В тот же миг Азато взвился в своем знаменитом, столько раз вызывавшем зрительское восхищение прыжке, готовый к удару ногой, от которого нет спасения. Однако нападающий в маске отразил этот удар: Азато отскочил, словно от резиновой стенки. Он упал и перекатился в сторону, чтобы увернуться от удара ногой второго бандита, затем снова принял боевую стойку.

И двое в масках вновь перешли в наступление. Они приближались медленно, уверенно, с убийственным спокойствием. Азато отразил два удара и ответил ударом ногой с разворота. Когда он косточкой ноги угодил в локоть противника, лицо его исказилось от боли. Но два десятка лет постоянных тренировок закалили Азато, приучили его тело сносить любые физические страдания. Понадобились считанные секунды, чтобы боль утихла, подчинившись воле, воспитанной многими тысячами изматывающих тренировок и перенесенных болезненных ударов. Однако на сей раз и нескольких секунд оказалось много. За это время его успели ударить по почкам так, что он согнулся пополам, и сбили с ног, когда он выставил обе руки вперед, чтобы отвести неизбежный удар коленом в лицо.

Странно, но ему позволили встать на ноги. Лишь после этого один из нападающих нанес удар ногой, и Азато,

побитый, посрамленный, снова рухнул на пыльный тротуар. Но сколько раз во время кровавых схваток не на жизнь, а на смерть и в моменты, казалось, совершенно безнадежные, он вновь поднимался на ноги! Он прибег к защите ладонью, и на сей раз его контратака достигла цели. Его твердый как камень кулак с ужасающей силой ударил противника под ребра. Но теперь пошел в наступление второй бандит. Этот действовал уже не столь опрометчиво, выискивая брешь в защите и не оставляя шанса на спасение. Азато вновь отбил удар и ответил опять-таки прямым кулачным ударом. Выставленное навстречу стальное предплечье отвело его руку, а сзади тотчас же настиг удар кулаком. Азато отдернул голову, развернулся и пустил в ход ногу. Круговой удар пяткой с разворота по почкам.

И все началось сначала: Азато в боевой стойке с подрагивающими мышцами лица, двое в масках медленно приближаются. В последний раз Азато, пожалуй, сражался так — загнанным в угол зверем — в Макао. Тогда с десятков китайцев, вооруженных цепями и ножами, напали на него в узком переулке. Бандиты в масках вдруг переглянулись и тот второй, пронзительно вскрикнув, бросился на Азато. Из груди Азато также вырвался крик. Ноги, кулаки, локти, колени, натренированные, твердые как сталь концы пальцев столкнулись где-то на полпути. Затем этот клубок распался: бандит в маске, отпрянув, занял исходную позицию, готовый обрушить на противника поднятый кулак. Азато же начал медленно, мягко оседать. К тому времени, как тело его распростерлось на земле, нападающие успели скрыться за оградой. Неподвижное тело осталось лежать в полумраке.

— Стоп! Пока хватит!

Съемочная площадка заполнилась людьми. Осветитель выключил софиты, а Ямамото со вздохом облегчения остановил камеру. «Что значит профессионалы, — подумал он. — Каждое движение у них отрепетировано. С Азато в редчайших случаях приходится делать дубли побоищ, настолько тщательно он отрабатывает сцены с каскадерами еще до начала съемок. Ну, а эта сегодняшняя драка — одна из лучших». Он направился к Азато, чтобы поздравить его и выразить свой восторг. Тем временем два бутафора, присев

на корточки, растерянно смотрели на неподвижно лежащего актера. Ямамото ускорил шаги. Подстегиваемый дурным предчувствием, последние метры он преодолел бегом. Кто-то резко вскрикнул, и весь штаб мгновенно собрался вокруг лежащего человека. Бутафор неуверенно окликнул его.

— Господин Азато, вставайте! Съемка окончена!

Затем тело перевернули на спину, увидели искаженное лицо Азато, пробитую гортань и вызвали полицию.

* * *

Куяма, сделав легкий поклон, вошел в кабинет Шефа. Он вновь почувствовал себя смешным. «Черт знает что! — подумал с досадой. — Я похож на японского клерка, каким его изображают в американских кинокомедиях». Тем не менее он растянул губы в улыбке и, почтительно склонив голову, приблизился к столу начальника. Куяма сел на стул, указанный ему Шефом, и замер с внимательным, напряженным лицом. Интересно, сколько лет потребовалось, чтобы привить японским чиновникам раболепную позу человека, каждый миг готового вскочить на ноги? Как долго пришлось приучать к европейским стульям эту публику, привыкшую подобострастно жаться на корточках на полу? Куяма всем своим видом выражал настороженное внимание и смиренную почтительность, а чтобы легче было носить эту маску, в душе тешил себя дерзкими мыслями. Что, если взять да сказать Шефу, что ему, Куяме, наплевать на японские традиции, на чайную церемонию, что он предпочитает спать в кровати, а не на циновке на полу?.. Ну, а что если молодой сыщик отдела расследования убийств, удобно откинувшись на спинку стула и задрав ноги на край стола, заговорит с Шефом, как с уважаемым старшим коллегой, но не более того? Ответить на эти вопросы не составляло труда. Конечно же, он в два счета вылетит из розыска, а то и вообще из полиции. Тогда и отцовское имя не поможет, а напротив, лишь усилит скандал: подумать только, сын Куямы непочтительно обошелся со старшим по званию и возрасту!.. До чего же

докатится страна, если даже в таких семействах, как Куяма, не могут привить молодежи должных навыков?..

Куяма предпочел держать язык за зубами и ждать. А Шеф явно не думал торопиться. Человек среднего роста, несколько грузный, лицо пухлое, доброе — Куяма знал его с малых лет, но лишь в последние месяцы, с тех пор, как был зачислен в отряд расследования убийств, убедился, насколько жестким и энергичным может быть это лицо. Он увидел здесь совершенно иного человека, словно дядюшка Кадзэ, баловавший его шоколадом во время визитов в их дом, не имел ничего общего с господином Кадзэ, главой отдела. Тот Кадзэ носил удобные шерстяные брюки, светлые, стариковского покроя куртки и пестрые, несколько безвкусные рубашки. Этот неизменно был облачен в темный стандартный костюм и белую сорочку с темным галстуком. В данный момент пиджак висел на вешалке позади письменного стола, что на условном языке протокола означало: посетитель рангом не вышел.

— Скоро год, как ты здесь работаешь, — неожиданно объявил Шеф и снова погрузился в молчание. Куяма, как и положено, согласно закивал головой: настоящий японец не оставит без внимания столь важное, глубокое, поразительно верное наблюдение. «Подумать только, как время-то летит!» — говорит каждая черточка его лица.

— Пора испытать свои силы в самостоятельном деле.

Последовала очередная пауза, и на сей раз Куяме не надо было напрягаться, чтобы изобразить заинтересованность.

— Убит Джонни Азато... актер...

— Джонни Азато? — с удивлением переспросил Куяма. — Силы небесные! Да как же это?

— Снимали дня кино сцену драки, — Шеф презрительно махнул рукой, — и Азато был нанесен смертельный удар. — Он замолчал, и Куяма на второй минуте решил, что это означает конец разговора.

— Благодарю вас, Кадзэ-сан. — Он встал, поклонился, попятился к двери и еще раз поклонился, прежде чем выйти из комнаты. Теперь он в свои двадцать пять лет, если, конечно, повезет, сможет разыскать убийцу одного из популярнейших людей Японии.

* * *

В окружном полицейском участке сообщение об убийстве было получено в одиннадцать тридцать. Дэмура по обыкновению сидел, уставясь в пространство, когда дежурный полицейский поднял телефонную трубку. Дэмура не дрогнул ни единой черточкой лица, он словно бы и не слышал звонка, а может, просто не считал нужным реагировать до тех пор, пока не выяснится, что телефонный звонок имеет отношение лично к нему. Рядовые полицейские, изо дня в день наблюдая эти сеансы медитации, никогда не решались их прервать. Старикан каждый Новый год получал поздравительные открытки от самого шефа полиции, а не так давно самолично доставил в участок трех вооруженных ножами хулиганов, справившись с ними в одиночку. Не иначе, как есть в старом детективе нечто такое, что трудно предположить на первый взгляд. Но каковы эти скрытые достоинства, не знал никто в участке.

Дэмура был щуплого сложения, низкорослый, лет шестидесяти пяти. Несколько лет назад кто-то из полицейских был очевидцем случая, когда Дэмуре не хватило терпения дожидаться лифта и он взбежал по лестнице на десятый этаж даже не запыхавшись. Другой очевидец как-то раз встретил Дэмуру в бане и уверял, что мышцы у старика литые. А третий рассказывал, как однажды за кофе он нечаянно столкнул локтем чашечку, и Дэмура, сидевший от него на расстоянии метра, успел подхватить ее у самого пола.

Вот что представлял собою сыщик Дэмура. Но стоило на него взглянуть, и сразу забывались все связанные с его именем легенды. Сухонький, маленький седой старичок, лицо умное, глаза блестящие, живые. Костюм на номер больше, ворот у шеи оттопыривается. Типичный японский служащий:

по часам приходит в учреждение, по часам уходит, чтобы направиться напрямик домой, вздремнуть в теплой ванне, накинуть домашнее кимоно и забыть обо всем на свете. В полдень съедает в соседнем кафе рис, овощи, рыбу. Человек, воспитанный в духе неукоснительного соблюдения иерархических отношений, который не смеет даже подумать дурно о начальстве, который вежливо обращается с подчиненными и настоятельно требует к себе должного почтения. Никто в участке не знал, с каких пор Дэмура служит в полиции; он был тут всегда — молча и с тем же отрешенным видом сидел за письменным столом. Поговаривали, будто бы иногда он рассказывал анекдоты и отпускал язвительные замечания. Нынешние коллеги не решились бы даже спросить Дэмуру, правда ли это. Всем своим видом он словно напоминал окружающим об их вопиющей невоспитанности, о неуважении к традициям и непочтении к старшим.

— Что-о?! Да-да... Немедленно выезжаем. — В голосе полицейского, ответившего на телефонный звонок, проскользнуло совершенно неуместное для профессионала волнение. Дэмура бросил на него укоризненный взгляд, и в комнате вдруг смолкли все разговоры. Полицейский положил трубку, осознав смысл этой непривычной тишины, тоже выдержал паузу, нагнетая напряжение на манер опытного оратора.

— Актер Джонни Азато убит...

— Так уж сразу и убит! — лениво потянулся Дэмура.

— Во всяком случае он умер во время съемок.

Дэмура пренебрежительно махнул рукой. Все равно не его очередь. Он недавно вернулся с места происшествия, составив протокол о самоубийстве, и теперь очередь за Эноёдой. Тот уже выскочил из-за стола — чуть проворнее обычного, а за ним, словно по пожарной тревоге, устремились шофер и один из рядовых полицейских.

— Кто он такой, этот Азато?

— Неужели вы не знаете? — Эноёда от удивления даже остановился. — Знаменитый актер-каратист, миллионер. Да он на весь мир известен!

— Актер-каратист? Какое ребячество...

— Азато во всех эпизодах снимается сам, без каскадеров. За ним утвердилась слава непобедимого...

Дэмура снова лишь отмахнулся.

Тут полицейский, принявший телефонный вызов, счел нужным вмешаться в разговор.

— А ведь на этот раз он оказался побежденным. Во время съемок драки его сразили одним ударом. — Видя, что оба детектива в штатском молча уставились на него, он добавил: — Если, конечно, это не был несчастный случай.

Эноёда засмеялся и поспешно вышел из комнаты. Дэмура, чуть помедлив, двинулся за ним следом.

— Обожди! По-моему, мне тоже лучше будет пойти.

Глаза Эноёды сердито блеснули.

— Вот как? А по-моему, вам лучше остаться. Во всяком случае, для меня лучше.

— Поверь, что я для твоей же пользы!..

— Это вам так кажется. Вам до пенсии всего четыре года, а мне пятнадцать, и я не хочу гнить заживо в этом паршивом участке.

Сухонький старичок печально посмотрел на него.

— Я ведь только хотел помочь.

Эноёда устыдился собственной резкости.

— Поезжайте, конечно, если вам так хочется. Но право же, не знаю, какая от вас может быть помощь.

* * *

Первое, что увидел Куяма на месте происшествия, был полицейский автомобиль, второе — два сыщика в скромной штатской одежде. Сохраняя на лице невозмутимость, он мысленно перебрал все древнейшие проклятия. Затем подал знак техникам, а те, не смущаясь присутствием окружной

бригады, подошли к прикрытой полиэтиленом бесформенной груди, которая некогда была человеком по имени Азато. Сын одного из техников украсил свою комнату огромным плакатом, где популярный актер был запечатлен в момент своего знаменитого атакующего прыжка. Второй техник носил майку с портретом Азато. Но смерть кумира не потрясла их. Они спокойно принялись за работу.

Куяма показал свое удостоверение, ожидая вспышки почтительного интереса в глазах обоих инспекторов. Однако ждал он напрасно. Сыщик повыше и помоложе высказал лишь разочарование, а его коллега — судя по всему он приближался к льготной пенсии — полнейшее безразличие.

— Инспектор Куяма. Отдел расследования убийств.

— Эноёда, окружной участок. Ну что ж, я думаю, нам здесь делать нечего.

— Я тоже так думаю. По распоряжению Шефа, вести расследование должен я.

— Понятно. А кто оповестил Шефа о случившемся? — голос пожилого сыщика звучал учтиво.

— Не все ли равно?

— Нет. Нас вызвали по телефону с места происшествия. Мы прибыли сюда, поскольку это является нашей обязанностью. А вот вы, сынок, как здесь очутились?

Куяма побледнел от злости. Тощая облезлая обезьяна в дурно сшитом костюме, со сбившимся набок галстуком.

— Откуда Шеф черпает свою информацию, это его дело. Но коль скоро наш отдел приступил к работе, ваше присутствие здесь совершенно излишне. Всю ответственность я беру на себя.

Лагерь противника явно терпел поражение. Сыщик помоложе, тоже в костюме с галстуком, с неприятной ухмылкой пожал плечами. Другой, глядя куда-то вдаль, удивленно качал головой.

— Слышишь? Оказывается, наше присутствие здесь совершенно излишне. — Затем он без всякого перехода

обратился к стоявшему рядом мужчине. — Это вы известили их?

— Д-да... Не поймите это как недоверие, но все же речь идет о Джонни Азато...

— Это господин Ямамото, оператор фильма, — представил мужчину Эноёда. Куяма, который до сих пор не удостоил его вниманием, сейчас с интересом посмотрел на киношника. Ямамото был холемым мужчиной лет сорока, довольно высокого роста, носил американские джинсы, белую рубашку с распахнутым воротом и красный пуловер. Но прежде чем он успел произнести хоть слово, Эноёда продолжил церемонию представления: — А это инспектор Дэмура из окружного участка.

Дэмура отвесил традиционный поклон, затем достал из кармана дешевый блокнот и шариковую ручку.

— Господин Ямамото, — спросил он, — сколько времени требуется, чтобы проявить пленку?

— Когда как... Обычно дня два-три.

— На этот раз придется обработать ее вне очереди. — Дэмура чуть подумал. — Завтра в полдень я буду у вас в студии. К этому времени позаботьтесь, пожалуйста, о проекторе и киномеханике. — Он коротко поклонился оператору, затем Куяме и пошел прочь. Эноёда поспешил за коллегой. Молодой инспектор и кинооператор облегченно вздохнули, глядя им вслед.

— Ну, а теперь приступим к делу, — предложил Куяма.

Они расположились в трейлере, служившем Азато во время съемок гримерной. По стенам были развешаны фотографии: Джонни среди звезд Голливуда, Джонни с главами государств, Джонни с мастерами каратэ. Здесь находилось большое, в рост человека зеркало, в углу стояли холодильник, стол, стулья. Фургончик был обставлен вполне комфортабельно, и Куяма счел обстановку подходящей для того, чтобы выяснить наконец, что же случилось.

— Шли съемки очередного фильма Азато — «Белый дракон». Джонни играл актера, который вступает в борьбу с

контрабандистами наркотиков.

— Так. И что дальше?

— Группа выехала на натурные съемки сюда, в Синдзюку. — Оператор встал, подошел к окну. — Вон из-за той ограды должны были выскочить два каскадера и напасть на Джонни. Я поместил одну камеру по эту сторону улицы, другую — с противоположной стороны наискосок и еще одну на крыше здания, чтобы сделать парочку эффектных кадров сверху.

— Ну вот. Мы установили аппаратуру, включили юпитеры. Джонни, как и полагалось по сценарию, двинулся в том направлении, я снимал его с другой стороны улицы, затем появились двое в масках.

— Кто?

— Два каскадера в масках. Они выскочили из-за ограды, и тут подключились остальные камеры.

— Что было дальше?

Ямамото растерянно развел руками.

— До сих пор не пойму, как это случилось. Сцена драки разыгрывалась великолепно, а потом вдруг Азато упал замертво... то есть тогда мы еще не знали... Я скомандовал «стоп!», мы выключили камеры и стали ждать, когда он поднимется. — Ямамото безнадежно махнул рукой, давая понять, что ждать можно было хоть до скончания века.

— А что говорят каскадеры?

— Да ничего. Они исчезли.

— Как? — Куяма подскочил на месте. — И вы только сейчас мне об этом говорите?

Оператор испуганно улыбнулся.

— Не стоит придавать этому значения. Ребята наверняка запаниковали, когда увидели, что случилось, потому и сбежали. Готов держать пари, что самое позднее завтра они объявятся.

— Ну, а я утверждаю, что они вовсе не объявятся.

— Вы не знаете эту породу людей. Каскадеры, что дети, их интересуют только автомобили, мотоциклы, лошади, драки, падения, головокружные трюки. Это их мир, и он обеспечивает им неплохое существование. Но эти ребята сначала бьют, а потом думают.

— Как их зовут, что вам о них известно?

— Ровным счетом ничего. В масках они все на одно лицо. А Джонни постоянно менял каскадеров, чтобы сцены драк не были однообразными. Но вы не беспокойтесь. Вот увидите, они вернутся.

— А режиссер — он тоже их не знает?

— Режиссером был Азато. Он же и продюсер, и исполнитель главной роли. Весь фильм, целиком и полностью, делал сам.

Куяма не сводил глаз с фотографии на противоположной стене: Азато обменивается рукопожатием с американским президентом. Стоящая рядом с ним длинноволосая девушка-американка с улыбкой что-то шепчет на ухо красивому плечистому японцу.

— Это его жена Линда, — сказал Ямамото. — Они познакомились в Голливуде.

— А кто этот мужчина рядом?

— Фукида. Друг детства Джонни. Они, как правило, работали вместе.

— Вот как? Чем он занимается, этот Фукида?

— В сценах рукопашных схваток он лучший каскадер, какого я когда-либо видел.

— Но мне известно, что Азато не требовалось каскадера, он все всегда делал сам. — Куяма почувствовал себя задетым.

— Они вместе разрабатывали каждую мизансцену, а затем Фукида натаскивал партнеров, — пояснил Ямамото. — Но в этом фильме он не участвовал.

Наступило молчание. Тут в фургончик поспешно вошел полицейский.

— Мы обнаружили двоих мужчин в наручниках!

— Что-о?

— Оба в масках, лежали за кустами с кляпом во рту.

— Каскадеры! — Куяма вскочил с места. — Где они?

— Сейчас их увезут в больницу. Доктор считает, что у них сотрясение мозга.

Куяма выбежал из трейлера. Залитая солнцем площадка теперь походила на автомобильную стоянку у стадиона во время бейсбольного матча. Она была сплошь забита легковыми автомобилями, грузовиками, микроавтобусами — от некоторых в разных направлениях тянулись кабели и провода. Тут же, сверкая «мигалками», припарковались полицейские машины и карета «скорой помощи», в которую санитары усаживали двух неуверенно ступающих мужчин, закованных в наручники.

— Наручники другой конструкции, так что наши ключи не подошли, — на бегу пояснил полицейский. — мы вызвали слесаря.

Но Куяма его не слушал. Он сделал знак шоферу «скорой помощи», чтобы тот подождал, и припустил бодрой тренированной рысцой под стать иному американскому детективу.

* * *

— При чем тут несчастный случай! — Дэмура сделал раздраженный жест, который не слишком вязался с его сединой и тихим голосом. — Убийство чистой воды, это и слепому ясно.

— Отчего же? Разве его не могли в суматохе пристукнуть случайно? — Если Эноёда полагал, будто ему удалось скрыть ироническую интонацию в голосе, он очень ошибался.

— Убийца почти насквозь проткнул жертве горло. Это был жестокий и точно нацеленный удар концами пальцев: тот, кто его нанес, тренировался годами. Хорошо, что этот момент заснят на пленку. Сейчас я расскажу тебе, как это произошло, а завтра, когда просмотрим пленку, ты убедишься, что я был прав. И если окажется, что я прав, тогда расследование продолжу я, договорились? — Дэмура откинулся на сиденье, собираясь с мыслями.

— Эти двое, то есть убийца и ваш непревзойденный супермен, столкнулись в прыжке. Убийца или вообще игнорировал атаку Азато, или же отразил ее кое-как. Все свое внимание он сосредоточил на горле жертвы и атаковал прямым выпадом. Если рассчитать точно, то можно быть уверенным в успехе. Прямой удар должен опередить любую акцию с разворота. Здесь все строится на точнейшем расчете...

— Ну, а если Азато тоже атаковал прямым ударом?

Дэмура пожал плечами.

— Тогда он, вероятно, угодил убийце в солнечное сплетение, что послужит ему на том свете некоторым утешением, — сказал он и в качестве окончательного и неопровержимого довода добавил: — Сиондза на Окинаве таким же приемом расправился с одним китайцем.

— Когда это? — удивленно спросил Эноёда, который старался следить за всеми убийствами, упоминаемыми в полицейских сводках.

— Когда? — Дэмура напряженно вспоминал, желая быть точным. — По-моему, зимой 1784-го. А может, 85-го.

Эноёда счел за благо оставить ответ при себе так же, как и упрек Дэмуре в том, что он привязался к этому типу из отдела расследования и буквально спровоцировал его на грубость.

— Ну как, принимаешь пари?

— Договорились. Если все произошло именно так, берите это дело себе. Если нет, вы выходите из игры, — ответил Эноёда, пытаясь вспомнить, как звали того молодого

инспектора, к которому прицепился Дэмура. Фамилия не запомнилась. Хорошо, что его визитная карточка надежно спрятана в кармане пиджака.

* * *

— Если я правильно понял, двое неизвестных напали на каскадеров и обезвредили их. Затем убили Азато и скрылись?

— Так точно, Кадзэ-сан. Впрочем, совсем необязательно неизвестные, это могла быть и другая пара каскадеров... — Куяма растерянно умолк. Иначе откуда бы убийцам с такой точностью знать, где и когда намечена съемка драки? Мне кажется, этот вопрос стоит обсудить с кем-нибудь из специалистов по искусству борьбы. Если не возражаете, я привлеку такого эксперта к расследованию.

— Как, еще одного? — удивился Шеф. — Насколько мне известно, по этому делу уже работает один из лучших наших специалистов.

— Кто же это?

— Дэмура! — с досадой ответил Шеф. — Да ты ведь разговаривал с ним!

— Разговаривал, Кадзэ-сан. Но он обещал, что...

На этот раз Шеф прервал его. С приветливой улыбкой, но тоном, не терпящим возражений, он обрушил на Куяму поток вопросов.

— Ты, конечно, уже выяснил, кому было известно, где намечено проводить съемки и как будут одеты нападающие? Думаю, ты поинтересовался, какими бойцовскими качествами отличались эти два каскадера и можно ли предположить, что они победили великого Джонни Азато? И если им это не под силу, то есть ли в съемочной группе достойный противник? Действительно ли Азато владел искусством каратэ, или это реклама сделала из него мастера?

Когда Куяме наконец было позволено уйти, он понял, отчего ведущий расследование коллега иной раз

пошатываясь выходил из кабинета Шефа, точно трусливый самурай после проигранной битвы, лишенный сил даже сделать себе хакири. Куяма рухнул на стул, и единственным, что поддерживало в нем дух, была необходимость срочно записать все пункты задания. Он не страдал забывчивостью, но по мере того, как Шеф добивал его, указывая на многочисленные упущения, молодой человек чувствовал, что даже память изменяет ему.

* * *

Дом, принадлежавший Азато, находился неподалеку от полицейского участка Кодзи-мати. Этот район был намного лучше того, где жил Дэмура: широкие улицы, вдоль них высокие ограды с коваными воротами, деревья почти полностью скрывали дома изысканной архитектуры. Здесь умели тратить деньги со вкусом. Впрочем, вот и исключение: странное соседство традиционного японского фасада и кованых решеток, типичных для европейских дворцов в стиле барокко; ворота с обеих сторон украшены головами драконов и каллиграфически выписанными иероглифами.

Такси остановилось, шофер нажал кнопку, и дверца распахнулась: они прибыли к дому Азато, Нетрудно было догадаться, что декоративные причуды рассчитаны на гостей из Европы и Америки. Дэмура нажал кнопку под одним из драконов, надеясь, что привел в действие звонок, и от нечего делать стал изучать иероглифические надписи: «Движение есть сама Жизнь». «Лучший удар наносят незримо». Священные заповеди искусства борьбы использованы для украшения ворот!.. Дэмуру это покорило. В этот момент появился слуга в традиционном кимоно — простом, безо всякого рисунка, и молча поклонился гостю.

— Инспектор Дэмура.

— Пожалуйста, проходите, Дэмура-сан. Нам уже сообщили печальную весть. — Он повел Дэмуру через маленький, изящной планировки декоративный садик. Узенькая тропинка, причудливо извиваясь, вела через символические ручьи, огибая живописно расположенные

группы камней, и вдруг — Дэмура решил, что глаза его обманывают, — оборвалась перед уютной, в английском стиле провинциальной усадьбой. Слуга проводил гостя через веранду с плетеной мебелью в сумрачную гостиную; дом поражал большими размерами, вся квартира Дэмуры целиком могла бы поместиться в одной этой гостиной. Соединение английской и японской архитектур здесь выглядело явно удачнее, чем снаружи, у ворот. Японские раздвижные двери и бумажные перегородки — сёдзи — казались изящным экзотическим украшением интерьера. Дэмура мимоходом успел отметить эти детали. По мере того как они углублялись внутрь дома, мебели вроде бы становилось меньше, а комнаты делались светлее и ниже...

— Эта часть отстроена в традиционном стиле, — предупредительно сообщил слуга.

— Готов поспорить, что при доме есть и тренировочный зал, — проговорил Дэмура, и если прочая роскошь оставила его равнодушным, при этих словах в голосе проскользнула зависть.

— Разумеется! Половину той части дома, что построена в национальных традициях, занимает тренировочный зал. Рядом находятся ванная комната и апартаменты господина.

Они поднялись по лестнице и вошли в комнату, которая по замыслу оформителя считалась библиотекой. Книжные полки до самого потолка, причудливая игра света, проникающего через овальные окна, огромные кожаные кресла, какие Дэмуре до сих пор доводилось видеть лишь в фильмах или же в телехронике совещаний глав государств. Здесь мужчины после обеда попивают коньяк... Но Дэмура уже не стремился все это разглядеть, ослепленный возникшим перед ним чудом: молодая, очень красивая блондинка была словно порождена игрою солнечных лучей. Волосы цвета меда. Или золота? Впрочем, неважно. Свободно ниспадающая на плечи золотистая грива. Мягкий овал лица, большие испуганные глаза, пухлые губы — по канонам красоты, пожалуй, не так уж она была и красива, эта женщина, а ведь глаз не оторвешь. Дэмура в мгновение ока охватил ее взглядом: стройная, но не худая, напротив, под

свитером угадывалась округлость плеч, женственная полнота рук. Упругие, твердые груди задорно торчат, словно тщатся сбросить с себя стесняющую ткань. Затем его оценивающий взгляд скользнул ниже. Длинные ноги, небольшой восхитительно округлый зад. Каким образом мужчине удастся определить это даже в том случае, если женщина не поворачивается к нему спиной, остается загадкой.

Взгляд детектива с дивной фигуры вновь перешел на лицо: черты его не назовешь правильными, но глаз никогда не пресытится ими; эта женщина нравилась бы ему даже с некрасивыми ногами и плоской грудью. Затем Дэмура пересилил себя и повернулся к мужчинам, утонувшим в глубоких креслах. Один из них был молодой японец — высокий, плечистый, весьма недурной наружности. Он поднялся с кресла так, что невозможно было уловить начало движения, в его плавной повадке ощущалась сила хищного зверя. Дэмура, имея за плечами опыт более чем пяти десятилетий, по одному этому мимолетному движению сразу понял, что перед ним истинный мастер. Они поздоровались за руку. Рукопожатие мужчины было крепким, но отнюдь не похожим на железные тиски, какими силачи любят щегольнуть перед ничем не подозревающими жертвами. Сидевший в другом кресле Куяма снисходительно кивнул и, обращаясь к женщине, заговорил по-английски:

— Позвольте представить вам инспектора Дэмуру из окружного полицейского участка Синдзюку. Коллеги начали расследование, прежде чем наш отдел взял на себя руководство.

Женщина приветливо улыбнулась и протянула руку. Глаза у нее были зеленые, улыбка искренняя, а рука теплая — такую приятно задержать в своей руке. Поймав себя на этой мысли, Дэмура поспешно отпустил руку. Куяма, выполняя долг вежливости, сообщил Дэмуре, что он имеет честь быть представленным хозяйке дома и господину Фукиде, давнему другу дома. Фукида, мягко опустившись в кресло, задумчиво разглядывал стоявшего перед ним полицейского с седыми редеющими волосами.

— Неужели мастер Дэмура из клуба «Сосны и Волны»?

— Да... это я.

Фукида вновь вскочил с места и церемонно раскланялся.

— Весьма рад встрече, — он подвел Дэмуру к креслу и усадил. Настоящий мастер, умеет уважать старших.

— Линда, дорогая! — В английской речи Фукиды сквозило волнение. — Если существует человек, который сумеет поймать убийцу Джонни, то это господин Дэмура. Он один из лучших мастеров каратэ.

— Выпьете что-нибудь с нами?

— Виски с содовой и со льдом, — ответил Дэмура. Он знал, что его хорошее, американское произношение произведет должный эффект. Конечно, они не ожидают такой прыти от старого токийского сыщика. Но факт остается фактом: у него прирожденные способности к языкам, а охранники в лагере для военнопленных были родом из Техаса.

— Позвольте, госпожа Азато, выразить вам соболезнование...

— Благодарю. Вам следует знать, что мы с Джонни оформляли развод. Но, конечно же, мне жаль беднягу Джонни. Я прожила с ним удивительные четыре года! — Не будь в ее тоне искренней теплоты, эта фраза показалась бы обычным штампом.

— Были ли у него враги?

— У кого из кинозвезд их нет?

Дэмура пожал плечами, давая понять, что он таких тонкостей не знает, поскольку до кинозвезд ему так же далеко, как до звезд обычных. Он увидел, что Куяма порывался что-то сказать, но вовремя осекся. По всей вероятности, молодой инспектор уже успел задать присутствующим необходимые вопросы. Дэмуру раздражал этот самоуверенный тип. Куяма был высокий, смазливый: он, Дэмура, счел бы такую красоту слащавой, но женщины, к сожалению, придерживались иного мнения. Сейчас Куяма был одет в вельветовые брюки и свободный пиджак спортивного покроя с коричневыми кожаными нашивками на локтях. Дэмура мысленно оглядел

себя со стороны и улыбнулся. Даже этот вполне приличный костюм, который на примерке сидел безукоризненно, сейчас смотрелся на нем так, словно его основательно пожевала корова, а утюжку заменил проехавшийся по нему уличный каток. Зато Куяма в своем полубогемном одеянии выглядел так, что невольно возникала мысль: именно в таком виде надлежит являться в дом к новоиспеченной вдове.

— А вы что скажете по этому поводу? — обратился Дэмура к Фукиде.

— Желаящего убить Джонни я бы еще мог найти. Но такого, кому это удалось бы, — нет!

— Не преувеличивайте!

— Джонни действительно был выдающимся каратистом, такие рождаются раз в столетие. Полагаю, вы видели его фильмы?

— Нет.

Присутствующие посмотрели на него как на инопланетянина. Миллионы людей во всех странах мира смотрят фильмы Джонни Азато. Он давно перестал быть просто актером или каратистом. Он превратился в самостоятельную отрасль развлекательной индустрии.

Фукида первым пришел в себя.

— Понятно. Вы считаете, что это несовместимо с должным уважением к искусству каратэ. И видя, что Дэмура хочет его прервать, продолжил: — Прошу вас, не станем сейчас спорить по этому поводу. Тем более, что у вас есть возможность восполнить пробел и посмотреть хотя бы один такой фильм. Нужно видеть, как владел Джонни искусством каратэ, если вы хотите поймать его убийцу.

— Что ж, если есть такая возможность...

— Разумеется! — вмешалась Линда. — Все фильмы Джонни есть у нас на видеокассетах. Фуки, проводи господина Дэмуру и покажи ему какой-нибудь из них. Тебе ведь ничего другого не надо, только дай лишний раз насладиться этими драками и побоищами.

Фукида вроде бы заколебался, но женщина по-приятельски подтолкнула их к двери.

— А я тем временем отвечаю на вопросы инспектора Куяма из отдела по расследованию убийств.

Не успели мужчины опомниться, как дверь захлопнулась. Они переглянулись с сообщнической ухмылкой: ни тот, ни другой по доброй воле не оставил бы белокурую красотку наедине с этим пижоном.

* * *

Черт побери, ну что за невезенье! Куяма едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Он думал, что сумеет допросить каскадеров еще в больнице. И что из этого вышло? Врач в больнице бегло осмотрел пострадавших и отпустил на все четыре стороны, а он, Куяма, теперь изволь бегать за ними. Он сбежал по лестнице и устремился к припаркованной у больничного подъезда «тойоте», на ходу вытаскивая из кармана блокнот, где были записаны адреса каскадеров. Поневоле пожалеешь, что приятная беседа с супругой Азато так затянулась, тем более что эта женщина не вызывала в нем восторга. Старый дурень Дэмура, конечно, обмер при виде ее стройной фигуры и белокурой гривы волос. Но для Куямы такой тип женщины не в новинку, в Америке он насмотрелся на этих красоток, их там двенадцать на дюжину. Теперь его гораздо больше привлекали японские девушки — миниатюрные, хрупкие, казалось, беззащитные создания.

Куяма попросил шофера поторопиться. Включив сирену, они «мчались» со скоростью километров тридцать, обгоняя плотные ряды машин, плетущихся еле-еле. Чтобы не терять времени даром, Куяма извлек из «дипломата» блокнот в твердой, обложке и попытался сделать наброски отчета. Кто бы ни был убийцей Азато, он замышлял не только физически уничтожить кумира публики. Азато хотели уничтожить даже посмертно, выставить на посмешище, развеять миф его непобедимости. Кто мог хотеть этого? Скорее всего такой человек, которого Азато одолел в поединке, разорил в ходе своей предпринимательской деятельности или выставил в

смешном свете. Не исключено, что история с таким печальным финалом началась давно, и каждый очередной фильм Азато подливал масла в огонь.

Вся заумь, какой Куяма набрался в университете, сейчас лезла ему в голову. Длительная фрустрация привела преступника к неукротимому маниакальному стремлению действовать, и вот мститель подыскивает вместо себя исполнителя, который перед кинокамерами лишает Азато нимба непобедимого. Куяма чувствовал, что он на верном пути. К черту всех этих экспертов по искусству борьбы, кому нужен анализ приемов и трюков! Почти наверняка это было наемное убийство, и ему, Куяме, нужно найти не исполнителя, а организатора. Возможно, им окажется честолюбивый киноактер, карьеру которого загубил Азато. Или кто-то из приятелей Линды, поколоченный ревнивым мужем. Куяма принял решение. Заранее известный рассказ каскадеров, как они в ожидании своего выхода околачивались на задворках, когда сзади их стукнули по голове, пусть выслушает кто-нибудь другой и представит ему протокол. Например, Эноёда. А он, Куяма, лучше вновь побеседует с человеком, который проявил готовность помочь и к тому же прекрасно осведомлен обо всех делах Азато. Ямамото, по всей видимости, сможет ответить хоть на какой-то из этих вопросов.

* * *

Эноёда выехал в Синдзюку на своей машине. Толпа зевак уже рассеялась и теперь улочка выглядела пустынной и тихой. Лишь один автомобиль с надписью «Пресса» стоял у перекрестка; очевидно, репортеры за неимением лучшего отправились выпрашивать окрестных жителей. Эноёда отыскал куст, под которым были обнаружены злополучные каскадеры, затем аккуратно поддернул штанины, опустился на колени и принялся тщательно обследовать каждый клочок земли, хотя прекрасно понимал, что занятие это практически бесполезное.

Он ничего не нашел, зато сам был обнаружен неким пожилым толстяком, флегматичным, однако весьма

уверенным в себе.

— Эй, уважаемый, что вы здесь делаете?

— Ищу кое-что.

— Я и сам догадался, что не молитесь. Вы полицейский? — И он дотошнейшим образом изучил служебное удостоверение Эноёды. Инспектор только диву давался. С таким наглым репортером его еще не сводила судьба.

— Вы от какой газеты?

— От газеты? С чего вы взяли? Я из съемочной группы. Продюсер — так называется моя должность.

— Полагаю, вас уже опросили?

— С какой это стати? Да меня и не было здесь, когда произошел несчастный случай.

— Насколько мне известно, продюсером этого фильма был сам Азато, — сказал Эноёда.

— Тогда вам известно больше, чем мне! Азато финансировал съемки, и в этом смысле его, конечно, можно назвать продюсером. Но средствами распоряжался я, в мои обязанности входило следить за тем, чтобы каждому актеру, осветителю, бутафору был выдан гонорар, чтобы было уплачено по счетам за электричество.

Эноёда поднялся с земли, отряхнул брюки и сухо поинтересовался, где им можно побеседовать.

— А сейчас мы что, по-вашему, не беседуем? — проворчал толстяк, но тем не менее повел инспектора на автомобильную стоянку к освещенному трейлеру, похожему на передвижную гримерную Азато, только поменьше и обставленному не с такой роскошью.

Эноёда примостился на табуретке, вытащил блокнот и без околичностей приступил к допросу.

— Имя?

— Таякама Сигэки. 52 года, 112 килограммов.

— Что вы сейчас здесь делали?

— Что делал? — толстяк мгновенно сбился с тона подчеркнуто лаконичных, бесстрастных ответов. — Разведывал обстановку: не оцеплена ли территория, сможем ли мы завтра продолжить съемки? А что еще, по-вашему, я должен был здесь делать?

Эноёда посмотрел на него как на одержимого.

— О каких съемках вы говорите? Кого вы собираетесь снимать, когда лишились исполнителя главной роли, продюсера, режиссера и сценариста в одном лице!

— Ну и что с того? Вы хоть представляете, сколько денег бывает угрохано на каждый такой фильм? Несколько миллионов иен, даже в слабую, паршивенькую лепту. И вся эта пропасть деньжищ пойдет прахом, если мы свернем дело. Зато если нам удастся завершить этот фильм — последний фильм Джонни Азато! — затраты окупятся с лихвою.

— И кого же вы собираетесь снимать?

— Подберем какого-нибудь ловкого парнишку, отдаленно похожего на Джонни. Или же включим в сценарий смерть главного героя, и кто-нибудь из друзей будет мстить убийце.

— А каков сюжет по сценарию?

— С луны вы свалились? Готовый сценарий — ишь чего захотели! Не было у этого фильма никакого заранее написанного сценария. По-моему, к моменту своей смерти Джонни и сам понятия не имел, какая будет концовка.

— Почему вы так думаете?

— Видите ли... все началось с того, что однажды он заявился с идеей сделать фильм по собственному сценарию. Я спросил, где сценарий, но он меня заверил, не стоит, мол, волноваться, со сценарием задержки не будет. И через неделю действительно принес вполне приемлемый текст. Конечно, там было что подправить, но в основном сценарий получился сносный. Правда, это было всего лишь начало.

— А потом?

— Потом недели через две оказалось, что существует продолжение. Джонни принес еще одну главу с несколькими довольно удачными поворотами сюжета. Для Джонни это был вопрос престижа: он, мол, не хуже других, уж с такой-то ерундой, как сценарий, справится.

— Кто знал о том, где именно будут проходить съемки?

— Вся съемочная группа. Ну и еще полгорода, все, кого это могло интересовать: киношники, репортеры, окрестные жители. Это не было тайной.

— Та-ак. Ну, а кому было известно в точности, где надлежит ждать каскадерам и откуда они должны будут напасть на Азато?

— Поди теперь разберись... — в голосе Таякамы впервые прозвучала неуверенность. — Знал об этом оператор Ямамото и его ассистенты, знали сами каскадеры. Скажем, вчера в эту пору дня знали только эти люди. А сегодня за полчаса до начала съемки знал каждый, кого это могло интересовать.

— Ладно, идем дальше. Как посторонние могли узнать, когда и где им находиться и как быть одетыми?

— Скажем, они могли следить за каскадерами.

— Допустим. Ну, а вам не бросилось в таза, что вблизи съемочной площадки околачиваются двое неизвестных?

— Мне лично не бросилось. В такие минуты вздохнуть некогда, а не то чтобы следить, кто вокруг околачивается. Советую опросить остальных из нашей группы, но не думаю, чтобы они заметили что-либо подозрительное. Вы хоть представляете себе, какие толпы зевак собираются во время каждой съемки? Но если убийцы хотели получить свободный доступ на съемочную площадку, им достаточно было попросту наняться статистами. Если эти двое нанялись статистами, они имели возможность ошиваться тут круглыми сутками, не вызывая ни малейших подозрений.

— Но хоть кто-нибудь же должен был запомнить их в лицо!

— Господин инспектор, вы имеет дело с артистическими натурами! Статист для них — пустое место, конечно, если это не девица со смазливой мордашкой и покладистым характером.

— Но если убийцы проникли сюда под видом статистов, — торжествуя воскликнул Эноёда, — они должны попасть в кадр, хотя бы задним планом?

Таякама с неудовольствием покосился на него.

— Что же... такой вариант не исключен.

* * *

Видеосалон в доме Азато был оборудован превосходно: удобные кресла, бар, книжные полки, где вместо книг выстроились рядами видеокассеты. Телевизор отсутствовал, зато экран во всю стену был чуть меньше, чем в обычном кинозале, а дорогостоящая аппаратура отвечала новейшим требованиям. Фукида предложил посмотреть первый фильм Азато, принесший ему мировую известность. Сюжет фильма был довольно тривиален. Джонни влюбляется в девушку и решает на ней жениться. Они развлекаются в компании, но Джонни — он играет полицейского — должен заступать на службу, поэтому просит друга проводить его невесту домой. По дороге на них, как водится, нападают бандиты, и друга, который готов защитить девушку даже ценою жизни, убивают ножом. Девушку насилуют, но тем временем окрестные жители, привлеченные шумом драки, вызывают полицию. На место происшествия, разумеется, прибывает Джонни. Бандиты разбегаются, но Джонни успевает опознать в одном из них личного шофера одного из местных гангстеров. Однако напрасно герой обивает пороги начальства: Джонни высмеивают, пытаясь охладить его пыл, а затем прибегают к угрозам. Наконец он решает самолично свершить суд над бандитами и однажды вечером врывается в ресторанчик, где гангстер развлекается в компании своих дружков и телохранителей. Завязывается грандиозная драка, в которой наш герой убивает всех злодеев. Сам Джонни тоже получает смертельную рану, и утешением ему может служить

лишь финальная сцена, когда в разгромленном ресторанчике появляется шеф полиции и заверяет героя, что его не накажут, а напротив, представят к награде и похоронят за казенный счет.

Сцены драк были разыграны так искусно, что у зрителя дух захватывало. Профессионалы сходились во мнении, что детективный жанр в кино достиг качественно нового уровня, удачно соединив жестокую правду жизни с эффектной зрелищностью приключенческих фильмов с использованием приемов каратэ и кун-фу. Фукида знал наизусть каждый кадр и все же всякий раз, когда смотрел «Последнюю схватку», не мог побороть волнение. На экране промелькнула надпись «Конец фильма», но он лишь минуту спустя включил свет.

— Господи, этому фильму уже десять лет, но он так и остался непревзойденным!

— Я верно разглядел: ведь это вы играли роль того усатого бандита, с которым у Азато был долгий поединок в финале фильма?

— Да, я.

— Гм... — Теперь Дэмура окончательно убедился, что первое впечатление было верным и Фукида действительно мастер, каких поискать. Его движения на экране отличались быстротой, точностью и изяществом, как у барса. С тех пор он несколько отяжелел и раздался вширь, но его стремительность, сила удара, его опыт с годами, должно быть, еще возросли. — Растолкуйте, пожалуйста, как создаются на экране подобные драки.

— Да тут, в сущности, и растолковывать-то нечего! Главное — не жалеть времени и сил на предварительные репетиции. К примеру, над этой грандиозной потасовкой в конце фильма мы трудились почти два месяца. Видите ли, в этом жанре особенно много халтуры. В ту пору мы были молоды, только начинали свою карьеру и знали, что этот фильм дает нам великолепные шансы. Если он получится, то мы выбиваемся в первые ряды, но в случае неудачи так и останемся на десятых ролях в фильмах низкого сорта, где отсутствие актерской ловкости и умения компенсируется

киноотрядами. Мы продумали и обсудили эту сцену по секундам, чтобы каждое движение выглядело естественным и необходимым. Джонни страшно раздражало, когда на экране было видно, как нападающий выжидает, пока партнер подготовится к защите. Чтобы избежать этого, мы составили подробнейшую хореографию всей сцены, разметив, кто, когда и откуда появляется в кадре. Затем детально разработала для каждого участника систему элементов, которыми тот будет пользоваться. Эффектные приемы старались сочетать с логически ясным и практичным решением. Затем всю эту схему показали оператору.

— Ямамото или кому-то другому?

— Ямамото. Он тоже сделал себе карьеру на этом фильме.

— А затем?

— Затем отсняли всю сцену целиком. Такого еще не было на экране! Представьте себе: потасовка на четверть часа с десятком участников; когда пускают в ход руки, ноги и оружие! И все это крупным планом, словно на театральной сцене. Одному из парней перебили нос, мне Джонни в азарте выбил два зуба, но он и сам после съемки был в таком виде, что врачи сочли необходимым уложить его на пару дней в больницу.

— Игра стоила свеч?

— Вы же видели своими глазами! Мы создали такой приключенческий фильм, какого еще не было. Нам очень хотелось выбиться в люди, и мы достигли своей цели: благодаря этому фильму все мы сделали карьеру. Джонни прочно вошел в число мировых звезд, стал кумиром зрителей. Ямамото зарабатывает столько, что как ни старается, не в состоянии потратить на свои увлечения и десятой доли всех доходов. Если его приглашают для какого-нибудь коммерческого фильма, он заламывает целое состояние и, как правило, получает его.

— Ну, а вы?

— А я сделался другом великого Джонни Азато, — Фукида горько усмехнулся. — Прославился я именно в таком качестве. Когда меня представили так впервые на одном приеме в Америке, меня это лишь позабавило. Затем стало раздражать, ну а после я привык...

— И на какие средства вы живете?

— На те же, что и прежде. Дерусь в приключенческих фильмах, натаскиваю каскадеров или артистов, а кроме того, держу небольшой спортивный зал. Он пользуется популярностью, поскольку тренер — друг самого Азато.

— В других фильмах Азато вы тоже участвовали?

— Да, Джонни был чрезвычайно разборчив и не доверял никому, считая, что может положиться только на самого себя, ну и на меня.

Дэмура чувствовал, что следующий его вопрос бестактен, и ему было заранее неловко. Однако избежать этого вопроса было нельзя.

— Почему же вы выпали из этого фильма?

— Не знаю. Возможно, Джонни захотел самоутвердиться, доказать, что он способен обойтись собственными силами...

— А как другие режиссеры снимают подобные сцены?

— По частям. Чем слабее состав участников, тем больше частей. Вы видите, как герой высоко подпрыгивает, затем следует монтажная вырезка, экране показано лишь его лицо, снова вырезка, камера показывает, как нога героя попадает в цель, — и можете дать голову на отсечение, что это всего лишь трюк. Актер при этом подвешен на лонже.

— Меня интересует вот какой вопрос: когда Азато мог сообразить, что сцена развивается не по плану?

— С самого начала.

Фукида молча ждал очередного вопроса, и Дэмуре был понятен смысл его молчания. Вполне естественно, что мастер такого уровня, как Азато, с самого начала понимая, что столкнулся с чужаками, не выказывает этого.

— Я был бы рад, если бы вы завтра посмотрели вместе со мной ту ленту...

— Даже не знаю, что вам сказать. Конечно, было бы интересно, но ведь Джонни был моим другом, пожалуй, самым близким другом, и я не хочу смотреть, как его убивают. Я заранее страшусь этой сцены.

Дэмура понимающе кивнул, а между тем он знал, что ему совершенно необходима помощь Фукиды. Только что увиденный фильм убедил его в правоте Фукиды. Дэмура не любил акробатические прыжки, какие проделывал Азато, но он был вынужден признать, что актер справляется со своей задачей великолепно. И убил его не просто какой-то недруг из мести или конкурент, решивший свести с Азато счеты. И не каратист среднего уровня. Все эти люди могли убить Азато лишь чужими руками. Любой, над кем Азато хоть однажды одержал верх в бизнесе, в рукопашной схватке, в спорте, в кино, мог нанять человека, чтобы тот публично, перед камерами, унизил Джонни, сразил его. Человек, располагающий достаточными средствами и должным терпением, чтобы подыскать подходящего кандидата на роль убийцы, может оказаться кем угодно: деловым партнером, обманутым мужем, соперником в киноискусстве или просто безумцем, которого раздражала слава Азато. Но тот, кто перед камерами вступил с ним в борьбу не на жизнь, а на смерть, недюжинная личность, таких нечасто встретишь. Необходимо отыскать этого человека! А завтра после просмотра ленты он, Дэмура, будет знать, среди мастеров какой именно школы следует его искать. И в этом Фукида мог бы очень помочь, если, конечно, не он — тот самый мастер!

— Кто из вас был лучшим бойцом?

Фукида метнул в его сторону насмешливый взгляд.

— По-моему, я. Но уточнять это на практике в поединке с Джонни я бы не стал.

* * *

— Что будете пить? Да полно вам, не заставляйте себя упрашивать, располагайтесь поудобнее, а я угощу вас чем-нибудь повкуснее.

Молодой человек поперхнулся — напиток оказался гораздо крепче, чем он ожидал; прокашлявшись, он решил приступить к делу.

— Господин Ямамото, вы ведь хорошо знали Азато?

— Лучше, чем его собственная жена. Джонни даже первый свой фильм делал со мной. Безвестный, но жаждавший выбиться в люди, он не желал упустить свой шанс. А я почувствовал, что в этом пареньке таятся немалые возможности.

— Что вы подразумеваете под шансом?

— Фирма Хориго в ту пору работала с Хасакавой. Видели бы вы этого Хасакаву! Силища как у быка, грудь — что бочка и мускулы на руках не в обхват. Поначалу дела у него шли хорошо, но затем гонконгские силачи вытеснили его с рынка, а вместе с ним и Хориго. Джонни каким-то образом прознал, что Хориго подыскивает новую звезду. Он в буквальном смысле слова пробился к президенту и бог весть как уговорил дать ему попробовать. Терять им обоим было нечего. Хориго дал Джонни сценарий, предложив дополнить его эффектными сценами стычек. Джонни в ту пору подвизался при другой кинокомпании каскадером и актером на эпизодических ролях и знал, что если фильм не получится, совсем без куска хлеба он не останется. Он привел с собой своего друга Фукиду, и они на пару взялись за работу, да как! Я с тех пор не видел ничего похожего. Своим азартом они и меня увлекли, хотелось помочь этим симпатичным ребятам. Однако, не скрою, я тоже вдруг почувствовал, что это и мой шанс в жизни. Эти двое добьются своего! А тогда и я смогу забросить рекламные короткометражки и стану настоящим кинооператором. Оценив наш энтузиазм, загорелся работой и режиссер.

— Как надо понимать ваши слова, что Азато пробился к президенту?

— Его не допускали к Хориго, а когда он повел себя чересчур настойчиво, секретарь президента решил его

выставить. Ну, а Джонни сразил его одним ударом.

— И президент стерпел это?

— Секретарь был в то же время и телохранителем президента, а в прошлом чемпион по борьбе, такой всесокрушающий бегемот. На президента произвело неизгладимое впечатление, что Джонни справился с ним одной левой.

— И что же, со многими Азато справлялся так... одной левой?

— Вы хотите спросить, любил ли он драться? Нет, что вы! Малый он был добрый, тихий и довольно смирный. За последнее время у него, пожалуй, обнаружилась некоторая склонность отождествлять себя со своими героями и претендовать на титул вершителя справедливости. Но это вполне безобидное стремление. Ведь он никогда не играл ролей подлецов и злодеев.

— Кому была на руку смерть Азато?

— Очень многим. В том числе и мне. Долго ли он еще мог продержаться в своем амплуа? Самое большее лет пять. А теперь культ Азато возродится вновь и сохранится навечно. Близкий друг и постоянный оператор — то есть я — напишет о нем книгу воспоминаний, а каждый, кому Джонни хоть раз отпустил затрещину, может рассчитывать на безбедную жизнь в качестве тренера, поскольку в свое время «был партнером самого Азато». Вы даже не представляете, какой бум начнется, если удастся затушевать ту подробность, что непобедимый герой попросту потерпел поражение. Жена его и прежде не ходила в бедных, а теперь станет миллиардершей. Если бы Джонни остался жив, через два месяца они бы развелись, и миссис не получила бы ни гроша.

— Почему?

— Потому что она собирается выйти замуж за некоего американского продюсера. Теперь он впридачу к красавице жене огребет еще и целое состояние.

— Продолжайте, пожалуйста!

— Повезло, можно сказать, десятку актеров, которые мнят себя не менее одаренными, чем Джонни, только невезучими. «Азато легко было пробиться, поскольку индустрии зрелищ как раз в ту пору требовалась новая кинозвезда!»

— И что же, они не правы?

— Конечно, нет. Азато создал жанр и создал определенное амплуа, которое теперь, после его смерти, нетрудно присвоить себе. Готов поспорить, что добрый десяток подражательных фильмов будет состряпан без промедления, если удастся найти парня, хоть отдаленно похожего на Джонни...

Ямамото разлил коньяк и, к ужасу Куямы, не обошел его. Они выпили за успешное расследование; Куяму прошибла слеза, он начисто забыл о том, что напоследок собирался расспросить оператора о Фукиде.

* * *

Двое в масках внезапно появились из-за ограды. Один из них преградил Азато дорогу, другой, держась на безопасном расстоянии, зашел с тыла. Азато метнулся в прыжке и тотчас же упал как подкошенный. Лишь двое из сидящих в небольшом просмотровом зале успели выхватить из серии молниеносных приемов резкий, как взмах меча, удар ребром ладони. Кадр сменялся за кадром, и они видели, как у Азато вздрагивают мускулы лица, видели его напряженный, внимательный взгляд: теперь оба специалиста были убеждены: актер уже понял, что это не игра, а смертельный поединок. «Боже правый, что ему стоило закричать или убежать, уклониться от схватки!» — думал Куяма, чувствуя, как его подташнивает от волнения. На пленке было запечатлено подлинное убийство реального человека, и молодой инспектор полиции лишь в эту минуту осознал, что от него требуется не отыскать неизвестное лицо в абстрактной схеме, а поймать инспираторов этого конкретного злодеяния.

Дэмура с грустью наблюдал за событиями на экране. Он видел страх в глазах Азато, видел его усилие овладеть собой, побороть свой страх, что, очевидно, не раз удавалось актеру. Опытному глазу было видно, что сейчас Азато не думает о красивых, эффектных приемах, а прикидывает расстояние до неизвестных, старается выбрать нужный темп и ждет мгновения, когда можно будет с криком броситься на противника и раздавить, уничтожить его. Это было лицо истинного каратиста, и знаменитый Джонни Азато в этот момент снискал искреннюю симпатию Дэмуры. Старый сыщик занимался каратэ с 1930 года, то есть с десятилетнего возраста. Тогда каратэ единодушно считалось высоким искусством ведения боя, таковым оно осталось для Дэмуры и поныне. Он не ходил на соревнования по каратэ, не интересовался фильмами на эту тему, но и не вступал в споры, отстаивая свои взгляды. Давным-давно прошли те времена, когда он с пылкостью миссионера объяснял всем и каждому, что каратэ не имеет ничего общего с тем, во что его превратили мода, бизнес и европеизация жизни. Теперь Дэмура довольствуется собственными тренировками и редкой возможностью передать другим ту совокупность знаний, которую он считает истинным искусством каратэ. Он из тех мастеров, кто остался вне федераций, во множестве расплодившихся с конца шестидесятых годов. Если возникала нужда в партнере, его с радостью принимали в любом додзё. Большинство его давних друзей занимались преподаванием каратэ. Одно время, пока был жив старый мастер Эгами, Дэмура посещал его додзё, где исповедовали те же принципы, что и сам Дэмура: приемы каратэ сопряжены со смертельной опасностью и потому оно не может быть видом спорта. Соревнования только убивают в учениках почтение к искусству, ведь человек накапливает знания вовсе не для того, чтобы демонстрировать их перед другими. Затем, когда и в этом клубе занялись модернизацией технических приемов и системы тренировки, Дэмура перестал туда ходить.

Впрочем, партнер ему требовался редко. За полстолетия ему довелось столкнуться с таким количеством противников, что его трудно было удивить чем-либо новым. В течение долгих лет у него выработалась привычка видеть перед собой живого человека, даже если он упражнялся в одиночку.

Обязательные упражнения — ката — он воспринимал как истинную борьбу. Нанося удар макиваре — врытой в землю доске, — он ставил себе задачу перерубить, сломать ее. Предаваясь медитации, он был способен совершенно отключиться от сумятицы внешнего мира. Каратэ было для него образом жизни, а ежедневные тренировки — частью личной гигиены, и если у него почему-либо не было возможности поупражняться, возникало ощущение, будто он утром не умывался.

А в наши дни любое размахивание кулаками нороят выдать за каратэ! Сколько раз Дэмуре казалось, что он способен утопить в луже воды всех, кто стремится превратить каратэ в бизнес: самозванных мастеров, чиновников от спорта, участников соревнований, заделавшихся профессиональными драчунами, и того же Азато, чьими рекламными плакатами был наводнен весь город. Но сейчас, когда он видел, как Азато, собравшись с духом, вступил в свою последнюю схватку, у него сжалось сердце. Возможно, он, Дэмуре, заблуждался?

Затем Азато и нападающий в маске бросились друг на друга. В просмотровом зале царила мертвая тишина, мужчины внимательно следили за развертывающейся на экране трагедией, и хотя фильм не был озвучен, при виде перекошенных в крике ртов всем казалось, будто они слышат боевой клич сражающихся. Азато и его противник сшиблись в прыжке, затем отскочили друг от друга. Один из них победил, но держался по-прежнему настороженно, готовый в любой миг продолжить борьбу, другой рухнул на землю, но даже в этой позе еще несколько мгновений держал противника в напряжении. Включили свет, и Ямамото закашлялся. Кошмар какой-то! И ему придется еще три раза смотреть это от начала и до конца: те же кадры, снятые сверху, с противоположной стороны улицы и крупным планом. В задачу одного из операторов входило снимать телеобъективом только глаза, искаженные лица, занесенные для удара руки, вскинутые в пинке ноги. Азато и Ямамото взяли себе за правило еще со времен их первого фильма монтировать по несколько таких крупноплановых кадров, отснятых в натуре.

— Ну, каково твое мнение? — Шеф прибыл на просмотр за несколько минут до начала, на сей раз, правда, без обычного своего эскорта.

Шеф адресовал свой вопрос Дэмуру. Тот вытащил носовой платок, вытер лицо и, прежде чем спрятать платок в карман, аккуратно сложил его. Лишь после этого он ответил на вопрос Шефа.

— Профессиональный каратист. Работает в традициях старой окинавской школы, причем очень хорошо.

— Мота ли смерть быть результатом... скажем, случайности, несчастного случая?

— Нет. Бой был открытым, и оба понимали это.

— Азато признавал, что его хотят убить?

— Пожалуй, нет. Но он, безусловно, понимал, что над ним хотят одержать верх и унижить его. И конечно же, от него не могло укрыться, что против него выступают не каскадеры, с которыми он репетировал.

— Он понял это, как только они появились, — хрипло проговорил Фукида. — Мы всегда отрабатывали каждое движение с точностью до миллиметра.

— А как вы определили, что эти люди двигались не так, как надо?

Фукида холодно глянул на Куяму.

— Все их действия, их движения были недостаточно выразительными и грозными.

— Гм... Мне они показались достаточно грозными.

— Потому что вы знали, чем все это кончится. Одно дело фильм, совсем другое — жизнь. Зритель в кино начинает волноваться лишь в том случае, если злодеи появляются, эффектно демонстрируя свою силу.

— Тогда отчего же Азато не прервал съемки?

Фукида взглянул на Дэмуру, тот посмотрел на Шефа, Шеф — на Куяму. Куяма покраснел. Ну и осрамился же он, черт бы их побрал с их самурайским кодексом чести! Ему следовало

бы знать, что Азато даже рискуя жизнью должен был принять вызов.

— Не желаете ли посмотреть отснятое с другого ракурса? — Ямамото, правда, уповал на то, что о нем позабудут, но надо же было как-то вызволить этого симпатичного молодого человека из щекотливой ситуации.

— Я хочу! — тотчас же отозвался Дэмуре. Шеф взглянул на часы, затем утвердительно кивнул головой. У Куямы, естественно, не оставалось выбора. Зато Фукида вскочил так неожиданно и быстро, что Куяма инстинктивно сжался в кресле.

— А я не хочу! С меня и этого предостаточно. И пусть будет милостив господь бог к этому мерзавцу, если я наткнусь на него раньше вас! Потому как от меня он милости не дождется. — Прежде чем захлопнуть за собою дверь, Фукида почтительно поклонился присутствующим.

— Вы думаете, ему удастся найти убийцу? — обратился Куяма к Дэмуре. К величайшему удивлению Куямы, Дэмуре утвердительно кивнул.

— Вполне возможно. Немного людей найдется в стране, которые бы так владели искусством боя. Значит, надо запастись терпением и обойти все клубы, всех мастеров.

— Вы полагаете, убийца занимается в каком-либо спортивном клубе?

— Только не в спортивном. Для этого человека каратэ — не спорт.

— А что же тогда?

— Мастер Фунакоси, у которого я в свое время учился, любил повторять: не искусство формирует человека, а наоборот, человек создает искусство. В каратэ каждый находит то, что ищет. Азато и его друг превратили его в средство зарабатывать на жизнь. Иные видят в нем способ физической закалки, самозащиты или вид спорта.

— А что нашел в нем убийца?

— Оружие.

Куяма, отбросив обязательную почтительность к старшим, понимающе усмехнулся. Что бы не находил убийца в этом каратэ, но ведь он же учился у кого-то и должен же где-то тренироваться, так подсказывает логика. Если Дэмура решит обойти все тренировочные залы, еще ничего. Но когда он отыщет нужного человека, ему придется нелегко. Уж настолько-то Куяма разбирался в людях, чтобы понять: с ордером на арест старый детектив отправится в одиночку.

Все разговоры смолкли, как только Ямамото погасил свет и на экране вновь возник Азато: спокойный, уверенной походкой направился он к ограде, где его подстерегала смерть.

Куяма все утро трудился над справкой, которая послужит Шефу шпаргалкой на пресс-конференции во второй половине дня. Он несколько раз обдумал каждое слово, прежде чем написать, и трижды перечитал весь текст от начала до конца. Если он не поймает убийцу, конечно, будет неприятно, однако это еще не катастрофа. Но если Шеф на пресс-конференции окажется в неловком положении, ляпнув какую-нибудь глупость, или же не сумеет ответить на простой вопрос, Куяме не поздоровится. К счастью, дело вроде бы не столь запутанное, каким казалось поначалу. Оба каскадера изложили свою незамысловатую историю в точности так, как и предсказывал Куяма. К ним подкрались сзади и оглушили ударом по голове — только и всего. Ничего больше из них выжать не удалось.

В своем Донесении Куяма подробно изложил, почему он считает нападение на Азато наемным убийством и, опираясь на новейшие достижения психологии, проанализировал духовный мир закомплексованной, жаждущей отмщения личности. Шеф, прочтя эти психологические изыскания, холодно взглянул на Куяму и распорядился:

— Выясни, почему Азато работал над фильмом не со своим постоянным составом.

Так прошло утро. Затем в полдень состоялся этот мучительный просмотр, но конца испытаниям еще не предвиделось. В зале вспыхнул свет, все встали. Шеф,

церемонно раскланиваясь, прощался с Ямамото. Прежде чем отбыть, уже в дверях он обернулся и бросил Куяме:

— Надеюсь, вы сработаетесь с мастером Дэмурой! — Пожелание было высказано в недвусмысленной форме, а Куяма был парень смысленный. Он не позволил себе состроить гримасу, пока Дэмура долго и основательно договаривался с оператором, как бы получить видеокопию. Напротив, Куяма проявил максимальную лояльность, предложив коллеге зайти в какой-нибудь ресторанчик, где можно будет обсудить дальнейший ход расследования. Дэмура не возражал, и оба сыщика, пройдя некоторое расстояние пешком, обнаружили подходящее место.

Это был небольшой ресторанчик в старинном духе. Однако вместо самураев в цветных кимоно за низкими столиками сидели современные деловые люди в европейских костюмах, хлебали суп и, проворно работая палочками, поглощали рис. Перед ними стояли запотевшие бутылки с пивом и подогретое сакэ в крошечных чашечках. От этого зрелища сразу становилось теплее на сердце. Дэмура привычным движением опустил на пятки. Куяма сел в неудобной позе, по-турецки, и пробормотал слова благодарности, когда владелец заведения сунул ему под спину подушку.

Старый детектив заказал себе чай и жареный пирожок с капустой. Куяма попросил принести рыбу двух видов, рис, овощи и пиво.

— Ну, так что будем делать? — спросил молодой человек.

— Мне кажется, для начала надо составить перечень заданий. Тогда мы сможем распределить, кому куда идти и что делать, не мешая друг другу.

Куяме понравилось это предложение. Он приготовил лист бумаги, ручку и ждал дальнейших указаний.

— Я думаю так... — начал было Дэмура и замолчал. Принесли заказанное ими, а при посторонних не следовало обсуждать служебные дела.

Когда официантка удалилась, мужчины облегченно вздохнули. Куяма выпил первый бокал залпом, Дэмура неторопливо глотал чай; увидев, что Куяма опустошил свой бокал, он наклонился вперед и снова наполнил его пивом. Подобная предупредительность входит в правила японского этикета, и все же Куяма воспринял этот жест как символический.

— Я думаю, нам надо разыскать режиссера, — продолжил Дэмура с того места, на котором их прервали.

— Какого режиссера?

— Того, кто ставил бы теперешний фильм, если бы Азато не пожелал все делать сам. Ведь у него наверняка был такой же постоянный режиссер, как, скажем, постоянный оператор Ямамото.

— Неплохая мысль, — Куяма сидя поклонился, дабы подчеркнуть свое одобрение. — Затем, по-моему, следует разыскать сценариста. То есть якобы несуществующего сценариста, вместо которого Азато сам занялся сочинительством.

— Можно... Кроме того, следует выяснить, чем занимался Азато в последние несколько дней. Возможно, истоки трагедии в прошлом, хотя большинство преступлений лишены романтической подоплеки. Но и вам неплохо бы повнимательней присмотреться к каждому, кто хоть как-то замешан тут. Что собой представляют Ямамото, Фукида, Линда, надо собрать о них все сведения, какие только можно.

— Кое-что уже есть, — не без гордости произнес Куяма и достал из «дипломата» аккуратную папку. Как хорошо, что он переписал своей рукой наиболее содержательные места донесения Эноёды! Ведь не сунешь под нос Дэмуре оригинал. — Вот, к примеру... Линда Азато, урожденная Линда Харрис... оп-ля, любопытная деталь!

Дэмура с интересом следил, как с молодого человека вмиг слетело всякое позерство и на умном лице сохранилось лишь выражение любопытства и напряженного внимания. Возможно, юноша унаследовал от отца не только имя, деньги и авторитет, но и его способности?

Куяма с лихорадочной поспешностью рылся в своих записях.

— Как же я не заметил раньше?! Сценарист, которого мы ищем, не кто иной, как брат жены Азато.

— И он оказывается не у дел именно в тот момент, когда Азато разводится. Гм... а нет ли в ваших бумагах какой-либо информации относительно причины развода?

— Нет. Но, возможно, сценарист ответит нам на этот вопрос.

На том они и порешили. Расплатились и отправились на первый совместный допрос.

Американский писатель Харрис жил в Индабаси, достаточно далеко. Посоветовавшись, оба детектива сошлись во мнении: надо позвонить Харрису по телефону. После второго звонка Харрис снял трубку и на беглом японском языке, хотя и с сильным акцентом сказал, что он всецело к услугам господ полицейских.

У станции метро «Индабаси» инспекторы сели в такси. Шофер был высоким здоровяком. Впрочем, Куяма не слишком-то приглядывался к нему, он обычно воспринимал водителя как необходимую деталь машины. В данном случае деталь оказалась весьма скверного качества. Шофер рванул машину с места так, что колеса заскрежетали, на развороте дал задний ход, едва не сбив с ног какую-то старушку, и направил такси прямо под колеса грузовика. Дабы спасти положение, он резко крутанул руль, прижав к тротуару мотоциклиста в соседнем ряду, и при этом не переставал вполголоса сыпать ругательствами. Из общей массы традиционно-учтивых японцев выделяется привилегированная каста таксистов и вокзальных носильщиков, которые неведь почему ведут себя невежливо, а то и вовсе грубо. Куяма какое-то время пытался подобрать подходящую к случаю остроту вроде того, что не стоит так лететь, гоночные состязания уже окончены и ежегодный приз вручен. Но затем отказался от попытки сострить и лишь молился про себя, чтобы им удалось доехать без аварии. Дэмура же, наклонившись вперед, тронул водителя за плечо.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь не в свое дело, но не могли бы вы ехать помедленней?

Куяма ничуть не удивился, когда таксист резко затормозил и, включив первую скорость, повел машину черепашьям шагом. Будь он на месте водителя — здоровый, сильный, наглый, этаким таксомоторный камикадзе, и вздумай какой-то старый козел учить его правилам езды по улицам, он реагировал бы точно так же. Но он был всего лишь пассажиром, поэтому испытал облегчение, когда непосредственная опасность миновала. Однако когда позади такси выстроилась длиннейшая вереница машин, тоже ползущих еле-еле, Дэмура, словно ему жизнь была немила, снова сунулся к водителю.

— Остановите машину, я выйду!

Такси протащилося еще несколько метров, пока шофер решал, как поступить, затем остановился у тротуара. Водитель, обернувшись назад, уставился на Дэмуру долгим насмешливым взглядом, потом с силой плюнул ему в лицо. Затем, ухмыляясь, нажал кнопку автомата и дверца распахнулась.

— Извольте!

Рука Дэмуры взметнулась вверх, шофер молниеносно замахнулся, но старик всего лишь вытер лицо, после чего довольно спокойным тоном произнес:

— Ну, а теперь давай выйдем, и я порву твою поганую пасть.

— Ух, напугал! — весело отозвался таксист и проворно выскочил из машины.

Дэмура вылез с другой стороны, и Куяма оценил его предусмотрительность. Куяма принадлежал к числу тех японцев, которые не занимаются ни одним из видов национальной борьбы. В университетские годы он играл в бейсбол, и когда проходил стажировку в Штатах, американцы отказывались верить, что бейсбол самый популярный вид спорта в Японии, оставивший позади дзюдо, каратэ и фехтование. Но несмотря на это, Куяма способен был трезво

оценить, с кем не стоит вступать в рукопашную схватку. Таксист был именно из таких людей! Мощные мускулы налиты силой, кулачищи как гири, да и весь словно начинен взрывчаткой. А развинченная походка и спокойные холодные глаза яснее ясного должны были остеречь этого старого дурня. Куяма перевел взгляд на Дэмуру. Тот производил впечатление маленького и хрупкого. Куяма на всякий случай отступил подальше и приготовил полицейское удостоверение. Дэмура пусть подставляется, если хочет, но его увольте. Шофер тоже счел шансы неравными.

— Ну что, дед, не передумал драться? — он презрительно смотрел на старика.

Дэмура не произнес в ответ ни слова, лишь медленно пятился по мере того, как наступал противник.

Куяма не знал, какому чувству отдать предпочтение: разочарованности или облегчению. В глубине души он все же надеялся, что старик постоит за честь мундира. С горечью наблюдал он, как рослый наглец с пренебрежительной ухмылкой взирает на Дэмуру. Дэмура, скорчив печальную гримасу, безнадежно махнул рукой и взглянул на Куяму. Куяма пожал плечами, мол, ничего не поделаешь, но Дэмура вдруг с молниеносной быстротой пнул шофера по ноге — в самое чувствительное место, по косточке, и тотчас же метнулся вперед, чтобы подбить таксисту другую ногу. Он не дал даже упасть своему врагу. Левой рукой нанес ему удар в висок, правой пнул в лицо, заставив таксиста запрокинуть голову, а затем — Куяма лишь задним числом смог восстановить цепочку действий — Дэмура большим пальцем левой руки коснулся какой-то точки на голове противника, и верзила завопил от боли. В то же мгновение согнутые пальцы Дэмуры ухватили этот орущий рот и рванули в стороны.

Зрелище было поистине ужасающее. Из разорванного рта хлестала кровь, таксист понапрасну пытался остановить ее, зажимая рану руками. Постепенно вокруг них стала собираться толпа; люди не решались вмешиваться, но смотрели на них враждебно. Дэмура не спеша, спокойной походкой направился к перекрестку. Куяма последовал за ним, и толпа расступилась, открывая им путь.

Харрис оказался мужчиной некрасивым, с неправильными чертами лица. Он принадлежал к той разновидности людской породы, при виде которой становилось понятным, почему американцы выиграли войну. Харрис источал силу и уверенность. Этот человек знает, как ему жить, и готов обрушиться на любого, кто ему помешает. Среднего роста, худощавый, жилистый, очень подвижный, одет в выдавший виды шерстяной свитер, — так выглядел хозяин дома. По всей комнате были разбросаны книги и газеты. Старомодные кожаные кресла, письменный стол, допотопная пишущая машинка — вся обстановка создавала тот уютный беспорядок, в котором Дэмура как ни странно, чувствовал себя очень хорошо. Сам он, педант по натуре, питал невероятное пристрастие к чистоте и аккуратности, но эта симпатичная безалаберность казалась ему в такой же степени привлекательной, в какой раздражала тяга Куямы к богемности.

Харрис угостил их индийским чаем, заваренным по-английски, и Дэмура неторопливо прихлебывал напиток, словно явился сюда в гости. У японцев церемонией является приготовление чая, у англичан — питье. За чаем можно поговорить, а можно и посидеть молча, обдумать то, что произошло. Боже правый, он и не подозревал, что в нем еще сохранилась эта жестокость. Дэмуру волновала именно эта сторона дела, а не последствия. В Японии использование приемов борьбы равнозначно применению оружия, поэтому каратисту или дзюдоисту следует основательно подумать, прежде чем применить прием, но ведь полицейский, подвергшийся нападению, имеет право прибегнуть к оружию. Куямы он не опасался: парень порядочный и не подведет, если придется писать докладную. Дэмуру ужасала мысль, что прошлое довлеет над ним с такой силой. Сколько лет он занимается борьбой лишь в тренировочном зале. Разве что при исполнении повседневных полицейских обязанностей случается иногда осадить разбушевавшегося хулигана, вот он и решил, что натура его изменилась. Но сегодня внутри словно что-то взорвалось и он вступил в рукопашную схватку

с холодной расчетливостью и жестокостью автомата, запрограммированного на убийство...

Харрис, не дожидаясь просьбы, снова налил чаю посетителям. Он молчал, Как человек западного мира, наслышанный о чайной церемонии и восточном терпении. Лицо Куямы было бледно. Он тоже сидел молча, и чувствовалось, что он охотно уступит инициативу старшему коллеге. Наконец, Дэмура поставил на стол чашку и вытащил из кармана блокнот. У него не было ни малейшего желания приступить к расспросам, но, пожалуй, так будет лучше — работой отогнать неприятные мысли.

— Когда вы познакомились с Азато?

— Во время съемок «Последней схватки». Я написал сценарий к этому фильму — факт не слишком известный, — а Джонни дрался в нем, и этот фильм вошел в историю кино.

— Как разворачивались события после успеха фильма?

— На Джонни со всех сторон посыпались предложения. В результате мы тем же составом, но на американские деньги сделали еще один фильм — «Счастливая акула». На его долю выпал успех более шумный, и каждый из нас заработал кучу денег. Мы располагали огромными средствами, великолепной техникой, хорошо организованной рекламой, но этому фильму было далеко до первого. Все мы повторяли самих себя: я — в сценарии, Ямамото — в операторской работе, Итотю — в режиссерской... Все это было полбеды. Но и Джонни вместо того, чтобы создать новый типаж, попросту перенес на экран все тот же первый удачный образ.

— А чем это плохо?

— Оказалось, что он не актер. Азато — это симпатичный парень с открытым, честным лицом, который, применяя каратэ, становится поборником справедливости, защитником попранной чести. Этот штамп переходил из фильма в фильм, и зрители все охотнее отождествляли Джонни с его героями.

— Ну и что тут предосудительного? Азато достиг такой славы, как ни один другой актер в стране! — Куяме казалось, что писатель порет чушь. Или попросту завидует.

— В «Последней схватке» мы создали живой, правдивый характер, а затем вместо того, чтобы и дальше работать с такой же отдачей, выжимая из себя все возможное, мы успокоились на достигнутом. Шлепали копию за копией со своего первого и единственного удачного творения, но ведь и копии-то раз от разу становились бледней. — Он махнул рукой. — Если бы Джонни остался в живых, он все равно через год-другой вышел бы в тираж.

Куяме припомнилась аналогичная мысль, которую продюсер Таякама развил в беседе с Эноёдой.

— А так, если удастся замять, что его убили голыми руками, он останется вечной легендой?

— Да. — Писатель не без удивления посмотрел на молодого полицейского. — По-моему, мозговой трест КМК уже озабочен этим.

— Что это за КМК?

— Кинокомпания, снимающая фильмы о каратэ. Она была основана через два года после премьеры «Последней схватки» и рекламировала себя как предприятие Джонни Азато. Но в действительности Джонни был лишь одним из основных пайщиков.

— А кто остальные?

Харрис пожал плечами.

— Воротилы киносиндиката, продюсеры, финансовые дельцы — обычный состав. И каратэ и киноискусство интересует их как прошлогодний снег. Все помыслы об одном — побольше заработать.

— Почему Азато решил свой последний фильм делать, по сути, в одиночку?

— А черт его знает, почему. Я уже давно отошел от их дел и несколько лет практически не встречался с Джонни. Спросите кого-нибудь из заправил КМК, а там — ваше дело, верить их ответу или нет.

— Почему распался брак Азато? — Дэмура переменял тему.

— Отчего бы вам не спросить об этом мою сестру?

— Действительно, отчего бы не спросить?.. — Дэмура смотрел на Куяму, словно бы искренне изумляясь, как это он сам не додумался до такой простой мысли. Затем дружески улыбнулся Харрису. — У вашей сестры были романы?

— Понятно. Такие вопросы женщинам задавать не принято. — Откинувшись на спинку кресла, он задумчиво смотрел на полицейских. — Разводятся они не из-за этого и не из-за увлечений Джонни.

— А из-за чего же?

— Моя сестра актриса, причем неплохая. Возможно, ей так и не удастся сделать карьеру, но она считает, что стоит попробовать. А возле знаменитого Джонни Азато у нее не было ни малейших шансов.

— И одной звезды на семью хватит?

— Вот именно.

— Азато не был ревнив по натуре?

— Напротив. Однако он понял, что Линду надо принимать такой, какая она есть, измениться она не может. Ну и у самого Джонни рыльце тоже было в пушку... Зато несчастный Фукида — тот буквально заболел от ревности.

Оба инспектора сделали стойку, как охотничьи собаки перед дичью.

— К кому же он ревновал? Неужели к мужу?

— К каждому, кто попадал в окружение Линды. И кстати сказать, в большинстве случаев у него были основания. Но к Джонни Фукида не ревновал, настолько у него ума хватало. Он радовался, что Джонни позволяет ему обожать свою жену.

— Вы хотите сказать, что Азато знал о чувствах Фукиды?

— Конечно, знал. Если верить досужим сплетням, то он якобы рассудил так: если жена все равно изменяет ему, пусть изменяет с близким другом, а не с первым встречным.

— Гм... Это вопрос точки зрения. А жена и друг воспользовались этой возможностью?

— Откуда мне знать? Факт тот, что отношения между ними были очень хорошие, а Фукида ревновал даже в тех случаях, когда ревновать полагалось бы Джонни.

— А новый жених вашей сестры, как он сносит это обожание Фукиды?

— Маццони? С трудом. — На лице Харриса промелькнуло злорадство. — Они даже подрались. Я, к сожалению, при этом не присутствовал, видел лишь следы потасовки на физиономии Джека. Смотреть на это было приятно!

Харрис засмотрелся в окно; он откинул голову на спинку кресла так, чтобы ему были видны облака в небе. Дэмуре показалось, будто и по лицу его промелькнула как бы тень от облачка. Он сделал знак Куяме, что пора уходить.

* * *

У станции метро «Индабаси» они расстались, попрощавшись за руку. Высокая элегантная фигура Куямы затерялась в толпе.

Дэмуре повернул назад. Отыскал телефонную будку и попытался объяснить жене, почему он сегодня снова вернется домой поздно. Объяснить было нелегко, поскольку он и сам не очень-то понимал, что с ним происходит. На карьере он поставил крест, деньги и слава ему не нужны, все необходимое у них с женой есть. Дух соревнования никогда не был присущ ему. Но Дэмуре чувствовал: он просто не в состоянии сейчас идти домой, принимать ванну, пить чай, вести разговоры с женой, смотреть телевизор и ложиться спать, зная, что увиденный им на экране убийца разгуливает на свободе. Дэмуре необходимо встретиться с ним один на один и покарать его за то, что тот обратил во зло искусство каратэ. Чем лучше мастер, тем большее преступление совершает он, злоупотребляя своим умением. А этот человек, к сожалению, большой мастер.

В Дэмуре странным образом усиливалось и другое чувство: убийцу должен найти именно он, прежде чем это сделает Куяма или кто-то другой. Это чувство было настолько

чуждо самому Дэмура, что он был искренне поражен. Однако самого себя не обманешь. Да, он хочет доказать свое превосходство! А сегодня вечером он впервые понял, что Куяма не такой простак, за какого он, Дэмура, его принимал. «Познай себя — и тогда, даже если ты не познал противника, у тебя остается шанс на победу. Если же не познал ни себя, ни противника — наверняка потерпишь поражение». Эта истина, которую ему с детских лет внушали на тренировках, сейчас обрела особый смысл. «Познай самого себя». Знает ли он себя? После инцидента с таксистом он вовсе не был в этом уверен. Вот и Куяму он недооценил так же, как начинающий боец недооценивает любого противника, умеющего скрывать свои сильные стороны. Конечно, он допустил просчет. Куяма способен на дельные мысли, не исключено, что вместо того, чтобы идти домой, он продолжит расследование: начнет собирать факты, накапливать данные, чтобы получить фору хотя бы в один ход. Ибо Дэмура был уверен, что Куяма прекрасно сознает: между ними идет соперничество.

Дэмура положил трубку и несколько секунд простоял в нерешительности. Затем купил в ближайшем киоске несколько газет для любителей каратэ, зашел в дешевый ресторанчик и, наскоро перекусывая, просмотрел газеты. Однако нашел мало интересного. Лишь одну из них он сохранил, а прочие оставил за ненадобностью на ресторанном столике. Вновь отыскал телефонную будку. Фамилия редактора и несколько телефонных номеров значились в самом начале газеты. Сираи... Он набрал номер, после нескольких звонков в трубке раздался приятный женский голос.

— Добрый вечер! Вас беспокоит инспектор Дэмура. Я хотел бы поговорить с редактором газеты «Сэнсэй».

— Муж сейчас на тренировке. Он будет дома поздно вечером. У вас что-нибудь срочное?

— Я расследую обстоятельства смерти Джонни Азато, и ваш супруг как специалист, возможно, дал бы мне кое-какие советы.

— Понятно, — голос женщины зазвучал дружелюбнее. — Муж проводит тренировку в университетском клубе. Попробуйте застать его там, он охотно поможет вам, если это в его силах. Вы знаете, как туда проехать?

Дэмура нисколько не сомневался, что разыщет тренировочный зал. Подобно большинству каратистов, он обладал безошибочным чутьем, позволявшим ему в любом уголке города обнаружить тренировочный зал, куда стоит заглянуть. Университет казался вымершим. Дэмура блуждал по безлюдным коридорам. Откуда-то из другого корпуса доносилась негромкая музыка. Дэмура несколько раз сворачивал, почти не колеблясь, какое выбрать направление, и наконец понял, что попал в нужное место. Из-за закрытой двери слышались такие знакомые звуки: слова команды, топот ног, боевые выкрики, глухой звук ударов... Еще до того, как отворить дверь, Дэмура понял, что здесь идет настоящая, серьезная тренировка. Этот мастер может ему помочь. Какого бы мнения ни были о нем Шеф, Фукида или этот напыщенный юнец Куяма, сам-то Дэмура знал: он вовсе не тот специалист по искусству боя, от какого может быть толк в этом деле. Ведь он всего лишь тренируется каждый божий день, отшлифовывает приемы, предается медитации, дабы слиться со всеобщим «бытием». Но он всегда сторонился того пестрого и невероятно запутанного мира, который тоже носит название каратэ. Кто, как не редактор специальной газеты, лучше прочих осведомлен об этом мире соревнований, федераций, рекламных средств, приключенческих фильмов? К тому же эту газету Дэмура считал более солидной, чем остальные, не столь деляческой.

Он снял ботинки и склонился в глубоком поклоне, прежде чем переступить порог зала. Это не был настоящий додзё, где против двери стоит алтарь, куда не допускаются праздные зеваки, где вдоль стен выстроились макивары, а ученики до начала и после окончания тренировки часами оттачивают удары об эти врытые в землю и покрытые циновками доски. Нет, это обычный гимнастический зал, где днем занимались баскетболисты, а до тренировки по каратэ женщины, стремившиеся похудеть, проходили курс лечебной

гимнастики. Но Сираи даже здесь проводил тренировку по всем правилам.

Невысокий, плотный мастер тренировал одновременно человек сорок. Дэмуре доставляло удовольствие наблюдать за ним. По отрывистым словам команды одновременно и в четком ритме взлетали безукоризненно чистые рукава курток — ученики отбивали серию ударов и в свою очередь сами наносили их. Каждое очередное упражнение Сираи вначале проводил медленно, затем голос его вдруг взметался резко, это означало, что разминке конец, и таза учеников сужались в щелочку, лица искажались, из гортани вырывался боевой клич. Дэмуре уже второй раз в ходе этого расследования ловил себя на мысли, что, пожалуй, он не совсем прав... Конечно, все эти соревнования, газеты, фильмы опошляют исконное древнее искусство, но ведь вот, наряду со всем прочим существует Сираи, который со своей группой культивирует прекрасное, чистое, подлинное каратэ.

Дэмуре отогнал от себя эту мысль и стал ждать конца тренировки. По его расчету, она должна была кончиться где-то через полчаса, и он не ошибся. После основных упражнений наступил черед техники боя и отработки ката. Ганкаку — журавль на скале. Здесь это проделывали несколько иначе, чем Дэмуре. При первом движении принимали заднюю стойку вместо стойки всадника, более быстро подтягивали ногу под колено противника и на более короткое время застывали в стойке журавля... но в целом на них приятно смотреть. Движения каратистов были исполнены силы и стремительности.

Тренировка завершилась короткой медитацией. Дэмуре тактично вышел из зала и подождал тренера в коридоре. Тот вскоре появился — с улыбкой, адресованной потенциальному новому ученику или, во всяком случае, лицу заинтересованному. Словом, Сираи был профессионалом, который кормится преподаванием каратэ, но по крайней мере хорошо делает свое дело.

— Простите за беспокойство, я инспектор Дэмуре. — Он предъявил удостоверение, хотя знал, что Сираи и без того

поверит ему. — Я веду расследование дела о смерти Джонни Азато.

В глазах мужчины блеснул интерес. Опубликовав подробности о смерти Азато, его газета может обогнать соперников. Сираи был не только каратистом, но и репортером, который готов броситься в огонь и в воду ради сенсационного материала. Дэмуре было не жалко: если Сираи поможет ему, то отчего бы и самому редактору не поживиться? Однако Сираи нерешительно почесал в затылке.

— Вы уверены, что нужный вам человек был каратистом? А не мог он иметь отношения к таэквондо, кун-фу, тайландскому боксу или чему-то еще в этом роде? Ведь в Азии полным-полно местных видов боевых искусств, которые у непосвященных сходят за каратэ. Уж хотя бы нам, японцам, не стоит путать.

— Он был каратистом, — спокойно произнес сыщик. Дэмуре не удивило, что его имя ничего не сказала Сираи. Для того, чтобы вести такую газету, этот человек поистине должен быть ходячей энциклопедией, но далекие от общественной жизни старые мастера наверняка выпадают из круга его интересов.

— Более того, могу сказать, что убийца не занимался французским боксом «сават», индонезийским «пенчак-силатом» или филиппинским «арнисом». Кроме того, он не имеет отношения ни к айкидо, ни к дзюдо, ни к джиу-джитсу, если говорить об отечественных видах рукопашного боя. — Дэмуре прекрасно знал, что из-за этой склонности ироническим тоном поучать других многие его не любят, но ничего не мог с собой поделать.

— Если вы располагаете столь серьезной информацией, какой вам прок от меня?

И Дэмуре устыдился, как всякий раз, когда позволял себе высокомерный тон общения с порядочным человеком. В конце концов, Сираи абсолютно прав, уточняя столь важные детали, ведь в повседневном обиходе каратэ часто путают со всякого рода драками, где пущены в ход руки-ноги.

— Прошу прощения, Сираи-сан, — Дэмура учтиво поклонился. — Вам это обстоятельство, разумеется, неизвестно, однако фильм был просмотрен экспертом полиции, по мнению которого убийца занимается традиционным окинавским каратэ.

— Кто этот эксперт?

— Я. — На лице редактора отразилась целая гамма чувств и мыслей. Удивление, любопытство... и вдруг до него дошел смысл сказанного.

— Как вы сказали... убийство заснято на пленку?

И Дэмура понял, что Сираи согласится обойти с ним все клубы, если такой ценой получит право увидеть эпизод, запечатлевший поражение великого Азато.

— Нужен список всех, кто мог бы голыми руками убить Азато. Если в легендах есть хотя бы половина правды, то таких людей сыщется немного...

— Легенды! — пренебрежительно отмахнулся Сираи.

— Не исключена возможность, что убийца когда-то участвовал в соревнованиях или фигурирует в списках мастеров, сдававших квалификационный экзамен. А может, и сам тренирует в каком-нибудь клубе.

— Все это верно, — согласился Сираи. — Но при чем здесь я?

— Вы знаете поименно всех чемпионов с того времени, как у нас начали проводиться состязания по каратэ, и наверняка помните каждого мастера, который чем-то привлек к себе внимание, не так ли?

— В точности так, — с гордостью признал редактор. — Но как быть, если убийца из числа тех мастеров, которые никогда и ничем не привлекли к себе внимание?

— Тогда, значит, нам не повезло, — пожал плечами Дэмура. И тут ему пришла в голову еще одна идея. — Можно также проверить, не нанес ли Азато в бытность свою участником соревнований серьезных увечий кому-либо, кто поклялся бы ему отомстить.

— Об одном таком случае я знаю. Давно еще, году в семидесятом, Азато выступал на открытом состязании профессиональных бойцов. Доводилось вам видеть подобные зрелища?

— Нет.

— Состязания проходят на ринге для бокса, и участники дерутся в буквальном смысле слова. Выступать имеет право любой: каратист, профессионал кун-фу, боксер — были бы желание и уверенность в своих силах. Руки участников защищены лишь тонкими протекторами, а правила позволяют применение чуть ли не всех приемов.

— Кошмар какой-то!

— Верно. Хотя ведь принимать участие вовсе не обязательно. Одним словом, Азато выступил на таких состязаниях в Лос-Анджелесе и так отдела одного американского парня, что тот долго находился на волосок от смерти. По-моему, ему пришлось удалить одну почку.

— Весьма любопытно! А фамилии его вы не помните?

— Обождите, сейчас всплывет в памяти. Мы тогда очень много писали об этом американце... Харрис, Эдди Харрис! Но что с ним случилось, понятия не имею. Однако не думаю, чтобы он по-прежнему занимался каратэ.

Дэмура надолго погрузился в размышления. Явственно увидел перед собой натренированные руки писателя, его расслабленные движения и налитую силой худощавую фигуру.

— А мне кажется, наоборот, — произнес он наконец. — Если мы имеем в виду одного и того же человека, то Эдди Харрис и с одной почкой не оставил любимого занятия.

* * *

Куяма спустился в метро и облегченно вздохнул, когда толпа скрыла его от глаз Дэмуры. «С этим старикашкой держи ухо востро», — подумал он, зная эту породу людей. Любитель

предаваться медитации, соблюдающий чайную церемонию, мастерски владеющий каким-нибудь из видов боевого искусства, старательный, упорный в достижении цели, словом, столп нации. Такой способен трудиться дни и ночи напролет. Куяма готов был поспорить, что Дэмура отправился вовсе не домой, как сказал ему, а по делу. Нельзя позволить старику вырваться вперед хоть на полшага! Каждая клеточка его существа молила об отдыхе, и все же Куяма решил, что он тоже продолжит работу. Более того, он знал, куда должен пойти. Тяжело вздохнув, он направился к телефонной будке. Номер телефона не было нужды разыскивать: в объемистой папке, которую он таскал с собой с утра, лежала карточка и на Маццони. Родился в 1940-м в Чикаго — Куяма наскоро пробежал глазами подробности. Вот уже пять лет живет в Японии, кинопродюсер. Член правления КМК. Карточка была снабжена пометкой, смысл которой Куяма знал, но сейчас впервые увидел воочию. Пометка указывала на то, что о данном лице имеется еще кое-какая — неофициальная, не подкрепленная фактами информация, к примеру, слухи, которые не внесешь в официальную картотеку, но которые могут пригодиться, если детектив серьезно заинтересуется данным лицом.

«Какого характера могут быть эти слухи?» — раздумывал Куяма, набирая номер телефона Маццони. Продюсер разговаривал вежливо, пожалуй, чуть свысока; по голосу его чувствовалось, что он не слишком встревожен желанием полицейского наведаться к нему домой в столь поздний час. Возможно, он привык к таким визитам. Куяма в этот день основательно потратился, и сердце у него обливалось кровью, когда он остановил проезжавшее мимо такси. Но он спешил, а по его мнению, грешно скупиться, когда речь идет о первом серьезном расследовании. К тому же он ехал по направлению к дому. Маццони жил в нескольких кварталах от него, из чего Куяма заключил, что американец не принадлежит к многочисленному лагерю бедняков.

Маццони действительно не принадлежал к их числу. Дом когда-то был традиционно японским, а затем его переоборудовали в американскую виллу. Дверь открыл плечистый японец. Быстрым взглядом он с головы до пят

прощупал Куяму, который не удивился бы, если бы его и обыскали. В комнате он обнаружил еще двоих таких же мускулистых парней. Фукиде придется туго, если он пожелает снова схватиться с Маццони. Комната была огромных размеров, а интерьер спроектирован профессиональным дизайнером, Художник разместил здесь бар со стойкой, зеркала, читальный уголок, оставил открытыми просторные площадки. Маццони заказал интерьер в современном духе. Необычные лампы поблескивали на изогнутых хромированных подставках, гармонизировавших со светлой кожей обивки и матовой поверхностью дерева. Все вместе взятое производило неплохое впечатление, равно как и сам хозяин дома. Маццони был высокого роста, привлекательной наружности. Куяма не удивлялся, что из-за него Линда бросила Азато. Взгляд у Маццони был твердый, даже жестокий, и потому несколько театральный костюм не делал его смешным. Элегантные брюки, пестрая рубашка с воротом нараспашку, шелковый шейный платок...

Маццони встретил его любезно. Предложил сесть и сделал знак одному из телохранителей, чтобы тот налил им выпить. Сам хозяин плюхнулся в мягкое кресло, скрестил длинные ноги и с интересом воззрился на молодого сыщика. Куяма выждал несколько секунд.

— Если я правильно осведомлен, вы являетесь членом правления КМК...

— Вы верно осведомлены.

— Нет ли у вас какого-нибудь предположения по поводу странной идеи Азато сделать весь фильм в одиночку?

— Ну ладно... — проговорил Маццони после некоторого колебания. — Месяца два назад состоялось заседание правления, надо было одобрить расходы на новый фильм Азато.

— Азато на каждый свой фильм должен был спрашивать согласие КМК? — По лицу Маццони Куяма увидел, что попал в точку.

— Это было чистой формальностью. Азато годами делал что хотел, а члены правления только послушно кивали. Да

разве осмелился бы хоть кто-нибудь сказать, нет, мол, приятель, на такую муть денег жалко! Правда, фильмы Азато долгие годы приносили должную прибыль.

— Ну, а теперь? Нашелся смелый человек, который не побоялся сказать «нет»?

— Никакой тут смелости особой не требовалось. — Маццони одарил его хищной улыбкой. — И вообще я не робкого десятка.

Куяма вовремя подавил удивленное восклицание и учтивейшим тоном, который парадоксальным образом напоминал стиль Дэмуры, продолжил:

— Позволено будет поинтересоваться, что именно послужило причиной этого дворцового переворота?

— То, что добрый старый Азато стал заигранной пластинкой. У нас в Штатах звезда его закатилась. Еще год-другой, и он займет место лишь в кинотеатрах повторного фильма. Я высказался за то, чтобы он сошел со сцены в расцвете славы. Пусть живет как магараджа, пусть огребает денежки, но не скачет по экрану. Другой бы на его месте только обрадовался.

— Но Азато не обрадовался.

— Вы же наверняка слышали, что произошло. Азато обвинил меня в том, будто я выступаю против него из-за Линды, и заявил, что скорее умрет, чем откажется от съемок.

— Что было после?

— Никто не сказал ему: умри, туда тебе, мол, и дорога, — если вы это имеете в виду. Мы поставили вопрос на голосование. И КМК прокатила его, хотя остальные члены правления не имели никакого отношения к Линде.

— Это делает понятным, отчего финансировал съемки он сам. Однако не проясняет стремления Азато самому выступать и за сценариста, и за режиссера. Ведь не ради экономии это затеяно!

Маццони сделал знак снова наполнить бокалы. Похоже было, что разговор начинает ему надоедать. Но он все же

ответил.

— Какое там сэкономить! Он получил колоссальный заем от одного безумца, так что мог бы оплатить все виды работ. Но этот великий умник решил доказать свою правоту. Он жил в вымышленном мире и воображал, что и в жизни все происходит так, как в его фильмах. Сколотил состояние, приобрел настолько громкое имя, что, умело продав права, мог бы удвоить капитал. Так нет же тебе, этот олух решил, что он еще способен удивить мир!

— И он был способен?

— Да что вы? Видите ли, я уже двадцать лет варюсь в этой кухне и провал чую за версту. От этого фильма прямо-таки разило провалом.

— Значит, вы и мысли не допускали, что Азато соберется с силами и сделает по-настоящему хороший фильм?

Маццони сделал раздраженный жест, расплескал дорогой коньяк, но даже не заметил этого.

— Вы по-прежнему не улавливаете сути! Никого не интересовало, какой фильм сделает Азато. Его имя отслужило свой срок, и компании было необходимо подыскать новую звезду. Это бизнес, приятель, бизнес, не имеющий ничего общего с искусством.

— Вы хотите сказать, что Азато не интересовала прибыль?

— Конечно, нет. Азато рассчитывал, что, как и герой его фильмов, он, этаким борец-одиночка, хорошенько проучит КМК. И видимо, забыл, что от этой выступившей против него монополии он получал прибыли больше, чем любой из нас.

— Выходит, что для компании теперь все оборачивается к лучшему. Фильм будет доснят и прибыль принесет колоссальную...

Куяма произнес эти слова с приветливейшей улыбкой.

Маццони почти радушным тоном проговорил:

— Ошибаетесь, старина. Компания в фильме финансового участия не принимает, а стало быть, не

заработает на нем ни гроша.

Куяма решил, что если уж он так далеко зашел, то нет смысла останавливаться. Пусть этот «жених» не принимает его за круглого дурака.

— Зато вдова Азато, то есть ваша невеста, полагаю, в накладе не останется.

— Ах, вы так полагаете?.. — В этот момент Маццони совсем не походил на любезного хозяина дома, каким был в начале беседы. — Еще бы, ведь вам нужен козел отпущения! Ну, так вы его не там ищите. У Линды и без того денег хватает. А если уж вам непременно хочется раскопать что-нибудь пикантное, займитесь тем человеком, который финансировал фильм и теперь получает все права на его завершение.

— Может быть, вы даже знаете, кто этот человек?

— Отчего же не знать? Это секрет полишинеля, все киношники только об этом и говорят. Оператор Ямамото.

* * *

Дэмура осторожно пробрался в безмолвную квартиру. Включил на кухне свет и отыскал ужин. Разогреть его было неохота, он проглотил немного холодного риса, запил чаем и встал из-за стола почти в хорошем настроении. Возможно, под впечатлением истории с Азато он погасил лампу, мимоходом ткнув в выключатель кончиком пальца так, что тот чуть не треснул. Дэмура инстинктивно продолжил эту комбинацию, развернулся, левой рукой прикрыл корпус от воображаемого удара, правая рука тем временем, описав дугу, сбоку рубанула ребром ладони по шее «противника». Одновременно дернулась в резком ударе и нога, а Дэмура вновь круто повернулся. Канку дай... давно же он не проделывал эту «ката»! На тренировки времени совсем не остается. Затем и эта мысль вылетела из головы, движения его убыстрились, и вот настал черед удара ногой в сторону в сочетании с одновременным ударом кулаком назад. Удар ногой пришелся по кухонному шкафу, кулачный удар отбросил падающее фарфоровое блюдо к двери, и от звона бьющегося

стекла, казалось, даже кровь застыла в жилах у сыщика. Почти в тот же миг в спальне вспыхнул свет, и на пороге появилась жена Дэмуры. Несколько секунд она укоризненно смотрела на разгром в кухне, а затем, ни слова не говоря, принялась наводить порядок.

* * *

— Значит, по-твоему, с последним фильмом дело нечисто?.. Гм... интересно.

— Да, Кадзэ-сан, — с жаром подтвердил Куяма, благодарный за то, что Шеф подал ему идею вести расследование именно в этом направлении. Но теперь он и сам склонился к той же версии. Будь его воля, он бы наведася к Таякаме, чтобы как следует расспросить обо всех тонкостях. Не то чтобы Эноёда допустил какой-то промах, но ведь совсем другое дело, когда вопросы ставит человек, который точно знает, в какую бить точку, и который к тому же имел пятерку по психологии.

— Но надеюсь, ты разрабатываешь и другие версии. — Куяма успел просмотреть утренние газеты, откуда узнал, что обстоятельства смерти знаменитого актера Азато выясняет сам господин Кадзэ, начальник отдела расследования убийств. Молодой человек испытал легкое разочарование. Конечно, он вовсе не рассчитывал увидеть на страницах газет свое имя, и все же ему не удалось удержаться от гримасы досады. Отец тут же, за завтраком, хорошенько отчитал его. Аргументы были все те же привычно старомодные: ему, Куяме, следовало бы поблагодарить старшего коллегу за доверие. И самое скверное, что Куяма был вынужден признать справедливость отцовских упреков. Стоит обнародовать, что розыск убийцы поручен начинающему инспектору — и разразится скандал на всю страну. Предоставив в качестве вывески свое имя, Шеф крупно рисковал. Если он, Куяма, не размотает дело, то в глазах общественности это будет провалом Шефа, причем провалом непоправимым. Но пока все шло гладко. Куяма доложил, что подозревает закулисные махинации под вывеской КМК.

Доложил, что Ямамото из человека состоятельного превратился в баснословного богача, хотя этот факт, конечно, нуждается в дополнительной проверке; доложил, что финансовый эксперт Таякама знает гораздо больше того, что рассказал следствию. Добавил даже, что сегодня, прямо сейчас, хотел бы допросить его. Куяма надеялся, что после этого Шеф сразу же его отпустит. Не тут-то было! Впрочем, этого и следовало ожидать. Две газеты закончили свой отчет о пресс-конференции в том духе, что усилия отдела представляются перспективными, но стоило бы направить их и в другую сторону. По поводу того, где ее искать, эту «другую сторону», журналисты никакой идейки не подбросили; правда, это и не входит в их обязанности.

Куяма лихорадочно размышлял. Необходимо что-то придумать сейчас, поскорее, пока Шеф не высказал свои соображения. Ну хоть что-нибудь...

— Мы установим, что делал Азато в последний день, вернее, в последние дни.

— Реконструируете последнюю неделю жизни жертвы? — Шеф с довольным видом кивал головой и улыбался так, словно выжал из Куямы долгожданное признание. Затем, верный своей привычке, закончил разговор наставлением: — Неплохая мысль. Но рекомендую не ограничиваться одной неделей. Восстанови всю картину последних десяти дней жизни.

* * *

Пожалуй, за все сорок лет службы Дэмура никогда не было на работе так тошно, как сегодня. Изволь сидеть в участке, словно на привязи, зная, что Куяма тем временем ведет расследование! Вчера в полдень Дэмура отпросился на два часа, чтобы посмотреть киноленту, а вместо этого не вернулся вообще. Второй раз подряд такое самоуправство не сойдет, тут даже безупречное прошлое не поможет. У Эноёды хватило ума утром сообщить по телефону, что он болен, и взять отпуск. И ведь не постеснялся, мерзавец, ввернуть, что Дэмура, мол, наверняка охотно заменит его. А у Дэмуры не

оставалось выбора, он сидел за столом как пришитый, делая вид, будто корпит над текущими делами.

Дэмура набрал номер и через несколько секунд услышал голос Сираи — редактора газеты «Сэнсэй» и тренера университетского клуба.

— Добрый день, господин Сираи, говорит инспектор Дэмура.

— Добрый день! — В голосе редактора звучало удивление.

— Не могли бы вы сказать мне по телефону, каковы результаты ваших поисков?

— Что ж, если по-другому никак не получается... Я составил список, включив в него всех победителей состязаний по каратэ за последние двадцать лет, а также тех, кто создал новую школу, тех мастеров, кто из-за драк или других тяжких проступков был дисквалифицирован, тех, кто прославился, снимаясь в кино, и так далее.

— Сколько человек у вас в списке?

— Сначала их было сто. Затем я еще раз прошелся по списку и сократил его до двадцати человек. Вычеркнул, к примеру, таких, кто, будучи неплохим каратистом, все же, на мой взгляд, не дотягивает до высшего уровня. Убрал тех, кто вроде Ямагути в свое время великолепно дрался, но теперь очень стар и способен разве что обучать других. И под конец вычеркнул крупнейших мастеров, пользующихся всеобщим уважением и мировой известностью. Думаю, вы со мной согласитесь, что таких людей, как Ояма или Канадзава невозможно заподозрить в чем-либо предосудительном. Из числа тех, у кого имеются судимости, я отмел всех, чья техника годится лишь для уличных драк или подлых расправ по найму какой-нибудь банды. Тот, кто победил Азато, был незаурядной личностью. Но я не решаюсь утверждать, что убийца наверняка входит в эти два десятка. Существует бог весть сколько искусных мастеров, о которых я даже и не слышал. Откуда мне знать, кто проходит подготовку в полиции, в Оборонном ведомстве или какое число наемников состоит на службе у гангстерских банд? Причем многие обучаются

каратэ даже не в спортивных клубах, а дома, где любящие папаши готовят их к преступному поприщу!

— Вы правы. — Дэмуре тоже пришла эта мысль, и он ей вовсе не обрадовался. Если это действительно так, то и у него немного шансов напасть на след убийцы.

— Сколько их, мастеров, которых я не знаю!.. — укоризненным тоном продолжал Сираи. — Вот ведь и вы, должно быть, из их числа, коль скоро являетесь экспертом полиции, а я даже имени вашего никогда не слыхал.

— Не случайно. Я никогда не участвовал в состязаниях.

— Это я сразу понял, когда вы были в цветущем возрасте, соревнования по каратэ еще не вошли в моду.

— Верно. Однако мой додзё и сейчас уклоняется от участия в состязаниях.

— Неужели «Сосны и волны»? — Так приятно было услышать в голосе Сираи искреннее почтение. Возможно, на них смотрят как на чудаков, возомнивших, будто они могут остановить время, и все же относятся к ним с уважением. Дэмура чувствовал, что это максимум, к какому может стремиться каратист или додзё.

— Разрешите привезти вам список, Дэмура-сан. Если не дождетесь меня, я оставлю его у вас на столе.

Дэмура знал, что эта предупредительность адресована не ему, Дэмуре, и не полиции, а той школе, которая его воспитала и выучила, и принципам, которым он хранил верность. Он не противился, радуясь, что главный редактор «Сэнсэя» желает оказать любезность мастеру старой выучки.

* * *

Кто бы мог подумать! На улочке, где два дня назад убили Азато и где было не протолкнуться от полицейских, сейчас в полную силу трудилась съемочная группа. Фигуры суетливых, хлопочущих людей при резком свете юпитеров казались нереальными. Самоуверенные, шикарно разодетые

киношники бросали на сыщика пренебрежительные взгляды. Интересно, за кого они его принимают? Куяма полагал, что ему не составит труда найти директора Таякаму, когда в ответ на его телефонный звонок было сказано, что тот выехал в Синдзюку. Инспектор настроился на приятную беседу в каком-нибудь уютном фургончике, а вместо этого попал в сущий бедлам. Двое подсобных рабочих, тащивших какой-то осветительный прибор, чуть не сбили его с ног, отскочив в сторону, он запутался в проводах; давно он не чувствовал себя таким беспомощным и неловким. Таякамы, конечно же, не было в отведенном ему фургончике, хотя каждый, у кого Куяма спрашивался, отсылал инспектора именно туда. Куяма томился в бездействии и наблюдал за съемками в надежде, что директор рано или поздно объявится. Приглядевшись к обстановке, сыщик понял, что не напрасно приехал сюда. Если до сих пор у него и оставались некоторые сомнения, то теперь они рассеялись: здесь можно проторчать хоть целый день — тебя никто не заметит. Очевидно, убийцам тоже не составило труда разведать обстановку, смешавшись с толпой зевак.

И вдруг кровь застыла у него в жилах. За оградой мелькнули двое в масках и выжидательно затаились. По тротуару, приближаясь к засаде, шел молодой человек — невысокого роста, полноватый, с приятным, улыбчивым лицом. Куяма понимал, что это всего лишь игра, и тем не менее с трудом удержался от предостерегающего оклика. Видимо, такое ощущение возникло не только у него. Голос, усиленный динамиком, дал команду «стоп»; улыбчивый толстяк остановился, а бандиты, потягиваясь, выпрямились во весь рост.

— Опять ты прогуливаешься с блаженным видом, лопух несчастный! — сердито взревел голос откуда-то сверху.

Куяма вскинул голову и увидел на вершине дерева репродуктор, выкрашенный в красный цвет. Однако взгляд артиста был устремлен не на дерево, а на один из фургончиков, возле которого стояла небольшая группа людей. Один из мужчин ожесточенно размахивал руками, а громкоговоритель разносил на всю площадку его слова, не предназначенные для чужих ушей.

— Вышагиваешь, словно фонарщик на священной церемонии, от веселья тебя прямо-таки распирает. Ты же должен показать, что боишься, что ожидаешь какого-то подвоха. А если в тебе нет ни тени настороженности, то откуда ей взяться у зрителя, черт бы тебя побрал!

Толстячок по-прежнему улыбался. Подбоченясь, он внимательно огляделся по сторонам, наконец его взгляд наткнулся на красный репродуктор. Несколько мгновений он молча изучал его, затем издал странный резкий вскрик и рванулся вперед. В одно мгновение он преодолел несколько метров до дерева; взбежал по стволу вверх, пнул репродуктор и, проделав сальто, приземлился стоя. Сбитый репродуктор отлетел далеко в сторону. Это прямое попадание на высоте более трех метров не так потрясло Куяму, как последующее поведение молодого человека: он даже не запыхался и голос его звучал абсолютно спокойно, когда он проговорил;

— Если я причинил ущерб, прошу удержать из моего гонорара!

Теперь и Куяма решил проявить твердость. Он ухватил за плечо ближайшего к нему участника съемочной группы и, сунув удивленному мужчине под нос удостоверение, заявил, что если в течение пяти минут ему не отыщут Таякаму, он вообще запретит съемки. Таякама появился через минуту. Это был толстый неряшливый человек; костюм заляпан жирными пятнами, рубашка вылезла из брюк, галстук завязан кое-как. Если во всем этом и была поза, то в завершенности ей не откажешь: Таякама резко выделялся на фоне разодетых модников.

— Чего вам от меня нужно? — директор с неприязнью смотрел на сыщика. — Я уже все рассказал вашему коллеге, сообщил даже то, чего не знаю...

— Угу... Где бы мы могли поговорить без помех?

Таякама безнадежно махнул рукой и молча проследовал к своему фургончику. Но когда они очутились внутри, высказал все.

— Я ведь тоже грамотный, газеты читаю, так что точка зрения вашего начальства мне известна. Преступника, видите

ли, надо искать среди людей, имеющих отношение к фильму. Дурак догадается, что скоро сюда нагрянет полиция.

У Куямы было одно несомненное достоинство, которое признал бы даже Дэмура, если бы присутствовал при этой сцене: терпение. Он улыбнулся в ответ, словно Таякама порадовал его приятной новостью.

— Ну, так что вы хотите от меня услышать? — Таякама плюхнулся на стул и уставился на полицейского с видом человека, которому каждая минута дорога. Что, кстати, было правдой.

— В чей карман пойдет прибыль?

— Откуда мне знать? Наследнику, наверное.

— А как быть с кредитором?

— Кредитору следует вернуть долг, и дело с концом. Все остальные деньги идут наследнику, если, конечно, кредитор не выговорил у Азато право на участие в прибыли.

— Кто этот человек?

— Понятия не имею.

Куяма готов был поклясться, что директор картины лжет. Немыслимо предположить, будто он не знал, что капиталы отстегивает Ямамото. Ну да ладно.

— Кто дал указание продолжить съемку?

— Я дал, а кто же еще!

— Почему? Или вы тоже лицо заинтересованное?

Видно было, как Таякама сдерживается, чтобы не вспылить.

— Да будет вам известно, что в этом состоит вся моя работа! Я обязан наладить бесперебойный ход съемок, даже если произойдет землетрясение, разразится война, или к примеру, если два психа прикончат главного героя. Понятно? И я выполняю свои обязанности, конечно если меня не отвлекают всякой чепухой!

— Кто дописал сценарий? Харрис?

— О нет! Он годится, если нужен совершенно новый текст. А здесь уже была основа — обычная дребедень, сказочка про славного парня, который в одиночку выступил против целой банды гангстеров, — оставалось лишь довести ее до конца. Бандиты убивают парня, и друг мстит за его смерть.

— Но ведь похожий сюжет и в «Последней схватке»...

— Сюжет примерно одинаков еще в сотне фильмов, которые я снимал. Думаете, в этом жанре возможно большое разнообразие?

— Как же кончался фильм по первоначальному замыслу?

— Представления не имею! Я уже говорил вашему коллеге, что Азато приносил сценарий по частям. Когда его убили, он дошел, мне кажется, только до середины, так что теперь можно дописать как угодно.

— Не могли бы вы мне дать сценарий Азато? — Куяма и сам не знал, как у него вырвалась эта просьба. Никакой особой ценности рукопись не представляла. Но когда он увидел, что Таякама не хочет с ней расставаться и пытается его отговорить, сыщик решил настоять на своем. Под конец пригрозил даже изъятием при обыске и намерен был свою угрозу осуществить. Это подействовало. Таякама достал из шкафа пухлую пачку листов и в сердцах швырнул на стол.

— Вот вам сценарий, получили, что хотели! А теперь, надеюсь, я смогу заняться работой!

* * *

Эноёда все утро провел в беготне. Где только он не побывал: дома у Азато — беседовал с вдовой, со слугою и соседями — после этого у автомеханика и в увеселительных заведениях, в конторах и на квартире у начинающих актрис. Он не предполагал, что задача окажется такой легкой. Азато был слишком известной личностью, его присутствие вызывало сенсацию всюду, где он появлялся. Люди пользовались случаем, чтобы дома похвастаться перед

женой: «Представь себе, сегодня встретил Джонни Азато. В жизни он гораздо ниже ростом, чем кажется на экране». Или жены сплетничали мужьям: «Представь себе, я видела в ресторане Джонни Азато, знаменитого актера! Он был с какой-то размалеванной бабенкой. Никогда бы не подумала, что он способен опуститься до таких... И машина у него была приметная, европейской марки — „порше“». Эноёда знал лишь, что машина эта стоит больших денег.

Он купил в магазине по дороге блокнот с почасовым расписанием, каким пользовался в школе его сынишка, и стал записывать, где и когда был актер на прошлой неделе. В полдень, зайдя в харчевню на обед, Эноёда извлек из кармана блокнот и окинул его горделивым взглядом. Если дальше так пойдет, то вскоре все почасовые графы окажутся заполнены. Знать бы, что эти данные действительно необходимы, он бы вручил их не Куяме, а самому Шефу. Он отогнал от себя эту недостойную мысль еще быстрее, чем только что заталкивал в рот еду.

* * *

Дэмура набрал номер Фукиды, и, когда в течение минуты никто не снял трубку на другом конце провода, им овладело неприятное чувство, будто удача покинула его. Однако ему не хотелось так легко сдаваться. Он позвонил вдове Азато. В голосе женщины звучали в этот раз не волнующие, чувственные нотки, а искренняя тревога и даже страх.

— Какое счастье, что вы позвонили! Ради бога помогите!

— Что случилось? Пожалуйста, объясните толком!

Линда говорила быстро, с таким умопомрачительным акцентом, что оставалось удивляться, как Дэмура вообще что-то понял.

— Джек был у меня и забрал Фукиду... Сделайте что-нибудь, пока не поздно!

— Что значит «забрал»? Фукида не узел с барахлом, а здоровый, сильный мужчина!

— Господи, неужели вы до сих пор не поняли? Джек способен на все. Фукида зашел ко мне и стал уговаривать, чтобы я не выходила замуж за Джека. Сказал, что он сам на мне женится, даст мне все, что душа пожелает. Представляете, до чего трогательно?

— И что же?

— Я посмеялась. Но потом мне сделалось его жаль, и я решила его слегка утешить.

— Ага, начинаю понимать суть дела! И тут неожиданно нагрянул ваш жених.

— Да не один, а с тремя «гориллами».

— Ничего страшного! — Дэмура был уверен, что даже три драчуна — не угроза для такого мастера, как Фукида. — Не стоит волноваться. Фукида сумеет за себя постоять.

— Но вы не знаете, каких телохранителей подобрал Джек! Думаете, я ничего не смыслю в каратэ? Я несколько лет прожила бок о бок с Джонни Азато, наблюдала за его тренировками, за репетициями перед каждым очередным фильмом, видела, как они упражнялись с Фукидой.

— Я верю вам. Конечно же, вы разбираетесь...

— О'кей. Тогда поверьте, что я в состоянии оценить, чего стоят эти три молодчика. Все они опытные мастера, а один так просто экстра-класс. Но это еще полбеды.

— Тогда в чем же беда? — Дэмура занервничал.

— Джек угрожал Фукиде пистолетом. — Голос женщины звучал все слабей, и последние слова она выговорила чуть слышно. Но все же выговорила. А ведь ей нелегко было решиться на такой шаг: выдать человека, с которым она собирается строить совместную жизнь. Человека, который, по ее мнению, способен на все.

— Куда они направились? — Теперь уже и Дэмура был взволнован, хотя внешне это никак не проявлялось. Взгляни на него кто-нибудь из скучающих дежурных по участку, он не заметил бы в Дэмуре никакой перемены. Невысокий щуплый

старик с реденькими седеющими волосами и отрешенно задумчивым лицом.

— Не знаю. Джек сказал только, что они научат его приличиям.

— Ладно! Я позвоню, как только мне удастся что-нибудь разузнать. — Дэмура бросил трубку и выскочил из-за стола. Маццони скорее всего собирается просто поколотить Фукиду, так сказать, вернуть долг. Если бы в его намерения входило убийство, Джек Маццони был бы далеко отсюда, скажем, улетел бы к себе в Америку, пока здесь по его приказанию провернули бы это дельце. Но мысль эта не успокоила Дэмуру. Фукида не из тех, кто послушно даст себя поколотить. Конечно же, он воспротивится, и если ему удастся совладать с «гориллами», разделает Маццони под орех. Правда, тот может пустить в ход оружие и застрелить Фукиду в порядке самозащиты. Свидетели в его пользу найдутся — целых три. Дэмура выбежал из здания, увлекая за собой шофера, и на ходу назвал ему адрес Маццони. Если у американца есть хоть капля ума, он увезет Фукиду к себе. Тогда речь пойдет не только о самообороне, но и о защите жилища. Большинство американцев свято убеждено, что в своем доме они имеют право пристрелить любого, кто вошел без разрешения. А как доказать, что Фукида очутился в доме Маццони по воле хозяина? Даже если Линда решится свидетельствовать против жениха, все равно легко можно отговориться. Да, они увезли Фукиду, но совсем недалеко, а там отвесили ему пару оплеух и выставили из машины вон. Им и в голову не приходило, что тот вздумает мстить и ворвется в дом Маццони. Должно быть, так и поступит американец, если у него есть хоть капля ума и если он действительно способен на убийство. А почему, собственно, отказывать ему в уме? Близкий человек — его невеста — считает, что Маццони способен на все.

Фукида нервничал. Ладони его противно вспотели. Ему еще никогда не доводилось стоять под дулом пистолета. Конечно, в фильмах это случалось сплошь и рядом. Но жизнь — сейчас он остро почувствовал это — совсем не похожа на кино. Мысль, что вооруженному человеку достаточно шевельнуть пальцем, чтобы оборвалась его жизнь,

парализовала Фукиду. Но каждой клеточкой существа он осознавал, что не позволит избить себя. Впрочем, пусть даже на сей раз он уйдет побитым, зато при случае оплатит гангстерам с лихвою. Хотя он понимал, что это самообман. Если позволить побить себя, у него уже никогда не хватит смелости в открытую схватиться с Маццони. Подобная порода бандитов только потому и существует, что их боятся. Люди видят их жестокость, понимают, что жизнь человеческую они не ставят ни в грош — чем не причина для страха? Фукида знал, что по-настоящему страшен именно этот вид жестокости, а не тот, что бедняга Джонни, да и он сам годами развивали в себе. Они обращали жестокость на самих себя. Приучали свое тело выдерживать кошмарные тренировки, более длительные и суровые, чем у обычных мастеров каратэ. Приучались побеждать свой страх и вступать в единоборство с любым противником, даже зная наперед, что тот обладает лучшими физическими данными или техникой. Конечно, для этого тоже нужны и самообладание и сила. Они могут дать отпор разнузданным уличным хулиганам, они способны даже убить противника в открытой схватке. Но хладнокровно приказать своим подручным, чтобы те пытали и убивали людей, — такое занятие не для них с Джонни. Зато вполне в характере Маццони.

Фукида помнил свой страх, когда Маццони впервые пригрозил ему расправой. Американец держался самоуверенно, его ничуть не смущало, что перед ним прославленный мастер каратэ. Уверенность ему придавала собственная страшная слава и обеспеченный тыл — связи с мафией. Ведь это лишь в кинофильмах преступные кланы разделяются со своими противниками голыми руками; в жизни, когда возникает такая ситуация, человека попросту прошивают пулями — и дело с концом. Или подкладывают бомбу в автомобиль, а в крайнем случае прибегают к яду. Все эти способы были Фукиде не по нутру. Затем он вспомнил о своем решении и отменил прочь все неприятные мысли. Представил себе, как рассветное солнце встает над морем, и вспомнил ту тренировку, когда они стояли друг против друга, увязая по колено во влажном песке. Он, Фукида, нанес единственный удар, и этого было достаточно. Точно так же он поступит сейчас, лишь тщательнее выверит момент атаки.

Если же ему не повезет, если движение его запоздает или окажется неточным... что же, тогда он умрет с этим воспоминанием в душе: восходящее солнце, берег моря и та незабываемая тренировка с Джонни, когда они еще были друзьями...

Телохранители взяли его в кольцо, американец держался от него метрах в трех, и Фукида догадался, как все должно произойти. «Гориллы» накинутся на него, схватят, вывернут ему руки, чтобы Маццони мог отложить оружие и спокойно приблизиться вплотную. Еще бы, ведь американец желает бить его своими руками! Фукида попытался оценить боевые качества телохранителей. Откуда их набрал Маццони? Должно быть, из каких-нибудь гангстерских семей, где мальчиков с самого детства обучают драке руками и ногами, как в давние времена обучали самурайских отпрысков. Необходимо трезво оценивать противника, но не для того, чтобы его бояться, а чтобы взвесить свои шансы и избрать единственно правильную тактику.

«Гориллы» действовали лучше, чем он ожидал. Двое схватили его за руки и зажали в замок, третий упер ребро ступни в подколенный сгиб, одной рукой схватил Фукиду за волосы и резко запрокинул ему голову назад, а косточками пальцев с силой надавил на шею, повыше позвоночника.

Фукида наметил план: для видимости поддаться, пусть они скрутят ему руки, он выждет, пока Маццони подойдет поближе, и тогда проведет прием. С любителями этот номер прошел бы, но ведь это не любители, а профессионалы. Фукида издал мощный крик и напряг все мускулы тела. Сжимающие его тиски ослабили только на мгновение, и вся троица тотчас же снова навалилась на него. Но даже этого короткого мгновения Фукиде оказалось достаточно, чтобы ударом ноги вбок отбить руки одного из бандитов. Он хотел было повернуться, когда тот, что стоял сзади, коленом нанес ему удар в позвоночник и со страшной силой рванул его голову назад. Затем вновь упер ногу в коленный сгиб, куда жестче, чем прежде. Фукида распластался на полу, корчась от боли. Но зато теперь он по крайней мере знал, кого надо первым выводить из игры, если представится шанс. Кроме

него, здесь есть еще один мастер выше среднего: тот тип с хитрой физиономией, пристроившийся сзади.

Впрочем, все выглядело так, что шанса на борьбу ему не представится. Бандиты ногами встали ему на руки и на ноги, а третий надавил на горло ребром ступни. Маццони, настороженно выжидавший, когда его подручные обезвредят Фукиду, теперь двинулся к нему. Он подошел к распростертой жертве почти вплотную, и у Фукиды перед глазами уже плясали красные круга, когда где-то в отдалении раздался негромкий голос хорошо воспитанного человека:

— Добрый день, господа. Надеюсь, я вам не помешал?

На пороге стоял Дэмура — старенький, хрупкий, смущенно улыбающийся. Маццони вмиг развернулся на сто восемьдесят градусов — пистолет снова был у него в руке, — и холодно воззрился на нежданно вторгшегося незнакомца.

— Кто вы, черт побери, и что вам здесь нужно?

— Полиция, — произнес Дэмура, и спокойным, но все же быстрым шагом приблизился к американцу.

— Стой! — взревел Маццони, однако было уже поздно. Не успел он договорить, как Дэмура ударил его по руке. Раздался истошный крик боли, и двое телохранителей бросились на помощь шефу. Фукида понял, что настал момент действовать. Он напряг мускулы шеи. Когда-то во время публичных выступлений ассистента гнули железные прутья о его шею. Сейчас этот аттракцион пришелся весьма кстати. Ребром левой ладони он рубанул по ноге, придавившей его горло, надеясь, что ему удастся попасть в болевую точку с тыльной стороны под икрой и что внимание бандита в этот миг будет отвлечено. Иначе тот со всей силой надавит ребром стопы ему на горло и тогда уж как ни напрягай мускулы... Фукиде повезло. Давившая на горло нога отлетела прочь, а сам Фукида в тот же миг перевернулся, стараясь откатиться подальше. Благодаря опыту многолетних упражнений он мгновенно вскочил на ноги, приняв защитную позицию. И в самый раз. Бандит с хитрой рожей, высоко вздернув колено, летел на Фукиду, по видимости, целя ему в голову, но в последний момент согнулся вдвое, избегая

встречного удара, и нацелился в пах. Фукиде был знаком этот прием, поэтому он присел, сместив центр тяжести вниз и, приняв кошачью стойку, парировал удар упругой защитой. Противник отступил, и Фукида наконец-то получил секундную передышку. Краем глаза он покосился на Дэмуру. Старик сидел в кресле и с искренним любопытством следил за их поединком. Два других телохранителя в глубоком обмороке валялись на полу. Маццони натужно пытался встать на ноги, его правая рука, неестественно согнутая, висела вдоль тела.

Фукида увидел, что бандит с хитрой рожей тоже косится вбок, но когда спохватился, было уже поздно. Противник смекнул, что с той стороны опасность пока что не угрожает, и вновь сосредоточился на Фукиде. Оба осторожно кружили, делали ложные выпады, не решаясь идти на прием, поскольку каждый из них слишком быстро и точно парировал выпады другого. Фукида скользящим шагом приближался к противнику. Он всегда предпочитал бой на короткой дистанции, когда идут в ход колени и локти. Хитромордый принял предложенный способ борьбы и тоже пошел на сближение. Оба переместили центр тяжести назад, и в тот момент, когда бандит готовился провести прием, нога Фукиды рванулась вперед, нацеленная как бы для прямого удара, ступня описала дугу и плотно припечатала лицо противника. Окажись этот удар чуть более точным, единоборство на этом было бы закончено. Теперь же Фукида использовал расслабленное положение бедра и, плавно продолжив обманное движение, пронес поднятую ногу над головой пошатнувшегося противника и резко отдернул ее. На сей раз удар пяткой был нанесен в болевую точку за ухом. Для финала этого было бы достаточно, однако комбинация состояла из тройного удара ногой, действия Фукиды направлял автоматизм, отработанный за годы тренировок. Лицо бандита залила кровь, когда и третий удар — корпус прямо, нога разит сбоку — достиг своей цели. Телохранитель рухнул на пол.

— Что здесь происходит? Немедленно вызываю полицию! — По лицу Маццони было видно, что американец никак не может решить, хвататься ему за телефон, или за

лежащий на полу пистолет. А может, лучше вообще не двигаться?

— Я к вашим услугам: полицейский инспектор Дэмура. Так что вам самому придется объяснить, что здесь происходит.

— Этот субъект совершил на меня нападение в моем собственном доме... Я всего лишь пытался обезвредить его... — моментально нашелся американец. — Предъявите удостоверение!

Дэмура сунул ему под нос полицейское удостоверение.

— Значит, вы пытались обезвредить его. Ну, а ваши приятели?

Однако при виде документа Маццони вновь почувствовал под ногами твердую почву.

— А вы по какому праву ворвались в мой дом? Сию же минуту вызываю своего адвоката! Вы еще оплатите за свое самоуправство. По-моему, вы сломали мне руку.

— По-моему, тоже, — согласно кивнул Дэмура. — Я, знаете ли, терпеть не могу, когда на меня наставляют револьвер. Такое со мной случается слишком часто.

Маццони подошел к телефону и принялся энергично набирать номер. Дэмура поднялся с места.

— Говорят, страшно неудобно, когда у человека перебиты обе руки. Даже задницу не подотрешь.

— Грозить вы можете, но выполнить свою угрозу у вас кишка тонка, — Маццони явно колебался. — Стоит мне кому следует порассказать о ваших делишках, и вы вылетите из полиции как миленький.

— Ваше право. Поступайте как вам будет угодно. — Дэмура двинулся к американцу. Движение было быстрым, однако Фукида опытным глазом определил, что Дэмура вложил в него отнюдь не всю стремительность, на какую был способен. Маццони, конечно, не ощутил разницы. Вскрикнув, он выронил телефонный аппарат и отскочил назад. Присев на

корточки, он схватился за револьвер. Держа оружие в левой руке, он нацелился на Дэмуру.

— Ах ты, гнусная ищейка! Сделай хоть шаг, и я тебя изрешечу!

— Оригинальная, однако, ситуация, — насмешливо протянул Дэмура, но все же замер на месте. — Допустим, вы застрелите меня, застрелите господина Фукиду, а там, глядишь, и полицейского, что стоит у входа в дом... Хотя, возможно, он услышит выстрелы в доме, а он ведь, знаете ли, тоже вооружен. Правда, возможен и такой вариант: вам не удастся достаточно быстро нажать на курок, и тогда я сломаю вам и другую руку...

Маццони попятился, а Дэмура повернул голову к двери, словно собираясь позвать своего напарника. Маццони слегка покосился на дверь, не выпуская инспектора из поля зрения, а Фукида, про которого американец на мгновение забыл, ногой выбил у него оружие. Дэмура рванулся теперь уже со всей своей стремительностью и молниеносно отбил руку Фукиды, готовую кувалдой обрушиться на голову американца.

— Хватит! В конце концов мы живем в цивилизованном обществе. Пойдемте, мистер, отвезу вас в больницу. А вы останьтесь тут и побеседуйте с этой бравой троицей. Узнайте у них, кто сейчас считается лучшим профессиональным телохранителем, предпочитающим обходиться голыми руками, и лучшим бойцом.

— А если они не пожелают отвечать?

Дэмура улыбнулся:

— Ведь это вашего друга отправили на тот свет...

* * *

Куяме с трудом удавалось скрывать свое раздражение. Дело пошло бы куда легче, если бы удалось связаться с этим треклятым Эноёдой. У Куямы не было ни малейшей охоты выяснять самому, чем занимался Азато в последние десять дней жизни. Такая работа отнимет не один день, а ему

необходимо гораздо раньше представить Шефу какой-нибудь результат. Найти если не убийцу, то по крайней мере какой-то след, мотив, объяснение. Куяма сознавал, что не совсем годится для такой работы. Мысль эта была ему неприятна тем, что заставляла признать: доведись ему начинать свое поприще с патрулирования улиц или дежурства в окружном участке, по всей вероятности, он там бы и застрял до конца дней. Разумеется, это еще ни о чем не говорит. У него способности совсем другого рода, не связанные с беготней по городу и собиранием фактов по крупицам. Дипломы с отличием в Токийском университете не раздаются за здорово живешь!

Дэмуру он тоже не застал на месте. Правда, в дежурной комнате сказали, что старый инспектор на службе, просто отлучился по вызову, однако Куяма был уверен, что тут кроется подвох. Чтобы чем-то занять себя, он вытащил сценарий и наложил на стал перед собой. Поначалу он намеревался прочесть его дома — ради развлечения перед сном, но лучше будет ознакомиться с ним сейчас. Главное, не сидеть сложа руки, будто не знаешь, за что взяться.

По сценарию Азато отведена роль знаменитого актера. Естественно, это звезда фильмов о каратистах, и в жизни тоже потрясающе порядочный парень. Скромный, всегда готовый помочь, поборник справедливости. При описании жилища героя Куяма едва не рассмеялся вслух. Куда этой скромной уютной квартирке до роскошного особняка Азато! Возможно, моделью послужила прежняя обитель актера? Этот идеализированный Азато оказывается втянутым в дела торговцев наркотиками. Конечно, и тут причиной послужило его доброе сердце. Он узнает, что одного из ассистентов режиссера собираются уволить, поскольку тот пристрастился к наркотикам. Ему становится жаль несчастного парня, он решает помочь ему. Добивается для молодого ассистента испытательного срока, берет его под свою опеку. Какое-то время все идет как надо, но затем торговцы наркотиками снова нападают на след парня и в отсутствие Азато пичкают его кокаином. И тут Азато решает положить преступному делу конец. В первую очередь он отыскивает мелкого торговца, который снабжает покупателей «белой смертью», и выбивает

из него имя шефа. Затем направляется к главарю банды. Тот уже поджидает визитера: несколько дюжих парней с дубинками и цепями пытаются «отговорить» героя продолжать частное расследование — разумеется, безуспешно, поскольку тот выходит из схватки победителем. После этого он направляется в некое злачное заведение — но слухам, место сходов торговцев наркотиками, — затевает расспросы и, конечно же, привлекает к себе внимание. Вскоре за ним начинают охотиться. Тогда, чтобы опередить недрогов, он решает отсечь голову дракона.

На этом месте рукопись обрывалась. Актер, взявший на себя роль самодетельного писателя, довел повествование до этих пор. Но почему он писал сценарий по частям? Куяма вновь почувствовал, еще сильнее, чем вчера вечером, будто он знал, что случилось, но потом это вдруг выскочило у него из памяти.

* * *

Инспектор Эноёда чувствовал, что этот день он не забудет до конца жизни. Удача! Он напал на след! С трудом верилось, но он нашел чуть ли не десяток поводов для убийства Азато, и каждого из них в отдельности оказалось бы более чем достаточно. Если так пойдет дальше, то к вечеру, пожалуй, он будет знать имя преступника и его адрес. Ну, а тогда придется хорошенько подумать, как использовать другие сведения; ведь теперь у него и в мыслях нет уступать свою славу другому. Он раскаивался, что отослал донесение Куяме. Ах, какой необдуманый поступок! Придется побегать, чтобы завершить расследование прежде, чем донесение прибудет в канцелярию центрального отдела расследования убийств. Счастье еще, что у него хватило ума не включать туда все, до чего он докопался...

В этот момент его ударили сзади. Мощный удар пришелся по теменной части черепа у швов, в самом слабом месте, и, как было установлено при вскрытии, вызвал мгновенную смерть.

Когда Дэмура вернулся в участок, на столе его дожидался список, составленный Сираи. Он содержал не просто перечень имен, но и краткие характеристики. Дэмуре было очень интересно узнать, кто, по мнению знатока, способен в открытом поединке убить «каратиста века». Таких оказалось немного — несколько мастеров, о которых был наслышан и Дэмура: победители мировых состязаний, тренеры прославленных клубов, преподаватели приемов самообороны... Кое-кто из каратистов, пошедших по кривой дорожке, наемные кулачных дел мастера, телохранители — их имена мало что говорили Дэмуре. И против каждого имени стояло краткое замечание, отбивавшее охоту к дальнейшему расследованию. Одному, по мнению Сираи, не хватало навыков борьбы, чтобы в открытую выступить против Азато. Другому, пожалуй, хватило бы уверенности в своих силах — что, впрочем, для каратиста всегда опасно, — но трудно предположить, что этот человек способен на убийство. Ни одна из предложенных кандидатур не казалась вероятной. Дэмура спрятал список в письменный стол и, приняв свою излюбленную позу — спина удобно опирается о спинку стула, руки скрещены на груди, глаза полузакрыты, — погрузился в размышления. Он знал, что ключ к разгадке содержится в списке Сираи, только бы сообразить, как к нему подобраться.

Ладно, не к спеху, все равно разгадка близка. По мере того как накапливаются сведения, все четче вырисовывается облик убийцы. Дэмура теперь был уверен, что облик этот ему знаком. Сегодня же он узнает, что удалось вытянуть Фукиде из «горилл», и если этих сведений окажется недостаточно, завтра надо будет снова наведаться к Сираи и еще раз пройти с ним по списку. Завтра он уж точно не будет целый день торчать в участке, если появится какая-то возможность схватить человека, который с таким хладнокровием выступил против Азато.

В памяти Дэмуры резко запечатлелся каждый кадр той трагической киноленты. Он знал, что никому не посмеет открыть чувства, какие охватили его тогда: смесь гордости и отвращения, а затем острое чувство стыда, когда он уловил

нотки удовлетворения в собственном голосе. «Ну, каково твое мнение?» — поинтересовался у него Шеф, и он чуть ли не с гордостью ответил: «Каратист. Работает в манере традиционной окинавской школы... и работает очень неплохо». И действительно, если пораскинуть умом, кто же еще мог прикончить Азато, как не очень хороший каратист, обученный подлинному искусству боя, а не жалкой пародии на него! Дэмуре внутренне торжествовал, что этот трагический случай доказал превосходство древних принципов смертельного поединка нагляднее, чем любая газетная статья, интервью или показательные выступления. Но сам факт убийства в то же время показал людям, что каратэ не только вид спорта, как подает его реклама, но и смертоносное оружие, тень мрачного прошлого. В этом бою справедливость была на стороне Азато, ведь убийца дрался за деньги, по сути, продав свое искусство, как продают лом или пистолет. Дэмурой вновь овладело то же чувство, что и после просмотра: даже не будь он официальным стражем порядка, он все равно должен покарать неизвестного каратиста за надругательство над древним искусством.

* * *

Бездыханное тело Эноёды валялось в подворотне. Сотни людей проходили мимо, не обращая на него внимания, а иные досадливо отворачивались: еще один пьянчужка! Затем мужчина, который жил в том доме, наклонившись, потрепал Эноёду по плечу: «Эй, приятель, долго ты намерен тут спать?..» Вызванный им полицейский лишь бросил взгляд на проломленный череп и тотчас дал знать в окружную следственную часть, а прибывший на место происшествия сыщик, изучив документы убитого, известил полицейский участок в Синдзюку. Дэмуре, не колеблясь ни минуты, позвонил в центральный отдел расследования убийств, и Куяма впервые в жизни без вызова, самочинно вторгся в кабинет к Шефу. Дело приняло слишком серьезный оборот, чтобы руководствоваться в своих поступках соображениями престижа. И Дэмуре и Куяма прекрасно понимали, что гибель Эноёды непосредственно связана с расследованием по делу

Азато. Куяма, хотя и неохотно, но все же попытался убедить в этом Шефа.

— Значит, ты утверждаешь, будто этот инспектор работал на тебя?

— Да, — ответил Куяма.

— И что же он делал?

— Не знаю.

— Ты хочешь сказать, будто поручил ему работу, а сам и понятия не имел, чем он конкретно занимался?

— Да, — признался Куяма.

Шеф продолжал бы свои расспросы до бесконечности, но к счастью, им пора было выезжать на место происшествия. Труп обнаружил водитель автобуса, возвращавшийся с работы. У Куямы зародилось подозрение. Рассеянно слушал он заключение врача о том, что череп пострадавшего проломлен, и все более утверждался в своей мысли.

— Как вы сказали, господин доктор... чем был нанесен удар?

— Затрудняюсь сказать определенно. Судя по всему, каким-то тяжелым и твердым предметом. Но что это за предмет, установит лишь лабораторный анализ.

— Руками его убили. Голыми руками, — вмешался Дэмура. До этой фразы Куяма не замечал старого сыщика, который с угрюмым видом стоял возле полицейского оцепления. Остальные сотрудники отдела, кто видел Дэмуру впервые, с удивлением воззрились на старика в потертом костюме. Куяма при виде старого инспектора неожиданно для себя испытал чувство уверенности. Кто-то пренебрежительно пожал плечами, не исключено, мол, хотя он со своей стороны считает такое предположение маловероятным. Шеф не вмешивался в пререкания. Он молча опустил на корточки и осторожно, не дотрагиваясь, осмотрел голову жертвы. Затем поднялся и утвердительно кивнул, не говоря ни слова.

— Кадзэ-сан, — поймав взгляд Шефа, Куяма тихо продолжил. — Поначалу я счел случайностью, но теперь

далеко не уверен в этом.

— В чем дело?

— Вчера на нас тоже было совершено нападение. Мы с господином Дэмурой ехали в такси...

Четверть часа спустя все трое уже сидели в кабинете Шефа. Куяма и Дэмюра, диктуя на магнитофон, изложили обстоятельства происшествия по всем протокольным формам, как это сделал бы любой свидетель или подозреваемый; затем последовала знакомая процедура составления словесного портрета и фоторобота. Нет, усов у него не было, а вот лоб вроде был ниже. Что же касается рта... но если говорить по правде, то Куяма гораздо лучше запомнил кулаки таксиста, чем его лицо. Вид этих здоровенных кулаков буквально завораживал его.

— Можно ли предположить, что это он убил Азато?

Все, кто находился в кабинете — художник, Куяма, двое старших по рангу сотрудников отдела, — чувствовали, что Шеф задал вопрос, вертевшийся на языке у каждого из них.

— Какое там! Это заурядный уличный драчун! — ответил Дэмюра к всеобщему разочарованию.

— Тогда отчего вы цацкались с ним, а не расправились сразу? Ведь вы-то истинный мастер, не так ли?

— Жизнь не игра и не спорт, здесь, нет правил, кроме единственного: один из двоих останется лежать. Так вот я предпочитаю, чтобы лежать остался другой.

Куяма не стал с ним спорить. Он вспомнил, с каким ужасом взирал на здоровяка таксиста, и попроси его в ту минуту кто-нибудь описать бандита, он убежденно сказал бы, что это самый страшный человек — если не во всем мире, то уж в Японии наверняка. А маленький, неприметный Дэмюра разрывает страшилище физиономию и заявляет, что тот всего лишь уличный драчун. Или взять, к примеру, этого знаменитого актера-каратиста или его друга Фукиду... Каждый из них начинен взрывной силой и уверен в собственной непобедимости, а затем вдруг из ниоткуда появляется мастер еще более умелый, более стремительный и жестокий. Что же

это за мир? Откуда у них берется мужество? Что придает им такую уверенность в себе? Блестящая техника, опыт? Почему каждый из них считает себя лучшим и не допускает мысли, что может столкнуться с мастером еще более подготовленным? Куяма не понимал этого и чувствовал, что никогда не поймет. Дэмура, например, ждет не дождется часа помериться силами с убийцей Азато. Куяма был далек от того, чтобы недооценивать старика. Но ведь и убийца Азато не обычный драчун, его на обычный прием не подловишь.

Шеф тем временем приказал одному из инспекторов обойти таксомоторные парки, другому — больницы и амбулатории, после чего вернулся к делу несчастного Эноёды. С молниеносной быстротой раскидал своим подчиненным десятки поручений, и в считанные минуты огромная машина расследования была запущена на полную мощность. Первой задачей было реконструировать последний день Эноёды, выяснить, где он побывал и с кем встретился, а если это не наведет на след, то заглянуть на день раньше. Одному пожилому инспектору он поручил навестись домой к погибшему, деликатно известить госпожу Эноёду о смерти мужа и тотчас же справиться, из дома ли звонил он утром в участок.

* * *

— Ну что же, проиграем все еще раз.

— Дэмура и Куяма сидели в каком-то третьеразрядном ресторанчике. Они не были голодны, а Куяма и вовсе чувствовал, что не в силах проглотить ни кусочка. Дэмура заказал подогретое сакэ и пиво. Оба инспектора молча прихлебывали слабую рисовую водку. Любой средний европеец может выпить ее сколько угодно и будет ни в одном глазу, а японец способен опьянеть от одной-двух чашек. К счастью, сакэ скоро кончилось, и Куяма с удовольствием потянулся к пиву. Он наполнил оба стакана и начал разговор.

— В преступлении может быть замешан Маццони. Негодяй отъявленный, по-моему, он самый настоящий преступник, который выступает продюсером лишь для того,

чтобы отмыть деньги. Мотив для убийства у него был, а нанять исполнителя нехитро. При нем неотлучно состоят три «гориллы» — по-моему, кошмарные типы. Легко могу себе представить, что один из них убил Азато и Эноёду.

— А я не могу.

— Почему? Вы видели их в деле?

— Конечно, — ответил Дэмура и тотчас спохватился. Откуда Куяме знать о стычке, происшедшей в доме Маццони? Но ведь и молодой инспектор, должно быть, видел немало такого, о чем он, Дэмура, даже не догадывается. Нет, так дело не пойдет. Сейчас самое время выложить другому все, что каждый из них знает, а уж потом продолжать розыск. Иначе это импровизированное соперничество заведет в тупик: они попросту упустят убийцу. Дэмура вздохнул и сделал официанту знак принести еще два пива. Затем перевел взгляд на Куяму.

— Ну ладно, начнем сначала. Что и о ком нам известно?

— Взять, к примеру, каскадеров. Они годятся разве что на роль сообщников, хотя по голове их ударили безжалостно. И по мнению доктора, они не могли сами причинить себе такие травмы.

— Доктор в таких вопросах мало смыслит. Конечно, можно допустить, что каскадеры сами нанесли себе удар, вызвавший легкое сотрясение мозга. Но им никогда не победить Азато, а уж так играючи, как это удалось убийце, — старик махнул рукой, и в этом жесте заключалось множество разных чувств: снисходительное превосходство по отношению к доктору, легкое презрение к каскадерам и искреннее уважение к изуверскому мастерству убийцы.

— Ладно, каскадеров можно оставить в стороне, — продолжил он, и Дэмура согласно кивнул. — Пройдемся по списку киношников. Главная фигура тут оператор Ямамото. Какого вы мнения о нем?

— Я? Да никакого, — удивленно ответил Дэмура. — Это скорее по вашей части.

— Основания для убийства у Ямамото, конечно, были. Он якобы ссудил Азато деньгами на съемку фильма. Если договор был заключен на условиях долевого участия в прибыли, то гибель актера выгодна Ямамото.

— Возможно... Необходимо проверить эту версию.

— Да, необходимо проверить, — эхом отозвался Куяма. — К тому же Ямамото более десяти лет снимает фильмы с участием каратистов, он знает всех каскадеров и мастеров и вполне мог подобрать такого, кто сильнее Азато.

— Верная мысль, — одобрительно кивнул Дэмура.

— Если оставаться в рамках съемочной группы, то, по-моему, следующая кандидатура — Таякама. — Со стороны Дэмуры не последовало никаких возражений, так что директор картины на время стал фигурой номер один. — Заинтересован ли он в гибели Азато, не знаю. По-моему, он тормозит расследование. — И если задаться вопросом, могли ли организовать убийство, ответ будет однозначным.

— То есть утвердительным?

— Конечно! Этот человек в силу своей профессии способен раздобыть и уладить буквально все. Он выбирает место для съемок, он подбирает статистов, он знает всех и каждого. Видели бы вы, как он гонит съемки, — а ведь минуло всего лишь несколько дней после смерти Азато! Таякама нашел человека, который дописал сценарий, подобрал паренька на главную роль вместо Азато, и тот играет, да еще как играет. Советую хоть раз взглянуть.

— Не исключено. Во мне пробудился интерес к киносъемкам.

Куяма слегка поперхнулся и решил закончить с кандидатурой Таякамы.

— Во всяком случае, надо проверить, не связаны ли его финансовые интересы с какой-либо конкурирующей фирмой. Если мы обнаружим мотив, то Таякама войдет в число подозреваемых.

Дэмура сделал знак продолжать. К Таякаме можно будет вернуться, если подтвердится его заинтересованность в

гибели Азато. У Куямы не было сомнений, что искать подтверждение придется ему. Предполагаемые инспираторы или организаторы убийства гораздо меньше интересуют Дэмуру, нежели его непосредственные исполнители.

— Оставим пока съемочную группу в покое и рассмотрим еще одну фигуру — жену Азато.

— Рассмотрим! — живо откликнулся Дэмура. Куяма был уверен, что старик не прочь рассмотреть эту фигуру в разных ракурсах. — Причина у нее была, поскольку наследство ей свалилось немалое. Да и организовать убийство не составляло труда, так как под рукой был один из немногих людей, кто мог победить Азато.

— Да, — твердо сказал Куяма. — Что вам не нравится в таком ходе рассуждений?

— Все не нравится. Мне нужны факты. У половины обитателей города могли быть основания желать смерти этому несчастному, и каждый из них тем или иным способом мог подыскать для этой цели подходящего исполнителя.

— Остановимся на Фукиде. Не станем обсуждать, насколько весомы его основания желать гибели Азато. Я хотел бы знать, по силам ли ему убийство.

— Да. Я полагаю, по силам. — Дэмура задумался. Станным образом до сих пор он практически не принимал в расчет Фукиду, хотя с первого же момента распознал в нем искушенного мастера каратэ, а после того, как он увидел Фукиду в поединке с телохранителем, это убеждение еще более окрепло. Должно быть, Дэмура старался отвести от него подозрения, потому что этот парень ему симпатичен. Да, несмотря на участие в фильмах, на использование каратэ как средства заработать деньги, Фукида ему нравился. Он уже готов был рассказать об этой своей симпатии Куяме, когда неожиданная мысль пронзила его. Но ведь и к неведомому убийце он испытывал такое же странное, двойственной чувство — смесь ненависти и почтения. Мог ли быть Фукида тем человеком в маске, которого он видел в фильме. Над этим вопросом следовало подумать.

— Фукида достаточно хороший мастер, — как бы размышляя вслух, произнес Дэмура. — А точнее говоря, очень хороший. Но у меня такое впечатление, что убийца проходил иную школу каратэ, ту же самую, что и я, — школу Сюри той поры, когда еще не было деления на стили. Фукида изучал кэмпо — японизированный вариант шаолиньского бокса. Правда... — ему вспомнилась характеристика Фукиды, данная Сираи. — Правда, он обучался и вадо-рю.

— А что это такое?

— Один из популярных стилей. Он возник в результате развития Сётокана, который, в свою очередь, восходит к древнему окинавскому каратэ из округа Сюри. — Дэмура закрыл таза, пытаясь воспроизвести в памяти детали боя Фукиды.

— Я видел Фукиду в деле и все же... все же затрудняюсь ответить со всей определенностью.

— Понятно. — Куяма не стал анализировать сомнения, раздиравшие душу Дэмуры, мысленно подводя итог рассуждениям: по мнению эксперта, Фукиде под силу было совершить это преступление. Мотив? Он лежит на поверхности: ищи женщину! Отсюда намечался логический переход к семейству Харрисов.

— Следующая кандидатура — писатель Эдди Харрис. Мотивов для убийства я не вижу, да кстати сказать, по-моему, такая работа ему не по плечу. — Куяма из вежливости сделал паузу, чтобы Дэмура мог вставить слово, и неслышанно удивился, когда старик воспользовался предоставленной ему возможностью.

— Эдди Харрис выступал на состязаниях каратистов-профессионалов в 1970 году в Лос-Анджелесе. Одним из его противников был Джонни Азато.

— Во-от как? И чем кончился поединок?

— Харрис проиграл, долгое время находился на волосок от смерти. Пришлось даже удалить одну почку.

— Ничего себе! Для мотива больше чем достаточно. Ну, а что касается практического осуществления... отчего бы ему

не подыскать подходящего исполнителя?

— В самом деле, отчего бы не подыскать? — Дэмура умолчал о том, что, на его взгляд, Харрис и поныне сохранил хорошую форму. Тут Куяма вспомнил еще одного человека, Актер-толстячок, получивший главную роль в неоконченном фильме Азато. Ему смерть Азато открыла дорогу к блестящей карьере. Дэмура вежливо кивал головой, пока Куяма не пересказал эпизод с репродуктором, сбитым с дерева. Равнодушное внимание собеседника в этот момент сменилось неподдельным интересом. Куяма был уверен, что Дэмура в самое ближайшее время наведается на съемочную площадку.

* * *

Дэмура распахнул окно, чтобы проветрить комнату, плавно опустился на корточки и закрыл глаза. Перед его мысленным взором, сменяя друг друга, проносились человеческие лица, фигуры, и чаще других мелькал человек в маске. Раз от раза он подходил все ближе, весь его облик был пронизан холодной жестокостью и грозной силой. Дэмура испытывал страх и почти физически ощущал мощь нацеленных в него ударов. Он все явственнее видел, как человек в маске налетает на него, круша сопротивление. Наконец он овладел собой и как бы задержал кадр. Нападающий в маске вновь приблизился, однако воображаемый Дэмура стоял не дрогнув. Противники сшибались снова и снова, и схватка все чаще заканчивалась поражением незнакомца. Дэмура еще раз за разом одерживал верх, все более уверенной и четкой становилась его техника. К тому времени, как он закончил медитацию, наступила полночь. Дэмура был весь потный, предельно измученный, каждая мышца его дрожала от напряжения, словно он и в самом деле провел тяжелый бой, зато душу его наполняло чувство уверенности в себе.

* * *

Куяма открыл глаза невыспавшийся, с головной болью. Сейчас лучше не показываться на глаза Шефу, пока нельзя будет похвалиться конкретными результатами. Господи, да где их взять, эти результаты?! И тут вдруг его осенило. Ведь он еще при чтении сценария принял определенное решение, а потом оно совершенно улетучилось из памяти. Сонливость и дурное самочувствие как рукой сняло. Куяма умылся, но времени на завтрак пожалел.

Он припарковал машину перед зданием офиса КМК. Кабинет директора-распорядителя помещался на третьем этаже. Куяма решил, что он достаточно глубоко проник в закулисные тайны КМК и кинопромышленности, чтобы позволить себе строить предположения. Директор наверняка окажется профессиональным менеджером, именно он представляет интересы Джонни Азато и правления акционерного общества — этого скопища бездельников. При виде директора Куяма подумал, что не ошибся. Господин Миура казался типичным образчиком японца. Невысокого роста, в очках, учтивый, скромный. На таких вот трудягах и держатся заводы, конторы, акционерные общества.

— Вы, я слышал, расследуете дело о смерти несчастного Джонни?

— Да. — Куяма не сумел скрыть гордости. — Я хотел бы получить кое-какую информацию.

— Пожалуйста, — Миура королевским жестом обвел кабинет, словно желая сказать: все, что здесь есть — к услугам полиции.

— Меня интересует вот какой вопрос: не собиралась ли компания в последние месяцы уволить кого-либо из работников студии — к примеру, ассистента режиссера — за злоупотребление наркотиками?

— Что вы подразумеваете под «последними месяцами»? Два месяца, полгода?

— Н-ну... — Куяма подождал, вдруг этой невнятной подсказки окажется достаточно, однако Миура предпочитал точность. — Скажем, пусть будет год, — рискнул он.

— К вашим услугам. — Миура действовал быстро и энергично. Тотчас отдал по телефону распоряжение собрать необходимую информацию.

— Мы не только собирались, но и уволили одного ассистента. Три месяца назад.

— И Азато не сумел ему помочь?

— Джонни? Чем он мог бы ему помочь? Он не имел к этому делу никакого отношения.

Куяма был просто поражен.

— Вы хотите сказать, что Азато даже не пытался как-то вступить за этого беднягу?

— С какой стати ему было вступаться? — настал черед Миуры удивляться.

Директор явно не принадлежал к категории людей мягкосердечных. Куяма рассудил, что в задачи центрального отдела расследований убийств не входит объяснять чиновникам, с какой стати люди иногда должны вступаться друг за друга. Поэтому он предпочел попросить адрес уволенного ассистента. Миура снова набрал какой-то номер, а затем с насмешливой улыбкой продиктовал:

— Миямото Кэндзо. Живет в Асакусе. Но ведь эти сведения мы уже сообщили вашему коллеге.

— Какому коллеге? — спросил Куяма, чуя неладное.

Директор вновь запросил по телефону невидимого всезнайку.

— Некому инспектору Эноёде. Знаете такого?

* * *

Дэмура встал в обычное время. Вышел в миниатюрный садик и часок потренировался, затем принял душ, с удовольствием позавтракал. На часы он даже не смотрел, без того зная, что ему уже давно надо быть в участке. Его не слишком беспокоило это обстоятельство. Когда Дэмура

решил, что готов к выходу из дома, он недолго думая совершил поступок, на который, как ему казалось двадцать лет, никогда не решится: позвонил начальнику полиции.

Весь разговор занял одну минуту. Дэмура знал, что использовал свой шанс, но не жалел об этом. Ведь он мог просить что угодно. Пожелай он перейти в центральный отдел расследования убийств или стать постоянным высокооплачиваемым экспертом по искусству рукопашного боя, его желание давным-давно осуществилось бы. Точно так же, как сейчас, когда ему едва стоило заикнуться, что он не хотел бы появляться в участке на время расследования дела Азато, тотчас же последовало разрешение. Начальник полиции был обязан ему за помощь в трудную минуту, и это было куда более надежным капиталовложением, чем банковский вклад. Дэмура долго не прикасался к этому своему вкладу, и теперь, когда он вынужден был пустить его в ход, начальник полиции расплатился с превеликой радостью. Дэмура улыбнулся. Новогодние поздравительные открытки за подписью начальника полиции, вероятно, и впредь будут присылаться в участок. В конце-концов он человек воспитанный.

Наконец-то, не связанный условностями службы, Дэмура мог делать что хочет. А он в первую очередь хотел взглянуть на того чудо-каратиста, который так поразил Куяму во время съемок. Были у него и другие соображения, но он решил не отвлекаться на второстепенное, пока в деле остались невыясненные вопросы. Дэмура вывел машину из гаража. Прежде чем тронуться в путь, проверил, хорошо ли надуты шины, достаточен ли запас бензина, масла, жидкости для ветрового стекла. Найдя все хозяйство в порядке, Дэмура выехал.

Все удивлялись тому, как плохо он водит. И это мастер экстракласса, привыкший принимать решение в сотые доли секунды, человек с рефлексамми много выше среднего, освоивший науку концентрировать внимание одновременно на разном! Да, вопреки этому Дэмура был плохим водителем и знал это. Но зато машина у него была хорошей марки — добрый старый английский «остин». Управление простое, без выкрутасов, не то что в теперешних автомобилях, приборная

доска из настоящего дерева, салон удобный, просторный. Машина эта когда-то принадлежала одному англичанину, который в течение десяти лет каждый божий день приезжал на ней в их додзё на тренировки. А когда пришла ему пора возвращаться на родину, он подарил машину Дэмура. Англичанин был благодарен за то, что его, иностранца, допустили в святая святых. С тех пор прошло почти восемь лет, и Дэмура успел нежно привязаться к своей машине. Дэмура тщательно выбрал место на площадке, сплошь забитой грузовиками с кинооборудованием, жилыми фургончиками и легковыми автомобилями всевозможных цветов и марок. Теперь можно было заглянуть в таинственный мир, именуемый съемками фильма.

Дэмура прохаживался взад-вперед и с изумлением убедился, что никто не обращает на него ни малейшего внимания. Он уже решил было вытащить удостоверение и велеть проводить его к кому-нибудь из начальства, но вовремя сообразил, что это лишено смысла. Ведь он хотел всего лишь присмотреться, а к чему тут присматриваться, если на съемочной площадке ровным счетом ничего не происходит! Дэмура испытал явное облегчение, когда издали увидел Фукиду; тот с озабоченным видом стоял в группе мужчин. Наконец-то хоть один человек, с которым можно словом перемолвиться в этой чуждой обстановке!

— Скажите, что здесь происходит? Почему все слоняются без дела? Я думал, что сегодня идут съемки.

— Они бы шли, если бы нам удалось сговориться, — полноватый молодой человек рядом с Фукидой весело рассмеялся, но остальные даже не улыбнулись.

— Сговориться не можете? Так что у вас, забастовка?

Тут рассмеялись и все остальные, а Фукида, явно чувствуя себя не в своей тарелке, начал оправдываться.

— Какая там забастовка! Просто новые каскадеры и Такаси не согласны с концепцией режиссера.

— Видите ли, мы решили, несмотря на смерть Джонни, доснять фильм. Нашли человека, который дописал сценарий, выбрали актера на главную роль и приступили к работе.

— Понятно. Ну и что же?

— Однако Такаси — новый главный герой — не согласен с указаниями режиссера.

— Такаси это я, — ухмыляясь, вставил толстяк.

Дэмура внимательно посмотрел на него. Наружность бывает обманчива, кому, как не Дэмуре, это было знать лучше других. Кстати, ему действительно приходилось встречать мастеров похожего телосложения. Некоторые толстяки способны на короткое время развивать невероятную стремительность, а под обманчивой полнотой, если внимательней присмотреться, угадываются литые мускулы. Такими же пузатыми толстяками были старые мастера кун-фу. Ведь если средоточием жизни человеческого тела считать не сердце, как утверждают представители Запада, а «хара» — низ живота, как учит восточная философия, тогда чем вместительнее живот и мощнее развит брюшной пресс, тем красивее и сильнее сам человек. Каратист такого телосложения буквально сметает противника массой тела, охотно идет на подножки и броски, используя более низкий центр тяжести.

Дэмура окинул Такаси наметанным глазом: приветливый человек с вечно приклеенной улыбкой. Однако Дэмуру не проведешь. Он видел, что парень — сплошь туше мускулы, а пухлые руки, выглядывающие из-под закатанных рукавов рубахи, налиты силой. Дэмура был уверен, что эти веселые глаза, не моргнув, выдержат чей угодно взгляд. Многое разглядел он в Такаси, кроме одного: перспективы стать звездой экрана.

— Вы теперь главный герой? Заменяли Азато? — Дэмура недоверчиво покачал головой.

Такаси не обиделся.

— Неужели и вы не понимаете, что в этом-то вся соль? Кого в наши дни интересует тип героя — явного супермена? Но вот появляется увалень вроде меня и проделывает то же самое, что великий Азато.

— И у него это действительно получится? — вежливо поинтересовался Дэмуре.

Толстячок лишь ухмыльнулся, а Фукида со вздохом ответил:

— Получится. Оттого и нельзя попросту от него отмахнуться. Джонни умер, и КМК требуется новая звезда.

— Но я по-прежнему не понимаю, в чем тут камень преткновения.

— От меня ждут, чтобы я стал вторым Джонни Азато, — ответил молодой человек на этот раз серьезно. — Пригласили сценариста, который завершил сюжет в духе тошнотворных историй доброго старого Эдди Харриса. Наняли режиссера, воспитанного на школе Джонни Азато, он с закрытыми глазами состряпает фильм по этим шаблонам. Ну и наконец призвали прославленного мастера Фукиду, чтобы драки не отличались от знаменитых потасовок Азато. Только ведь я не Джонни Азато, а комичный толстячок, сам себя не принимающий всерьез.

До инспектора наконец дошло. Здесь идет та же самая борьба за свободу, какую десять лет назад вели Азато, Фукида, Харрис и Ямамото. Только за это время Азато из бунтаря превратился в миллионера, и теперь новая волна намеревается смести его образ со своего пути. И надо же, чтобы именно Фукида проявил такое непонимание!

— Отчего вы не разрешаете ему делать так, как он хочет? Разве у него плохо получается?

— Я же сказал, что получается хорошо! — Фукида в сердцах махнул рукой. — Должно быть, по-вашему, во мне говорит зависть. Но это не так! Пусть выбивается в звезды, мне не жалко, он того заслуживает.

— Тогда в чем дело?

— Это последний фильм Джонни Азато, который и задуман-то им для того, чтобы доказать, что рано его списывать в тираж. По той же причине он все решил делать сам: написать сценарий, играть, режиссировать, разрабатывать мизансцены поединков, и, если верить

полиции, каким-то образом именно этот фильм послужил причиной его гибели. На этом фильме новичок не должен делать себе карьеру. Этого я не допущу!

Фукида и Такаси в упор уставились друг на друга. Дэмура охотно полюбовался бы их единоборством. Толстяк, должно быть, действительно первоклассный мастер, если Фукида столь высокого мнения о нем. Но не доводить же до рукопашной! Дэмура встал меж ними. Он почти физически ощущал исходящую от обоих мастеров волю к бою, неукротимое стремление помериться силой. Дэмура тоже напряг волю и мышцы. Результат оказался неожиданным: инспектор не произнес ни слова, не сделал ни малейшего жеста, но оба соперника попятились назад.

— Господин Фукида, — мягко произнес Дэмура, — по моему, пора представлять меня вашему коллеге.

Толстяк рассмеялся.

— Мастер Дэмура из школы «Сосны и Волны», — сказал он с ухмылкой, но в голосе его не было и тени насмешки.

— Откуда вы знаете? — изумился Дэмура. Он не принадлежал к числу популярных мастеров, в газетах о нем не упоминалось, даже редактор Сираи — эта ходячая энциклопедия каратэ — не слышал его имени.

— Это входит в мою профессию. Если уж я решил строить свою карьеру на фильмах о каратэ, я просто обязан знать ведущих мастеров каждой школы. Я посещал каждый мало-мальски значительный додзё. Бывал я и в вашем — по рекомендательному письму, присутствовал на многих тренировках.

— Какой стиль вы изучали?

— Прежде всего Сётокан. Но этого, сами понимаете, в кино недостаточно для того, чтобы прокормиться. Тогда я и начал обходить клубы, изучать различные школы, отрабатывать эффектные технические приемы и оригинальные позиции. Теперь во мне так смешались все элементы, что я и сам не смог бы сказать, в какой технике я работаю. Иной раз сомневаюсь, каратэ ли это вообще.

— Вы меня заинтриговали. Не продемонстрируете какой-нибудь из своих аттракционов?

— С удовольствием! — Толстяк ухмыльнулся и в тот же миг, проделав обратное сальто, вышиб сигарету изо рта стоящего позади мужчины. Тот удивился, но затем на губах его тоже заиграла ухмылка и, прокатившись катком, он подсек Такаси. Оба вскочили как резиновые мячи, и ноги их столкнулись в синхронном толчке. Оба шлепнулись на землю: противник — осторожно пятась в оборонительной позе, Такаси с дурашливой миной клоуна застыл на пятой точке. От группы отделился еще один каскадер и головой вперед прыгнул на толстяка. В мгновение ока их тела переплелись, покатались, сделав подсечку первому противнику, попытавшемуся снова вмешаться в борьбу. Затем на первый план выдвинулся Такаси: пытаясь и отдуваясь, с жалобным лицом, он коленом прижимал противника к земле и при этом старался привести свою одежду в порядок. Рубашка, разумеется, оказалась тоже прижатой коленом, и нужно было либо пожертвовать ею, либо выпустить противника. На помощь Такаси двинулся третий каскадер, затем еще один, и вскоре все участники группы взлетали, прыгали, падали, катались по земле вокруг Такаси. Было ясно, что артисты демонстрируют великолепно отрепетированный аттракцион. Дэмура украдкой покосился на Фукиду: лицо его выражало нескрываемую зависть. Перехватив взгляд Дэмуры, он горько улыбнулся.

— Победа за ними. Публике приелось боевое каратэ, так же как к моменту появления Джонни зрителю надоели силовые трюки. Теперь на сцену выйдет клоун и какое-то время продержится. А там, как знать, что еще потребуется публике для остроты ощущений: бои голых женщин или поражение положительного героя и торжество зла — не хочу гадать. У этого парня лучшие побуждения, хоть он и не ведает, что творит.

— Но ведь начало этому положили вы!

— Да, — печально согласился Фукида.

Представление закончилось. Такаси, тяжело дыша, присоединился к ним. Дэмура чувствовал, что Фукида прав, и

все же улыбнулся толстяку-акробату.

— Не убедись я воочию, ни за что не поверил бы, что такое возможно! — Дэмура видел, что Такаси рад похвале. Что ж, похвала заслуженная и паренек симпатичный. К тому же Дэмуру мало волновало будущее фильмов о каратэ. Он пытался представить себе, как мог бы драться этот человек в случае реальной опасности. Хорошо — это не подлежит сомнению, но сможет ли он сыграть роль каратиста традиционной школы?

* * *

По правде говоря, Куяма не рассчитывал застать уволенного ассистента дома. И все же когда в третий раз понапрасну нажал кнопку звонка, он почувствовал себя обманутым. День начался так удачно, сегодня все должно идти как по маслу. Не зная, что предпринять, Куяма вышел на улицу, огляделся по сторонам. Пожалуй, стоит немного подождать: вдруг он объявится, этот Кэндзо. Конечно, можно и не ждать, но тогда придется тащиться на службу.

И вдруг Куяма замер как вкопанный. На противоположной стороне улицы находилась маленькая убогая чайная, какие десятками встречаются в бедных кварталах Токио. Над низкой дверью развешены выцветшие флажки с зазывными надписями. На окнах занавески, внутри полумрак, несколько коротконогих столиков на потертых циновках. Куяма воспрянул духом, поняв, что удача ему не изменила. «Чайный цветок» — гласила обшарпанная вывеска. Не обращая внимания на прохожих, Куяма сосредоточенно рылся в портфеле. К счастью, толстая серая папка со сценарием оказалась у него при себе. Зажав коленями портфель, он взволнованно перелистывал страницы. Все верно, память его не подвела. «Чайный цветок» — так называлось заведение, где герой фильма встречается торговца кокаином. С левой стороны страницы находилась подробная инструкция декораторам с описанием чайной.

Куяма почти не удивился, когда вошел внутрь и огляделся по сторонам. Крохотные столики, желтоватое освещение,

клубы дыма, бар со стойкой в американском духе, совершенно не вписывающийся в стиль чайной, — по описанию в сценарии Куяма узнал бы это место из сотен других. Взгляды присутствующих обратились к нему. Молодой человек в очередной раз убедился, что в крупнейшем городе мира люди и поныне, случается, живут как в деревне. Одни и те же посетители изо дня в день ходят в это заведение, а если порою и забредет какой-нибудь чужак, он тоже скорее всего обитатель такого же убогого квартала. Куяма чувствовал, что выделяется из этой среды. Он сел и заказал чаю с печеньем. Официантка, к счастью, оказалась учтивой женщиной средних лет, а мускулам бармена мог бы позавидовать борец. «Такая обслуга не допустит, чтобы клиента ни за что ни про что поколотили», — успокоил себя Куяма.

Чай оказался хороший, гораздо лучше, чем можно было ожидать, даже лучше, чем в той первоклассной чайной, куда он наведывался с друзьями. Печенье тоже было вполне съедобным, и Куяма принялся изучать сценарий с приятным ощущением сытости.

На этот раз читал он внимательно. Затянув в сценарий впервые, он мельком пробежал тазами эту сцену; удивительно, что название чайной как-то сохранилось в памяти. Сейчас он начал с того места, когда Азато, то бишь герой фильма, вместе с ассистентом режиссера входит в чайную. Его встречают любопытными взглядами, но видя, что чужак не один, а с постоянным посетителем, теряют к нему интерес. Они садится за столик, заказывают чай. Кэндзо подзывает какого-то мужчину, говоря, что его друг хочет с ним потолковать. Азато не спешит брать быка за рога. Несколько минут болтает с мужчиной о том, о сем, по ходу разговора делая намеки, что не прочь бы разжиться «снежком». Лишь сейчас, при внимательном чтении, Куяма заметил, с каким знанием жизни написан этот диалог. Азато как бы оправдывается, сам-то он, мол, не балуется, но устраивает дома вечеринку и хотел бы поднять приятелям настроение, артисты есть артисты, ничего не поделаешь... Мужчина отнесся к его словам с пониманием. Уж ему ли не знать, когда связан с такими знаменитостями, Азато сроду бы не догадался, но он чужие тайны блюдет строго. Затем оба

проходят в уборную, чтобы без помех осуществить сделку. Актер достает деньги, мужчина — пакетик с наркотиком! В этот момент Азато резко меняется. Схватив мужчину за руку, он выкручивает ее... Интерес Куямы упал. Если до сих пор сюжет отвечал действительности, то с этого места Азато начал фантазировать. Поначалу, вероятно, все так и было: он обманом заманил злополучного торговца в уборную, заломил ему руку и пригрозил убить, а тот от боли и страха выдал имя главаря банды. Но чудовищная потасовка в туалете, во время которой торговец наркотиками пытается пустить в ход нож, по всей видимости, плод воображения Азато. Зато, по крайней мере, Куяме было ясно, что делать.

Прежде чем расплатиться и уйти, Куяма еще раз огляделся по сторонам. Кто бы мог быть тем незадачливым торговцем? Если верить сценарию, это мужчина с отеками тазами, ростом метр девяносто, не меньше, толстяк с животом, но мускулистый. Если есть такой среди посетителей, его нельзя не заметить. Человек ростом в метр девяносто даже в Америке сошел бы за гиганта! Где-то в дальнем углу действительно мелькнуло похожее лицо: одутловатая физиономия, мешки под глазами, настороженный взгляд. Но нет! Маленький жалкий человечек, истрепанный, задавленный жизнью — какой же это противник для Азато? И тут Куяму осенило. Разве можно представить себе в фильме такую сцену, когда непобедимый герой пытается слабого, беспомощного человека? Она вызвала бы у зрителей лишь отвращение, даже знай они, что герой поступает так во имя справедливости. У великого Азато не хватило фантазии, чтобы сочинить весь сюжет от начала до конца. Он вспомнил про ассистента, недавно уволенного за пристрастие к наркотикам, и ухватился за эту идею. С его помощью он отправился по следам подлинной банды торговцев наркотиками, как десятки раз проделывал это в своих фильмах. Разве не говорили в один голос писатель Харрис, оператор Ямамото и многие из давних знакомцев Азато, что Джонни склонен был отождествлять себя со своими героями?

Разумеется, у него хватило ума понять, где именно следует подменять реальность вымыслом. Так, роскошная вилла миллионера превратилась в скромное жилище актера,

безжалостно уволенный ассистент — в работника студии, находящегося под угрозой увольнения, а ущемленный в своих амбициях Азато, не брезгуя обманом ради удачного сюжета, — в бескорыстного человека, готового прийти на помощь ближнему. Пустяковые отклонения! Зато теперь понятно, как ничтожный завсегдатай убогонькой чайной вырос в гиганта с мощными кулаками.

Куяма расплатился и вышел. Благодаря сценарию, он знал, куда вел путь Азато и куда мог направиться Эноёда. Огава, имя которого Азато выбил из отечного хлюпика, снимал контору в Тораномоне.

* * *

— Где вы откопали этого Такаси?

Фукида пожал плечами.

— Таякама где-то на него наткнулся. У нашего директора феноменальная способность находить всех и вся, в ком возникает необходимость.

— Занятный тип!

— Это для вас, Дэмура-сан, он кажется занятым, — рассмеялся Фукида, — а я на таких чудаков насмотрелся, меня теперь ничем не удивишь. Знавал я сына китайской танцовщицы и норвежского оперного певца, который зарабатывал на жизнь тем, что выбрасывался из мчащихся автомобилей. Отпрыск влиятельного министра с детства мечтал стать каскадером и три раза в неделю брал у меня уроки, чтобы приблизиться к своей мечте. Такаси, с моей точки зрения, дерется лучше других — не более того.

А с точки зрения Дэмуры, в Фукиде говорила зависть, однако он не стал вступать в спор. Представление, устроенное группой Такаси, вселило в его душу беспокойство. Сколько еще таких мастеров, о существовании которых он и не подозревал, пройдет перед ним в ходе следствия? Мир каратэ, до сих пор представлявшийся ему четким и обозримым, становился все более похожим на джунгли.

Разговаривая, они подошли к автомобильной стоянке. Дэмуре с гордостью остановился у своего «остина». Фукида с восторгом разглядывал допотопную конструкцию.

— Вот это да! Вы, наверное, участвуете в гонках типа «ретро»?

— Нет, — коротко ответил Дэмуре. Не пускаться же в объяснения с этим остолопом! Для молодежи любая модель, если она не новейшей марки, годится лишь на свалку. Пусть его «остин» давно вышел из моды, зато он в прекрасном состоянии и ездить на нем — одна радость. Дэмуре включил мотор и двинулся по направлению к городу.

— Как прошла ваша беседа с компанией у Маццони? Удалось вам что-нибудь вывести? — спросил он.

— Немногое.

— Но хоть что-то новенькое они сообщили?

— Они работают на некоего типа по имени Огава. Слышали вы о таком?

— Нет.

— А ведь он, должно быть, видная фигура в преступном мире, если у него на службе десятки таких головорезов — их он, так сказать, сдает внаем. Кроме того, он заправляет фирмой, которая защищает от других рэкетиоров транспортировку денег, дежурные бензоколонки и ночные рестораны. Ему принадлежит целый ряд увеселительных заведений, а в последнее время он занялся... чем бы вы думали? Кинобизнесом!

— Любопытно. И все это вам поведала наша славная троица? Однако же в разговорчивом настроении они были.

— Да-а, — рот Фукида растянулся в ухмылке. — Мне удалось их разговорить.

— И кто же, по их словам, самый лучший?

— Кого они считают сильнейшим из наемных каратистов? Они и сами не знают. Называли одно-два имени, но без всякой уверенности. Вот разве что...

— Да, слушаю вас.

— Малый с хитрой рожей проговорился, что он как-то слышал от Огавы, что в серьезном деле тот мог бы положиться только на одного человека. Но имени он не сумел вспомнить. Упомянул лишь кличку, да и то не наверняка.

— И что же это за кличка?

— Одним-махом или что-то в этом роде. «Горилла» не помнил в точности прозвище, но смысл его такой, что этот каратист во время боя наносит всего лишь один удар, и этого оказывается достаточно, чтобы отправиться к праотцам.

Дэмура так резко свернул в сторону, что Фукида чуть не вышиб ветровое стекло.

— Заедем в участок за моими записями, — сообщил Дэмура. Остальную часть пути оба молчали, погруженные в свои мысли.

У Фукиды пробудилась надежда получить хоть какое-то объяснение, когда старик снова сел в машину и раз пять пробежал глазами свои записи. Потом Дэмура закрыл глаза, губы его беззвучно шевелились, словно формулируя некие логические построения, и наконец старик рассмеялся вслух.

— Макамура С-одного-удара! Конечно же, это он! — Дэмура откинулся на сиденье и с довольным видом потянулся. — Не эту ли кличку упомянул Огава в разговоре с хитромордым?

— Возможно, и эту. А что, вы его знаете?

— Последний раз мы виделись лет сорок тому назад, я не знал даже, жив ли он.

— Что он был за каратист?

— Высшего класса. Он уже тогда вполне оправдывал эту кличку, а с тех пор наверняка усовершенствовал свое мастерство. Ай-яй-яй!

Фукиде показалось, что Дэмуру не слишком-то радует перспектива единоборства с этим Макамурой, если действительно убийца он.

— В ту пору он был лучшим мастером, чем вы?

— Да, — с горечью признался Дэмура. — Он был лучшим из нас и самым жестоким. Мне часто казалось, что ему доставляет удовольствие убивать людей.

— Да что вы говорите!

— Дело было во время войны. Мы вместе служили в отряде особого назначения. В нашу задачу входило брать «языков». Отряд состоял сплошь из мастеров каратэ, все как на подбор. — Он взглянул на Фукиду и улыбнулся. — Знаю, о чем вы сейчас думаете, ну и тип, фильмы с участием каратистов осуждает, а сам, оказывается, способен был использовать на погибель людям искусство, призванное служить им во благо... Да, теперь легко рассуждать...

— У меня и в мыслях...

— Полно вам! Именно это было у вас в мыслях, и вы абсолютно правы. Видите ли, сейчас, задним числом, я мог бы приврать — выдать себя за пацифиста, которого насильно заставили участвовать в войне, — но не вижу смысла искать истину. Я по первому зову вступил в армию. Конечно, теперь все прежние поступки предстают в ином свете, но тогда каждый японец считал своим долгом служить отчизне...

Инспектор умолк. Фукида счел бестактным подгонять его вопросами.

— Мы находились в привилегированном положении. Снабжали нас лучше, чем прочие армейские части, одевались мы как хотели, и делали что хотели. И чуть не круглые сутки тренировались, словом, вроде бы нам повезло. Но затем нас бросили в дело. Самое странное, что в джунглях действительно сплошь и рядом приходилось вступать в рукопашную, как в старые времена. Все походило на кошмар, но мне казалось, что это гораздо лучше, чем с криками «банзай» бросаться в атаку. Я воображал, будто у меня больше шансов остаться в живых. Потом я понял, что заблуждался. То, чем мы занимались, было близко к самоубийству, но по крайней мере и от меня кое-что зависело, а не только от шальной пули. Не последнюю роль играли здесь мои умение и ловкость. Я научился беззвучно

подкрадываться, скрываться, читать чужие следы и уничтожать свои собственные.

— И действительно была такая нужда в этих пленных? — не сдержался от вопроса Фукида.

— Поначалу я клюнул на эту удочку и поверил, будто это и есть наша задача. Лишь позднее до меня дошло, что суть совсем в другом. Истинная наша роль заключалась в том, чтобы сеять страх среди американцев. Поэтому-то мы и должны были убивать невооруженной рукой, ножом, мечом или веревкой — что больше пугало противника, чем стрельба. Цель состояла в том, чтобы лишить их спокойствия, чтобы они каждую минуту опасались подкрадшейся неведомо как таинственной смерти.

— И что же?..

— В живых остались очень немногие из нашего отряда. Американцы нас боялись, это правда. Но зато со страха охотились на нас, как на диких зверей. Мне-то вообще повезло, я попал в плен, и у меня хватило ума скрыть, в какой части я служил, хотя лично я действительно только доставал «языков». Но остальные все более ожесточались: оставляли за собой изуродованные трупы и чуть ли не соревновались, кто больше врагов угробит.

— А Макамура?

— Он был среди нас самым лучшим мастером и самым жестоким. Я не любил его, а он меня, говорил, что я мягкотелый слюнтяй. С тех пор мы не виделись. Я думал, что он погиб, и мне не было его жаль. Должно быть, он и есть тот самый человек, которого Огава имел в виду, при условии, что он остался в живых... — Дэмура удивленно покачал головой. — Вчера, когда просматривал список, я должен был догадаться. Ведь чувствовал же, что какая-то важная информация в этом списке есть, а вот проглядел. Меня в первую очередь интересовало, кто из мастеров, по мнению эксперта, способен был бы убить Азато.

— И что же?

— Ни одна из кандидатур не выглядела убедительной. Скажите, а ваш таз ни на чем не спотыкается в этом списке?

Фукида с любопытством просмотрел список и разочарованно покачал головой. Дэмуру это утешило.

— Меня только что осенило. Смотрите, вот эти три человека проходили обучение в одном и том же додзё. И все трое по разным причинам проштрафовались.

— Интересно.

— Не правда ли? Но еще интереснее посмотреть, кто этим додзё руководил. — Дэмура с торжествующим видом ткнул в примечания Сираи. — Некий Есэй Макамура.

Но истинной радости в его голосе не прозвучало, и Фукида прекрасно его понимал. Фукида знал, что сам он очень неплохой мастер, но так же хорошо знал, что старый Дэмура куда более опасен, чем он. Ну, а если все, что он сейчас услышал, правда, то этот Макамура — смерть во плоти.

* * *

Азато не давал себе труда изменить реальные имена и названия, и Куяма терялся в догадках, пытаясь проникнуть в его замысел. Неужели он рассчитывал вывести в фильме преступников под их подлинными именами и указав их подлинные адреса? Руководствуясь сценарием, инспектор с легкостью отыскал контору Огавы в деловом квартале Токио на четвертом этаже высоченной коробки из стекла и бетона. Солидное здание, отведенное под столь же солидные фирмы. За дверью, открывающейся посредством фотоэлемента, посетителей встречает швейцар в униформе. Неподалеку от входа стоят кресла, вазы с цветами, огромное табло на стене содержит перечень фирм, арендующих это здание. В цокольном этаже, как обычно, размещается ресторан, отсюда подают наверх в офисы кофе и сэндвичи, сюда же предприниматели приводят на деловой обед своих партнеров. Словом, это был не бандитский притон, а типичное административное здание.

Куяма в нерешительности топтался в вестибюле. Что ни говори, а ведь именно в этом районе был убит Эноёда. Сейчас молодому инспектору хотелось бы очутиться в компании Дэмуры или Шефа — кого угодно, кто подсказал бы ему, что делать. Он на верном пути — тут сомнений быть не может. Правда, по сценарию люди Огавы подкарауливали Азато, вооруженные ножами, дубинками, цепями, но такую ситуацию трудно было вообразить в этом хорошо охраняемом здании.

Инспектор подозрительно оглянулся по сторонам. Зрелище светлого, чистого современного вестибюля, деловито снующих бизнесменов, швейцаров и охраны в униформе несколько успокоило его.

Не отступать же с позором, коль скоро его сюда привела нить расследования. Но и нагряться в контору Огавы он тоже не решался. Куяма вышел на улицу, постоял, пытаясь собраться с мыслями. И на противоположной стороне улицы он увидел небольшой цветочный магазин с икебаной и каллиграфической надписью в витрине.

Продавщица оказалась маленькой хрупкой девушкой. Она поклонилась посетителю и, как птичка, склонив голову набок, снизу вверх смотрела на Куяму. Губы ее улыбались. Куяма достал удостоверение и сходу понес какую-то чушь.

— Простите за беспокойство. Я по поводу жалобы граждан...

— Да-а? — Глаза миниатюрной продавщицы выжидательно уставились на него.

— Якобы за последнее время в округе участились случаи нарушения общественного порядка. Хулиганы нападают на людей, учиняют драки... Что вам известно на этот счет?

— У нас ничего подобного не случалось.

— Ну, как же не случалось? А драка, что произошла здесь на днях?

— Ах вот вы о чем! Но ведь это был единственный случай, да и тот завершился благополучно. Знаете, к кому

вздумали приставать хулиганы? К Азато, знаменитому актеру и каратисту! Ну он и всыпал им по первое число!..

— Вы видели, как все это происходило?

— Нет. Но видела моя подруга, так что если нужно...

— Вы не могли бы дать ее адрес?

— Разумеется! — Девушка достали из письменного стола изящный фирменный бланк и красивыми иероглифами выписала адрес. — Но вряд ли стоит обращаться к ней, она уже рассказала все, что знала.

— Кому?

— Другому полицейскому. Вчера ведь сюда уже наведывались из полиции.

Куяма знал, что девушку распирает от любопытства, с чего бы это к ним зачастила полиция, но она никогда не задаст этого вопроса вслух. Воспитанный японец не спрашивает о том, чего собеседник не хочет говорить. А уж японская женщина и подавно не позволит себе подобной вольности. Эта куколка, владеющая искусством икебаны и каллиграфии, конечно же, получила традиционное воспитание. Она никогда не заговаривает первой, не садится к столу развлечься беседой, если муж пригласил гостя к ужину, она почтительно относится к старшим, к более образованным, к людям, занимающим более высокое общественное положение, к мужчинам, к гостям. А Куяма старше по возрасту, образованнее, чем она, занимает более высокий общественный ранг и здесь, в лавке, он гость.

Куяма решил воспользоваться случаем и потешить свое тщеславие.

— Должно быть, из окружного участка, — небрежно обронил он. — Меня-то прислали из центра.

— Настолько серьезной была жалоба! — ужаснулась девушка.

Уже распрощавшись, Куяма сообразил, что не выяснил существенную подробность: когда именно произошла драка. Но инспектор не стал возвращаться: Куяма отыскал

телефонную будку и позвонил в ближайший полицейский участок. Его расчет оказался верным. Дежурный полицейский ответил на вопрос не задумываясь. Драка случилась в среду на прошлой неделе около трех часов дня...

— А что, собственно, произошло?

— С чего началось, мы не знаем. Очевидцы спохватились, когда драка уже была в разгаре. Конечно, сразу же вызвали полицию, но когда мы прибыли на место происшествия, то никого из дерущихся не обнаружили. Правда, многие свидетели узнали среди участников драки Джонни Азато.

— Вы не пытались связаться с ним?

— А как же, конечно, связались. Он сказал, что направлялся в Сингаку Синкё Билдинг, когда на него неожиданно напали; кто и почему — он не знает. Азато дал отпор, и нападающие разбежались. Кстати, вы знаете, что по этому же поводу к нам обращались и из участка Синдзюку? — настороженно добавил дежурный.

— Знаю, — упокоил его Куяма. — Это был инспектор Эноёда. Скажите, Азато шел пешком?

— Да. Он оставил машину в двух кварталах от того места. Есть там на углу автомойка. Азато сдал машину и сказал, что зайдет за ней через час. В этом районе часто так делают, если не удастся найти место для стоянки. Вот ведь судьба как распорядилась. Доехал бы Азато на машине прямо до места, и тогда жертвой нападения оказался бы не он, а обычный прохожий, которому не отбиться с такой легкостью.

— Вероятно, — согласился с ним Куяма, хотя был иного мнения на этот счет. Он поблагодарил, попрощался и повесил трубку. Прижавшись лбом к стеклу, погрузился в размышления, игнорируя взгляды прохожих. Выходит, к Огаве можно вообще не наведываться. Из сценария известно, что на боевом пути Азато не Огава был последней остановкой. В тот же день Азато посетил некое увеселительное заведение, а затем, чтобы «отсечь дракону голову», нанес визит главарю всей преступной сети. Но кто он, этот главарь? Увеселительное заведение, несомненно, удастся обнаружить.

Наверняка при описании этого места Азато следовал своему принципу верности деталей. Но вот кто возглавляет торговлю наркотиками, этого из рукописи не узнать: эта глава осталась ненаписанной. Но почему Азато ее не написал? Не успел? Или, может, он и не побывал у главаря банды? Если еще в прошлую среду он решил, что должен спешить, поскольку следующий, за кем станут охотиться бандиты, это именно он, Азато, а значит, надо опередить их и «отсечь голову дракону», то с какой стати он отложил столь горящее дело? Колебания подобного рода никак не вписывались в характер Азато, довольно четко вырисовывающийся по киносценарию. Нет, актер в тот же вечер или самое позднее на следующий день отправился к главарю банды — на этот счет у Куямы не было сомнений. Но в сценарии больше решительно не за что было ухватиться. Разочарованный Куяма спрятал рукопись в портфель. Ничего не попишешь, дело застопорилось. Придется ехать в отдел и объясняться с Шефом в надежде, что ему зачтется хотя тот скромный результат, который получен. Не следует забывать, что Эноёда за этот же самый результат поплатился жизнью.

Подумав, Куяма свернул в цветочную лавку. Девушка заварила чай, и Куяма открылся ей во всем. Рассказал, каким образом он очутился здесь, следуя сценарию и в то же время как бы идя вслед за погибшим Эноёдой. Куяма понимал, что нелепо рассчитывать на какую-то помощь, и все же было приятно отвести душу. Ему еще не доводилось так откровенно говорить ни с одной своей подружкой. Впрочем, ничего удивительного: эту девушку специально вышколили, чтобы подготовить к роли идеальной жены. Ее обязанность — внимательно выслушивать мужчину, согласно кивать в такт его словам и каждой клеточкой существа переживать услышанное. «Подумать только!» — без конца повторяла она в соответствии с правилами японского этикета.

Когда он умолк, девушка спросила:

— Отчего бы вам не позвонить моей подруге? Ведь я дала вам ее номер телефона.

— Зачем? Пригласить ее на свидание?

— Неплохая идея, — задумчиво произнесла девушка. — Моя подруга очень красивая, даже Азато она понравилась.

— Что-о?

— Он просил ее о свидании, и моя подруга согласилась. Еще бы: знаменитый актер, кумир женщин! — Голос девушки звучал язвительно, и все же Куяма почувствовал ревность.

— И что же, они встретились?

— Да. И пошли в бар.

— Как назывался бар, не помните?

— «Зубы дракона».

Заглядывать в сценарий не было нужды, этот раздел Куяма знал на память. «Зубы дракона» — относительно приличное заведение в одном из кварталов, пользующихся дурной репутацией.

— Как же разворачивались события дальше?

— Как обычно: они пили, танцевали, разговаривали...

— А драка?

— При чем здесь драка? Никакой драки не было.

— Должна была быть. Наверное, Азато после того, как проводил девушку домой, снова вернулся в бар.

— Да не возвращался он! — девушка вспыхнула до корней волос. — Моя подруга провела с ним всю ночь.

Ну и мерзавец этот Азато, хорошо еще, что нарвался не на девочку! Выходит, он дважды побывал в том баре? Маловероятно. Скорее, напротив: если бы Азато считал этот бар бандитским притоном, он бы не повел туда девушку. И тут Куяму осенило. Ведь согласно сценарию, в баре действительно ничего особенного не происходит: Азато делает кому-то замечание, завязывается ссора, переходящая в драку. Здесь нет никакой новой информации, никакого поворота действия. Эта сцена — результат писательской фантазии Азато. Актер отправился с девушкой потанцевать, тщательно зафиксировал детали обстановки, а затем домыслил несколько фраз и завершил эпизод дракой.

Сделать это было нетрудно, вот только для чего? Куяма понимал, что среди его знакомых лишь один человек способен ответить на этот вопрос: Эдди Харрис, брат красавицы Линды и непревзойденный сочинитель сценариев фильмов о каратэ.

* * *

Додзё Макамура размещался в старом двухэтажном деревянном доме. Нижняя часть дома была отведена под тренировочный зал, вверху находилась квартира мастера. Макамура был дома. Одетый в простую, ничем не украшенную одежду и домашние тапочки, он застыл на пороге, не приглашая посетителей войти.

— Хм... Дэмура! Давненько не виделись. Я думал, ты погиб.

— Меня захватили в плен.

— Да я и сам мог бы догадаться! — Фукиду поразило звучащее в его голосе презрение. — Что тебе нужно?

— Войти.

Макамура на миг заколебался, потом неохотно отступил. Полицейский и его спутник сняли обувь и вошли в крохотную, метров четырех, комнату. Потертая, но хорошего качества циновка, маленький черный лакированный столик, в углу цветы. На рисовой бумаге раздвижных дверей — седзё — классические иероглифы: один означает силу, другой — спокойствие. Фукида догадался, что двери ведут в тренировочный зал и в ванную. Макамура был среднего роста, с массивными мускулами, с сильными, разработанными ладонями. Поступь мягкая, движения медленные, спокойные, а взгляд, хоть и устремлен на тебя, но словно бы и не замечает. Неужели он и есть убийца? Фукида заглянул ему в глаза, и у него отпали все сомнения. Его охватил страх. Он чувствовал, что в поединке с этим человеком у него нет ни малейшего шанса на победу. Макамура прикончил бы его точно так же, как беднягу Джонни, расчетливо и хладнокровно. Наблюдая за Макамурой, Фукида

все больше убеждался в том, что тому достаточно нанести один-единственный удар, чтобы сразить противника наповал; до этого он лишь тянул время, изматывал, чтобы сделать снимаемый эпизод подлиннее. И великий Азато, лучший из лучших, пал от его удара! Кто бы мог предположить, что в стороне от бурной современной жизни сохранились такие страшные мастера смерти, которые к тому же передают свое умение другим. Словно бы в зоопарке вдруг откуда-то появились давно вымершие хищники! Фукида не так давно прочел, что война унесла почти всех ведущих мастеров каратэ. Это и дало возможность нынешней когорте выдвинуться на первый план. Однако, судя по всему, кое-кто уцелел. В чем же преимущества этого Макамурэ? Вероятно, он даже незнаком с современными методами тренировки, да и немолод уже. Откуда тогда в нем это пренебрежение к таким мастерам, каким был Джонни Азато, или как он, Фукида, проворству ног которого может позавидовать любой каратист мира? Разве сладит Дэмуре с этим чудовищем? Скорее всего, нет. А если Дэмуре потерпит поражение, продолжить борьбу придется ему, Фукиде. Не приведи господь, чтобы Макамуре все же оказался убийцей!

* * *

Харриса Куяма застал дома. Писатель был поглощен работой, и ему явно не хотелось отрываться. И все же держался он учтиво. Вытащил из машинки лист бумаги и вложил его в папку. Затем, не спрашивая согласия Куямы, приготовил напитки: коньяк «бурбон» со льдом и содовой, а молодой инспектор тем временем, чтобы не сидеть без дела, достал принесенную с собой рукопись.

— Как вы думаете, что это?

— Издали видно — сценарий. Уж не собираетесь ли вы сменить поприще?

— Я? — изумился Куяма. — Это сочинение вашего зятя. Оно вам знакомо?

— Нет. Разрешите взглянуть?

— Для этого я его и принес.

Харрис без околичностей погрузился в чтение, словно Куямы и не было тут.

Куяма тем временем вытащил книгу из тесно заставленного стеллажа хозяина и углубился в чтение. Он успел прочесть страниц тридцать, когда Харрис деликатно похлопал его по плечу.

— Сюжет довольно банальный. Не бог весть что, но сойдет.

— Вы ожидали от Азато лучшего?

— Удивляюсь, как его на это хватило! Писать сценарий совсем не простое дело.

— Скажите, а как бы Азато завершил этот сюжет, останься он в живых?

— Откуда мне знать?

— Вы же сами сказали, сюжет банальный. Тогда очевидно, не так уж трудно определить развязку, если исходить из привычных шаблонов.

Харрис скрестил свои длинные ноги, руки свесил через поручни кресла, запрокинул голову назад и, уставясь в потолок, заговорил в тоне бывшего рассказчика.

— Азато — то есть герой фильма — узнает из заслуживающего доверие источника, кто в действительности является главарем всей преступной банды. Конечно, имеется в виду не какой-нибудь заурядный уголовник и не делец сомнительной репутации, с одинаковой легкостью участвующий и в грязных аферах, и в легальном бизнесе. Нет, истинный главарь банды — человек совсем другого типа. Это лицо, пользующееся всеобщим уважением, скорее всего глава солидной фирмы, вполне возможно даже врач или ученый. И вот Азато... впрочем, постойте! Вы уверены, что вам требуется самая расхожая дребедень, а не доподлинно стоящий сюжет?

— Уверен.

— Тогда получайте. Азато заявляется на квартиру главаря. Тот радушно встречает гостя, угощает дорогими напитками, всячески подчеркивает, как он рад визиту. Однако нашего героя не подкупить дешевой лестью. Он прямо в глаза заявляет хозяину дома, что знает всю правду и не успокоится до тех пор, пока не выведет преступника на чистую воду. Главарь банды в завуалированной форме угрожает ему, но нашему герою море по колено. Опершись о стол, он произносит несколько высокопарных фраз, чтобы последнее слово осталось за ним, и уходит. Можно еще на прощание отвесить гостеприимному хозяину пару оплеух — тут, так сказать, дело вкуса.

— Никаких грандиозных потасовок?

— Помилуйте, о чем вы? Главарь банды — человек безупречной репутации, к его дому не приставишь гангстеров для охраны. Разумеется, в финале, когда наступит час расплаты, может выясниться, что главарь тоже мастак драться. Должна же быть свобода творчества. Но к чему эти ваши расспросы?

Куяма колебался, стоит ли говорить. Наконец, он все же решился.

— Я сообразил, что сценарий Азато опирался на реальные факты. Ваш зять действительно начал расследовать махинации преступной сети торговцев наркотиками. Поколотил кое-кого из мелких гангстеров — охрану «промежуточного» главаря, которого вы охарактеризовали как дельца сомнительной репутации. Словом, все происходило почти так, как он описал.

— Дуралей несчастный!.. Вот теперь все встало на свои места. Только чудом ему удалось бы выкарабкаться. Но... если все это правда, то почему вы спрашиваете, как бы я завершил сценарий?

— Потому что Азато мыслил шаблонами. Он и в жизни придерживался стереотипа, заимствованного из своих фильмов. Значит, если он действительно узнал имя главаря банды, то мы можем быть уверены на все сто процентов, что

он нанес визит главному мафиози в точности так, как вы сейчас рассказали. Ну, а главарь предпринял встречный ход.

Харрис предостерегающе поднял руку.

— Но почему именно главарь? Организовать убийство мог и Огава или тот торговец с подпухшими глазами.

— Нет, — убежденно проговорил Куяма. Подобно тому, как Дэмура был уверен, что убийцей Азато не мог оказаться заурядный драчун, Куяма считал, что идея исходила не от какого-то мелкого мошенника. Этому человеку хватило чувства стилия, чтобы не подставлять под пули прославленного каратиста, у него достало смелости пойти на риск — ведь Азато мог бы и выиграть поединок — и он располагал достаточными связями и средствами, чтобы подыскать и нанять самого надежного профессионала-каратиста. Нет, все это под силу только главарю банды. Человеку, пользующемуся уважением в обществе, известному бизнесмену, политику или ученому, которому Азато пригрозил разоблачением, а то и отпустил оплеуху.

— Я вот все думаю, — продолжал он, — зачем Азато включил в сценарий эту драку в баре? Я проверил, и оказалось, что не было там никакого скандала. Азато был там с девушкой, они пили и танцевали. — Куяма чувствовал, что рассуждает достаточно убедительно и профессионально.

— Это как раз понятно, — Харрис пренебрежительно махнул рукой. — Ни один заурядный фильм о каратистах не обходится без шаблонной сцены драки в ночном баре. Это великолепное место действия, не говоря уже о том, что обывателю внушается мысль, будто каждое такое заведение — злачный притон, где в задних комнатах гангстеры режутся в карты. По-моему, Джонни либо не знал, кто глава банды, либо попросту поменял последовательность сцен. Уж настолько-то он разбирался в сценариях для кино.

— Если Джонни удалось выбить из этого Огавы фамилию шефа, он направился прямо к нему. Разыграл кульминационную сцену и с чувством выполненного долга отправился вечером с девушкой потанцевать. Но когда он снова взялся за сценарий, то увидел, что в рамки

киноштампов это не ложится. Тогда он перенес в начало сцену в баре, вставив сюда же легкую потасовку, чтобы, как положено, перебить в притоне все зеркала. Ну, а теперь уже можно ввести и главаря банды.

Харрис выглядел довольным, все ему казалось простым и ясным. Куяма раскланялся с улыбкой, словно получив ответ на каждый свой вопрос. К чему отравлять человеку радость? И все же он садился в машину с подпорченным настроением. Он заранее знал, что Шеф двадцать раз уточнит, действительно ли он, Куяма, считает сценарий своего рода дневником, и призовет его к ответу за то, что он не поговорил с Огавой. Не может же Куяма сказать ему, потому, мол, что не хотел для себя такой участи, какая выпала Эноёде. Успокаивала только мысль о том, что наверняка ему удалось добиться лучших результатов в расследовании, чем Дэмура.

* * *

Они расположились на татами. В традиционной японской комнате, если компания собирается дружественная, гости уютно рассаживаются, скрестив ноги. Не похоже было, что сейчас будет именно так. Макамура смотрел на посетителей холодно, но без особой неприязни. Он не спрашивал, зачем они пришли, это было бы нарушением приличий. Гостя вводят в дом, иногда угощают чаем, но не выспрашивают, с чем он пришел. При одном взгляде на Макамуру было ясно, что он способен хоть несколько часов просидеть неподвижно, лишь краем глаза наблюдая за посетителями. Дэмура же погрузился в столь глубокое раздумье, что, похоже, и не собирается нарушить молчание. Фукида также счел за благо не раскрывать рот.

Прошло минут двадцать. Дэмура, опустив веки, предавался медитации, и у Фукиды забрезжила догадка: старик готовится к поединку. Должно быть, понял это и Макамура; взгляд его сделался холодным, жестким.

— Чего тебе нужно?

— Я полицейский, — ответил Дэмура.

— Можешь быть кем угодно, Зачем пришел?

— Мне нужен убийца Азато.

— Ищи ветра в поле! — рассмеялся Макамура. — Я тебя не задерживаю.

— Ты убил его.

Если полицейские рассчитывали увидеть на лице Макамуры хотя бы тень смущения, они вынуждены были разочароваться.

— Попробуй, докажи!

— Я и не собираюсь доказывать. Мое намерение — расквитаться с убийцей.

Макамура не произнес ни слова. Он не стал отрицать обвинение или прибегать к угрозам, но и прежняя насмешливая улыбка больше не появлялась на его лице. Будучи истинным мастером, Макамура не привык недооценивать противника. Он остался сидеть неподвижно, с напряженными мускулами, точно бомба, готовая взорваться от прикосновения.

— Я даю тебе шанс, — продолжал Дэмура. — Если ты победишь, даже имя твое будет забыто. Если верх одержу я, ты сделаешь добровольное признание. Если же ты не согласишься на поединок — что крайне удивило бы меня, — то я передам дело в отдел расследования убийств, и там займутся поисками доказательств.

— Ты не подумал об одном возможном осложнении. Ведь такой поединок может стоить жизни.

— Я подумал об этом, — голос Дэмуры звучал столь же спокойно. — Оба мы наденем спортивные кимоно. Если я погибну, значит, виною тому досадный несчастный случай во время тренировки. Фукида засвидетельствует, что ты невиновен... Ну, а ты все-таки подготовь признание в письменной форме. В случае своей победы ты сможешь его уничтожить. Согласен?

Макамура медленно, церемонно поднялся.

— Там ты найдешь для себя подходящую одежду, — он указал Дэмуре на дверь, украшенную иероглифом «спокойствие».

* * *

Господина Кадзэ не оказалось на месте. Куяма какое-то время околачивался в приемной Шефа, но затем сообразил, что, чем ждать попусту, лучше составить письменное донесение. Он вернулся в свой кабинет и попытался освободить место на столе: отодвинул в сторону письма, все еще ждущие ответа, неоформленные протоколы, непрочитанные сводки — словом, попытался устранить беспорядок. Еще немного, и под ворохом бумаг скрылся бы ничем не примечательный коричневый конверт с донесением Эноёды, но в последний момент взгляд молодого инспектора задержался на фамилии отправителя. Потрясенный Куяма держал конверт в руках, боясь вскрыть.

Затем, придя в себя, он вытащил из ящика стола нож для разрезания бумага. Из конверта выпало школьное почасовое расписание и письмо. Куяма начал с последнего. Он сразу узнал ровный, правильный почерк Эноёды.

«Уважаемый Куяма-сан! В соответствии с нашей договоренностью продолжаю совместную работу по расследованию дела об убийстве Азато. К сожалению, вы не сумели связаться со мной, поэтому мне пришлось своим умом додумываться, какого рода помощь я мог бы оказать специалисту отдела расследований. Я полагал, что, если мне удастся установить, как провел Джонни Азато последнюю неделю жизни, это может принести пользу делу. Ваше доверие — большая честь для меня, и, надеюсь, наше сотрудничество к обоюдному удовлетворению приведет к положительному результату».

Ну и витиеватое послание, Куяме бы такого в жизни не сочинить!

Не без угрызений совести Куяма отложил письмо и взял расписание. Изумлению его не было границ: в почасовом

графике почти не осталось пробелов. Внизу страницы мелкими иероглифами стояла пометка Эноёды: он готовит отдельное донесение, где будет указано, от кого какие данные получены и кто их может подтвердить.

Взгляд Куямы невольно перескочил на среду. Утром — тренировка в саду, затем посещение конторы КМК. После этого обед в ресторане КМК на верхнем этаже здания. Вслед за этим посещение чайной. Визит на квартиру Кэндзо выпал из расписания и, поскольку был очень кратким, Эноёде не бросился в глаза этот минутный пробел. В три часа дня — массовая драка неподалеку от станции метро «Хандзомон». Оттуда Азато направился в Сингаку Синко Билдинг и, по свидетельству очевидцев, вел себя там скандально. Впрочем, на этот счет у Куямы не было сомнений. От Огавы Азато направился домой и лег спать. Пробудившись ото сна, заперся у себя в комнате. Вечером ушел из дому, встретился с девицей, которую повел в бар «Зубы дракона». Там они развлекались до трех часов ночи, а затем отправились на квартиру девицы.

Куяма еще раз пробежал тазами расписание. Все отрезки времени складывались в единое целое. Но ведь если Харрис прав, то Азато от Огавы должен был напрямик направиться к главарю банды. Однако времени у него не оставалось: в три часа тридцать пять минут он вышел из офиса, а в три пятьдесят уже был дома... Куяма безнадежно махнул рукой. Внимательно изучив расписание по часам — четверг, пятницу и конец недели, — он несколько растерялся. Нигде ни следа такого визита, который можно было как-то увязать с предполагаемым главарем банды. Неужели Азато так и не удалось узнать его имя? Или же... — Куяму бросило в жар — его и не было, этого главаря банды? Как же он раньше не додумался? Азато проводил свой частный сыск по шаблонам приключенческих фильмов, но жизнь ведь не обязана придерживаться шаблонов. Огава наверняка был последним звеном в цепочке и не мог отослать воинственного Азато к кому-либо другому. Огаве артист грозил разоблачением, и Огава нанял таинственного убийцу. Куяма понятия не имел, как это доказать, но чувствовал, что выиграл. Правда, с

посторонней помощью, но он все же раскрыл дело об убийстве Азато.

* * *

В гардеробной Дэмура нашел чистое, свежестырированное кимоно и подобрал к нему гладкий, без иероглифов, черныи пояс. Взглянув в зеркало и убедившись, что одежда его в порядке, он вошел в додзё. Не обращая внимания на Фукиду, опустилсч на корточки и с закрытыми глазами стал ждать противника. Тренировочный зал Макамуры был первоклассным: чистые, светлые стены, на одной из них зеркало, вдоль другой выстроились макивары; в деревянных бадьях песок и мелкие камешки для тренировки кончиков пальцев. Красиво выведенные тушью иероглифы: «Малейший промах может обернуться пагубной ошибкой». У третьей стены поместился крохотный алтарь, над ним — японский флаг. Взгляд Фукиды вернулся к старому сыщику. Неряшливый, плохо одетый человек на глазах превратился в личность, внушающую уважение. Было видно, что спокойствие его не напускное. В таких тренировочных залах он чувствовал себя как рыба в воде, это был его привычный мир. Затем появился Макамура. Он тоже облачился в белое, безо всяких украшений кимоно, а на потертом черном поясе сверкало лишь его имя, вышитое золотом.

Ни один из противников не стал тратить время на разминку. Оба бойца считали гораздо важнее духовную подготовку. Дэмура с просветленным лицом был погружен в медитацию вплоть до последней секунды перед появлением противника. Макамура, по всей вероятности, освободился от посторонних мыслей наверху, в своей комнате. На пол позади себя он положил какую-то бумагу.

— Это мое признание. Можешь взять, если сумеешь, — медленным, спокойным шагом он двинулся к Дэмура. А тот стоял как вкопанный, лишь взгляд его менялся по мере приближения противника. Фукиде не раз приходилось наблюдать, как меняется взгляд каратиста даже во время тренировочных встреч. В нем чувствуется напряженное

внимание, а после нескольких ударов, нанесенных сильнее, чем требуется, в глазах бойца появляются гнев, холодная ярость, желание сокрушить противника. Но то, что Фукида увидел сейчас, ему было в новинку. Взгляд Макамуры и прежде не отличался дружелюбием, теперь же он был полон открытой угрозы. Этот хладнокровный, мертвенно-спокойный взгляд казался страшнее, чем самый злобный. Глаза Дэмуры изменились еще больше: словно змея глядела с его обычно приветливого лица. Фукиде довелось однажды наблюдать старика в поединке, но тогда в нем не было и следа этого грозного выражения.

Макамура тоже почувствовал, что противник сильнее, чем он думал. Он остановился и застыл в неподвижности. Станный, это был поединок — психологическое единоборство двух неподвижно замерших людей. А стоило любому из них сделать молниеносный выпад — и бойцу такого класса, как Фукида или Азато, пришел бы конец. Да, борьба была в высшей степени необычной. Противники не делали обманных движений, не принимали угрожающих поз, лишь упорно следили друг за другом. Их напряженная неподвижность напоминала замерший перед взлетом реактивный самолет, в котором уже запущен мотор. Оба держались в нескольких сантиметрах от той черты, за которой каждый из них чувствовал себя в безопасности. Это точно выверенное расстояние окружало их подобно незримому защитному колпаку или некоему силовому полю, в которое никто не смеет вступить безнаказанно.

«Вот почему они не прибегают к обманным маневрам», — подумал Фукида. Он понимал, что если выйдет целым из этой передраги, то не забудет удивительного поединка вовек... Пока один из противников не высунется из-за защитного колпака, не переступит невидимую, но ощутимую границу, он волен делать что угодно. Время тянулось нескончаемо долго. Прошло не менее пяти минут, а у противников не дрогнул взгляд, не ослабло внимание, не сбился дыхательный ритм, ни один из них не давал другому ни малейшего шанса к нападению. Первым не выдержал Макамура и начал едва заметно подбираться к противнику. У Фукиды кровь застыла в жилах: сейчас сшибутся! Но нет, Дэмура не принял вызова и

точно так же медленно, расчетливо отступил на несколько сантиметров. Расстояние между противниками оставалось прежним. Макамура снова двинулся вперед, на этот раз быстрее, а Дэмура попятился, с невероятной точностью сохраняя все ту же дистанцию. Шаг его был не короче и не длиннее, чем требовалось. Даже в ритме движения он приноравливался к противнику. И все же он был в худшем положении, Фукида понимал это. В таких случаях преимущество на стороне нападающего. Он все настойчивее теснит противника, пока не заставит его спастись чуть ли не бегством, тем самым ломая и его душевное сопротивление. Единственная возможность — удачная контратака. Но Дэмура, по всей видимости, не собирался останавливать противника предостерегающим ударом. Вместо нападения он сделал шаг в сторону, удаляясь больше, чем до сих пор. Он хотел занять новую позицию, чтобы затем начать все сначала, но... судя по всему, опоздал. У Фукиды перехватило дыхание, он едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Макамура тоже оценил представившуюся возможность. Он устремился вслед за Дэмурой и теперь уже не теснил его, а гнался за ним. Дэмура скользнул назад, еще раз и еще...

Даже Фукида с его двадцатилетним опытом за плечами с трудом сориентировался в том, что произошло. В очередной раз Дэмура не отступил назад, а в тот момент, когда преследующий его Макамура нарушил заветную границу, обрушил встречный удар. Классический, общеизвестный прием, просто Дэмура выполнил его стремительнее, резче, неожиданнее, чем это удавалось обычным каратистам, и лучше сумел скрыть свое намерение. Окажись любой другой на месте его противника, и поединку пришел бы конец. Любой — но не Макамура. В то же мгновение ударил и он. Оба парировали встречные удары и вновь перешли в атаку. Последовала короткая жестокая схватка. Дэмура внешним ребром стопы ударил противника по косточке на щиколотке, при этом правая рука Дэмуры из положения отбивающей защиту вышла из зоны удара, скользнула назад и вновь устремилась вперед, нанеся рубящий удар ребром ладони, тогда как его левая блокировала руку Макамуры. Но Макамура тоже был воплощенная стремительность: он провел удар снизу вверх коленом, ладонью свободной руки

целя в лицо Дэмура, и выставил локоть левой для защиты. Когда удар, нацеленный в пах, пришелся в солнечное сплетение, Дэмура почувствовал облегчение. В последнюю долю секунды он успел сложиться вдвое, выводя нижнюю часть корпуса из-под удара. Впрочем, его удар ногой тоже не был эффективен: лодыжки у Макамуры в результате длительных тренировок стали твердыми как камень и утратили чувствительность к боли.

Дэмура решил продолжить поединок, перебросив противника через себя. Упершись стопой в ногу Макамуры, он сделал рывок. Прием был проведен чисто, но Макамура свободно поддался на рывок, дал себя перебросить и мягко откатился в сторону.

И вот они снова стояли друг против друга. Дыхание их было равномерным, ни один не давал другому возможности уловить момент, когда он выдыхает воздух. Макамура снова пошел в нападение. Дэмура, судя по всему, не был готов к отпору, так как быстро попятился. Знаменитый убийца С-одного-удара теперь держался осторожнее. Внезапно Дэмура остановился: ровно столько потребовалось ему, чтобы собраться с силами. Чувствовалось, что больше он отступать не намерен. Макамура бросился на него, и в то же мгновение взметнулась рука Дэмуры. Он парировал атаку противника ребром ладони. Страшной силы встречный удар, подобный удару мечом, обрушился на локоть Макамуры на мгновение раньше, чем рука того успела подняться. Громкий боевой крик, вырвавшийся у обоих противников, заглушил хруст ломающейся кости.

Боль, должно быть, была чудовищной, но Макамура и не думал сдаваться. Прижав сломанную правую руку к бедру и выставив левую на уровне груди, он ждал нападения. Дэмура даже не пытался предлагать ему сдаться. Он настороженно подбирался к Макамуре, стараясь зайти справа. Удар руки был нацелен в голову, левая нога метила в сломанный локоть. Ступня попала в цель. Макамура до крови прикусил губу, чтобы не вскрикнуть от боли. Дэмура, не давая ему опомниться, вновь перешел в атаку. Макамура теперь повернулся боком, чтобы защитить перебитую руку, но тем самым лишился возможности бить ногой с поворотом корпуса.

Однако он по-прежнему оставался грозным противником. Стоило допустить малейший промах в атаке, и он способен был одной рукой или ногой прикончить противника. Но Дэмура слишком хорошо изучил его, чтобы переоценивать собственные силы. Теперь уже он теснил Макамуру, гоня его все быстрее, принуждая к бегству, стараясь подавить его психику. Макамура был лишен возможности ответить контрударом рукой назад. Он пытался использовать прямой удар: стремительный, резкий тычок двумя пальцами в глаза противника. Однако попытка эта заранее была обречена на неудачу: Дэмура почти наверняка знал, что она последует. Он пустил в ход обе руки: левая перебила Макамуре запястье, удар правой пришелся по локтю. И вновь раздался ужасающий хруст сломанной кости. Боль и горечь поражения лишили Макамуру остатков самообладания. Головой вперед он бросился на Дэмуру и... наткнулся на колено противника. Лицо его залила кровь; затем последовал сильный удар в затылок, и Макамура потерял сознание.

* * *

Совсем другое дело войти в административное здание так, как сейчас, когда Куяму сопровождала четверка детективов из центрального отдела и целый отряд полицейских. Они торжественно продефилировали через вестибюль и поднялись на четвертый этаж; полицейские мигом заняли посты на каждой лестничной площадке, а Куяма, коротко постучав в дверь, вежливо, но решительно вошел в офис Огавы.

У Куямы в глазах потемнело, когда Шеф приказал ему арестовать главаря банды. До этого, конечно, была прокручена вся обычная программа. «Значит, ты полагаешь, что именно он дал распоряжение устранить Азато? Очень интересная мысль, А Эноёду убили сразу же после того, как он вышел от Огавы? Как ты сказал, где находится почта, откуда Эноёда отправил свое донесение? Ах, в том же здании?»

Затем Шеф вел по телефону долгие переговоры с начальником отдела по борьбе с наркоманией — судя по всему, человеком столь же осторожным, как сам господин Кадзэ, — затем с юрисконсультom, но никак не мог прийти к определенному решению. Обладая богатым опытом службы в полиции, он понимал, что Куяма прав, и по этой же причине понимал и другое: виновность Огавы нелегко будет доказать. Конечно, при желании можно: наверняка отыщется свидетель, который видел, как Эноэда незадолго до своей гибели заходил в офис Огавы. Какой-нибудь мелкий гангстер из банды Огавы рано или поздно проговорится. Кроме того, ничего не стоит арестовать околачивающегося в «Чайном цветке» торговца наркотиками, из которого Азато выколотил имя главаря. У полиции масса возможностей, однако реализация их требует времени. Если арестовать подозреваемого даже при недостаточности улик, то можно запросто лишиться должности. Если же упустить убийцу Азато, результат будет тот же самый.

— Прямо не знаю, что делать, — наконец откровенно признался Шеф.

— На вашем месте, Кадзэ-сан, я бы арестовал Огаву, — снисходительно посоветовал Куяма.

И тут Шеф принял окончательное решение.

— Ладно. Тогда поезжай и арестуй его, — сказал он.

Куяма застал хозяина растерянным и перепуганным насмерть. Двое полицейских держали Огаву под прицелом, а третий обыскал его.

— Огава Фумио! Вы арестованы по подозрению в убийстве актера Азато Джонни и полицейского сыщика Мацутаки Эноэды. Вам как организатору инкриминируется соучастие в преступлении. Мой долг — поставить вас в известность о ваших юридических правах...

И прежде чем Огава успел опомниться от неожиданности, ему надели наручники и вывели из кабинета. Сыщики остались допросить служащих и провести тщательный обыск, а Куяма повез арестованного в центральный отдел. Молодой инспектор был на седьмом небе. Игра стоила свеч, даже если

он на этом деле сломает себе шею. А такой исход вполне вероятен: если вину Огава доказать не удастся и его придется отпустить на свободу, Шеф не станет покрывать своего незадачливого подчиненного.

— Есть ли у вас хоть какие-нибудь доказательства? — спросил задержанный, словно прочитав мысли Куямы.

— У Шефа есть, — без колебаний ответил Куяма. В нем вдруг проснулся игрок, и он решил блефовать дальше. — Если бы вы ограничились организацией убийства Азато, глядишь, вам и удалось бы выкарабкаться. Но вы посягнули на Эноёду.

— Какого еще Эноёду?

Огава, по-видимому, тоже блефовал, либо же действительно не знал, в чем дело. У Куямы не оставалось времени поразмыслить, как это могло быть на деле, поэтому он интуитивно держался своей линии поведения.

— По делу Азато адвокат мог бы еще найти смягчающие обстоятельства. В конце концов актер ворвался к вам силой, учинил скандал, избил вас — понятно, что в вас выиграла жажда мести. Однако за убийство полицейского придется расплачиваться сполна.

— О каком полицейском вы говорите?

Куяма промолчал. Он не знал, что ответить. Ведь если Огава не имеет отношения к убийству Эноёды, дело запутывается окончательно. Профессионал, поднаторевший на ведении допросов, в таком случае промолчал бы сознательно. Куяма же просто ушел в свои мысли, не замечая, что Огава беспокойно вертится на месте, прокашливается, робко пытаясь заговорить. Картина получалась неутешительная. Куяма думал и не находил выхода. А Огава вновь попробовал заговорить с ним — теперь уже громче и весьма учтивым тоном.

— Простите, господин инспектор, не могли бы мы побеседовать доверительно?

— Что?.. Ах, побеседовать! Пожалуйста, я к вашим услугам. Сейчас приедем на место и приступим. — Куяма

снова умолк, мучительно раздумывая, как быть. По прибытии в отдел он действовал автоматически, выполняя все то, чему его учили в школе полицейских. Велел подозреваемому сесть, включил магнитофон и, заполняя протокол, задал множество формальных вопросов: фамилия, имя, дата и место рождения, образование... У Огавы не выдержали нервы.

— Чем задавать глупые вопросы, лучше объяснили бы, с какой стати вы собираетесь пришить мне убийство полицейского?

Куяма устремил на него дружелюбный взгляд.

— Вы признаетесь в убийстве Азато?

— Не в чем мне признаваться! Понятия не имею, чего вы от меня добиваетесь.

— Не признаетесь — и не надо, это не меняет сути дела.

— О каком признании вы твердите, черт побери?!

— Не станете же вы отрицать, что причастны к убийству двух человек? Шеф располагает неопровержимыми доказательствами, иначе не распорядился бы доставить вас сюда, сами понимаете. Но вы, конечно, вправе поступать, как считаете лучшим для себя.

Огава чуть подумав, спросил:

— Какие доказательства вы имеет в виду?

Куяма пожал плечами.

— Шеф сказал, что на вашей совести два убийства, а он слов на ветер не бросает.

Возможно, Огаву убедила искренность сказанного Куямой. Возможно, на него подействовала безупречная слаженность полицейского механизма, под колеса которого он угодил. Может быть, произвело впечатление могущество мифического Шефа: тот настолько уверен в исходе дела, что даже не торопится самолично допросить его, а поручает это зеленому юнцу. А скорее всего Огава, исходя из богатого жизненного опыта, легко представил себе парадоксальную ситуацию: ему сойдет с рук убийство, которое он совершил в действительности, зато его засудят за другое, о котором он и

понятия не имеет. Кроме того, видимо, сказался страх, что если он будет отпираться, полиция копнет глубже и докопается до торговли наркотиками, а тогда уж ему и точно крышка. Куяма, по счастью, не упомянул, что полиции уже известно об этом. Лишь всеми этими причинами, вместе взятыми, можно объяснить невероятный факт: бывалый гангстер улыбнулся начинающему сыщику и покладистым тоном произнес:

— Ладно, так уж и быть... Признаю, что я повинен в смерти Азато... Но все произошло чисто случайно...

Куяма включил магнитофон, и сердце его радостно забилося. Победа!.. Но по мере того, как Огава излагал обстоятельства дела, им все сильнее овладевало дурное предчувствие. Он поверил арестованному преступнику. Конечно, тот далеко не безвинный агнец, каким себя выставляет: ему, видите ли, хотелось лишь слегка проучить Азато! Но за гибель Эноёды в ответе не он, а кто-то другой. И Куяма прекрасно понимал: до тех пор, пока он не отыщет этого другого, он не вправе считать дело Азато закрытым.

* * *

Они встретились в ресторане «Олд Инглэнд Стэйк Хаус» — излюбленном месте Куямы. Дэмуре отчужденно оглядывался по сторонам. Он любил чистые японские харчевни и чайные, приятно пахнущие татами, изящно расставленные ширмы, голые, ничем не завешенные стены, бесшумно раздвигающиеся двери. Панели и перегородки темного мореного дерева, стены, сплошь в картинах, гул разговоров, музыка, хотя и тихая, но беспрестанно раздающаяся из невидимых репродукторов, клубы табачного дыма, полумрак, цветные свечи на столиках, — все это было не для Дэмуре. Посетители — в основном, молодежь — сидели за столиками, пили пиво и ели бифштексы с жареным картофелем. Юноши в легких, свободных рубашках с короткими рукавами, хорошенькие девушки... Откуда у них берутся деньги на такие дорогие рестораны?

Куяма гордо вышагивал рядом с Дэмурой, неряшливо одетым и пялящим глаза даже на самых невзрачных девчонок. Да, старик показал себя в наилучшем свете, доставив на своей допотопной тачке в центральный отдел убийцу Азато, разделанного под орех: руки перебиты, нос сломан! Такое зрелище в токийской полиции бывает не каждый день.

Признание Макамуры было кратким и точным. Он обезвредил каскадеров и на пару со своим учеником занял их место. Ему было велено поиграть с Азато, прежде чем его прикончить. Однако актер неожиданно оказался сильным противником, и Макамура не стал тянуть время. В признании содержались все подробности, которые могли заинтересовать специалиста вроде Дэмур, но не было ответов на вопросы, кто нанял убийцу и сколько заплатил за работу. От Макамуры таких сведений не добиться — это было совершенно очевидно. Разоблачить самого себя он мог: проиграл — изволь расплачиваться. Но выдать нанимателя?! Полицейские старшего поколения понимали, что для Макамуры даже сам вопрос оскорбителен.

«Чистосердечное признание» Огавы тоже мало что дало. Преступник в первую очередь стремился обелить себя. Он не отрицал, что пьяный Азато вломился к нему со скандалом и бог весть почему избил его. Да, конечно, надо было бы обратиться в полицию, теперь он и сам это понимает. Какая жалость, что он сразу об этом не подумал! А его дернула нелегкая пожаловаться друзьям. Что поделаешь, если друзья принимают его неприятности близко к сердцу? Но как бы дурно они не поступили, ими двигала тревога за него, ведь этот безумец грозил прикончить его, Огаву. Свидетели могут подтвердить.

На этот счет никто и не сомневался. Правоту Огавы наверняка засвидетельствуют все его служащие, и не исключено, что при этом они скажут правду. Шумная драка и угрозы — вполне в стиле Азато. Но кто именно из друзей мог оказать Огаве скромную услугу, наняв убийцу, этого главарь банды не сказал. Он всячески уклонялся от ответа. Сначала плел, будто бы приятели намеревались лишь поколотить Азато, а тот, кого они наняли, перестарался. Однако

признание Макамуры опровергало эту версию. Тогда Огава стал расписывать, какое множество друзей-приятелей у него по всему городу, и он, мол, рассказывал о своей обиде всем и каждому. Но при этом ни одного имени не назвал. Сыщики знали, что, как они ни допытывайся, Огава в своих признаниях дошел до определенной границы, которую он не переступит никогда. Если не старинные понятия чести, то уж здравый рассудок наверняка удержит его. Себя самого топи, если прижали к стенке, но выдать кого-либо из банды... тут дело пахнет мучительной смертью в камере, которая надежно охраняется днем и ночью.

Оба инспектора съели мясо и допили пиво. Они пропустили по второй кружке пива: взаимные поздравления были уже позади. Осталось самое трудное: ответить на вопрос, кто был третий человек? Тот, кто дал приказ убить Эноёду и кто в деле Азато играл роль связника между Огавой и Макамурой.

— Мне кажется, мы его знаем, — осторожно произнес Куяма.

— Кто-то из съемочной группы? — Фраза Дэмуры прозвучала полувопросом, но оба сыщика понимали ее как утверждение.

— Человек, который знал, что в основе сценария лежат подлинные факты.

— Да. И знал, что полиция забрала сценарий.

— Он был знаком с Эноёдой.

— А когда узнал, что Эноёда восстанавливает события последних дней жизни Азато, сообразил, что мы обратим внимание на сходство киносюжета с реальной действительностью.

— Этот человек готов на все ради денег...

— Он привык принимать решения в считанные минуты...

— И, если потребует, в считанные минуты найдет вам даже наемного убийцу...

Подобно ребенку, который знает, какой подарок его ждет, и нарочно медленно разворачивает упаковку, чтобы продлить удовольствие, оба детектива старались подобрать все новые и новые определения для одного и того же лица. Теперь уже оба они были уверены, что ход их мыслей развивается правильно. Столь же очевидно было, что завтра утром они вместе арестуют его. Съемки начинаются с рассветом, но им не поздно будет встретиться и в восемь часов у жилого фургончика, который служит конторой продюсеру Таякаме.

Они распрощались, выйдя из ресторана. Куяма поклонился — церемонно и с искренним почтением. Торжественность минуты несколько снизил Дэмура, который запросто и от чистого сердца протянул руку младшему сыщнику.

